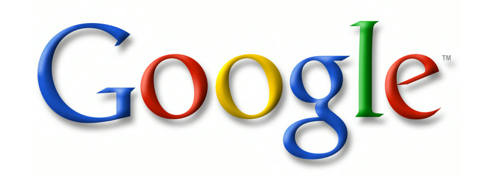

Google

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія **Ѳ. И. Щербатскаго** и помощника редактора

члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ III **Годъ XV**

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

ОТДѢЛЪ I.

Объ эпическихъ пріемахъ былины „Взята Казань".

Независимо отъ того, откуда почерпается содержаніе былинъ, при ихъ анализѣ, изслѣдователю приходится удѣлять большое вниманіе такъ называемымъ эпическимъ пріемамъ.

Эпическіе пріемы являются постояннымъ и неизмѣннымъ изобразительнымъ средствомъ въ устахъ народнаго пѣвца.

Воспѣвая то или другое лицо, то или иное событіе, сказитель-творецъ задается цѣлью давать не сухія отвлеченныя схемы, не скелеты событій, а живописные образы, картины и пр.; поэтому онъ долженъ подыскать для данной темы соотвѣтственное выраженіе, облечь ее въ художественные покровы, одѣть сухіе скелеты плотію и вдохнуть въ нихъ духъ жизни.

Это и достигается эпическими пріемами, какъ наиболѣе удобнымъ внѣшнимъ выраженіемъ поэтической думы народа.

При родствѣ психологическихъ началъ, при одинаковости развитія, въ эпическихъ пріемахъ, какъ и въ самыхъ темахъ, есть поразительное сходство между поэтическими преданіями всѣхъ временъ и народовъ, особенно аріо-европейской семьи.

Необходимо имѣть въ виду также, что пріемы, какъ нѣчто внѣшнее, сравнительно легко поддаются давленію жизни, формы которой постоянно разнообразятся. Результатомъ этого являются своеобразныя особенности эпическихъ пріемовъ у различныхъ народовъ, сообщающія особый колоритъ и самой ихъ поэзіи.

Какимъ же образомъ сказывается въ народномъ творчествѣ дѣйствіе этихъ пріемовъ?

Каждый народный пѣвецъ стихійно, безсознательно испытываетъ на себѣ неудержимую силу преданья и обычая; онъ не воленъ какъ въ характерѣ содержанія разсказа, такъ и въ способѣ выраженія его, подчиняясь складу и ладу народной

рѣчи. Это обусловливается тѣмъ, что все прошлое поэтической жизни народа не исчезло для его художественно-вдохновеннаго творчества, а чувствуется необходимо въ каждый данный моментъ: выработанные вѣками пріемы, образы, эпическіе типы и т. под., и т. под. — все это хранится въ памяти народной, какъ драгоцѣнные перлы, годные къ обращенію въ томъ или другомъ подходящемъ случаѣ. Вымираютъ или забываются, до очереди, тѣ формулы, образы, сюжеты, которые въ данное время ничего намъ не подсказываютъ, не отвѣчаютъ на наше требованіе образной идеализаціи; удерживаются въ памяти и обновляются тѣ, которыхъ *сuггестивность* полнѣе и разнообразнѣе и держится долѣе; соотвѣтствіе нашихъ наростающихъ требованій съ полнотою суггестивности создаетъ привычку, увѣренность въ томъ, что то, а не другое, служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ нашихъ вкусовъ, нашихъ поэтическихъ вожделѣній, и мы называемъ эти сюжеты и образы поэтическими[1]).

При стихійности народнаго творчества, когда далекое прошлое могучей волной захватываетъ душу народа, когда всякій дальнѣйшій опытъ, всякое впечатлѣніе, какое онъ воспринимаетъ позже, будетъ считаться съ основными типами его міросозерцанія, событія и лица временъ, ближайшихъ къ намъ, въ его вдохновенномъ творчествѣ обволакиваются какой-то эпической дымкой, отступаютъ въ даль вѣковъ, постепенно входя въ царство могучихъ богáтырей и поляницъ удáлыхъ.

Такой процессъ народно-поэтическаго творчества съ достаточной ясностью опредѣляется въ былевыхъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ.

Не задаваясь цѣлью всесторонне освѣтить данный вопросъ, мы хотѣли бы въ своемъ очеркѣ указать только нѣкоторые эпическіе пріемы наиболѣе исторической по своему содержанію былины „Взята Казань".

Не смотря на существованіе многихъ записей данной былины, до сихъ поръ варіантъ Кирши Данилова можетъ считаться наиболѣе полнымъ и старымъ, почему и долженъ быть поставленъ изслѣдователемъ на первое мѣсто.

Особенность его состоитъ въ томъ, что только здѣсь да еще въ бѣломорскомъ варіантѣ А. Маркова (менѣе полный), взятіе Казани связано съ воцареніемъ Грознаго на Москвѣ. Другія отличія касаются только формы, выраженій. Имѣя въ виду это,

---

[1]) А. Веселовскій.—Изъ введ. въ истор. поэтику. (Ж. М. Н. Пр., 1894 г., Май, 42 стр.).

мы не намѣрены разсматривать отдѣльно каждый варіантъ, а приведемъ содержаніе былины, пользуясь всѣми варіантами, имѣющимися въ печати.

Былина „Взятіе Казани" открывается слѣдующей картиной: казанская царица Елена видитъ сонъ; проснувшись, она разсказываетъ своему спругу:

. . . .
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала[1]).

Сонъ оказался вѣщимъ: сизой орлище, великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, Прозритель[2]), поднявшись

Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками,
Подходилъ подъ Казанское царство[3]).

Идти на приступъ, броситься въ рѣшительный бой онъ боялся, хотя и имѣлъ много „силушки": скоплялъ онъ ее,

. . . . ровно тридцать,
Ровно тридцать лѣтъ, еще[4]) три года.

Грозно выступали крѣпкія стѣны казанскія, усыпанныя отборными войсками басурманъ. Иванъ Васильевичъ въ нерѣшительности,

Недошедши до Казани, становился;
Становился нашъ батюшка (т. е. Грозный)
въ зеленыхъ лугахъ[5]).
. . . .
Онъ не годъ стоялъ, не два года,
Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
Не взявши Казань горюетъ, хочетъ прочь
итти[6])?..

---

[1]) Кирша Даниловъ, стр. 284, перепеч. у Кирѣевск. — VI, 8 стр., ср. А Марковъ--291 стр.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) Разнорѣчія въ сборн. гг. Костомарова и Мордовцевой.

[5]) Кирша Даниловъ, стр. 284, перепеч. у Кир. VI, 8 стр.

[6]) Кир., VI, 23 стр.

Гнѣвенъ и сумраченъ онъ; а тутъ еще

. . . . . злые татарушки по стѣночкѣ
пахаживаютъ,
Нашего Царя Бѣлаго, Ивана Васильевича,
подражниваютъ
Ты пришелъ не городъ брать, пришелъ
ж . . . казать!..
. . . .
Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
Ни во сто лѣтъ, ни во тысячу лѣтъ[1]).

А татарки съ еще большей безцеремонностью и даже дерзостью относятся къ Грозному царю московскому:

На стѣнѣ онѣ стояли, ж . . ы показали[2])...
. . . .

Прикручинился Иванъ Васильевичъ,

Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру мать землю[3]).

Что дѣлать?!
Межъ тѣмъ

Отъ Свіяжскаго отъ города[4])...
. . . .
Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку[5])...
. . . .
Подвели подъ казанское царство[6])...
. . . . все на семь верстъ[7]),
Сорокъ бочекъ закатили съ лютымъ зельемъ,
Съ лютымъ зельемъ, съ порохомъ[8]).

Въ то же время Грозный

За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ[9]).

---

1) Ibid.
2) Кир., VI, 1 стр.
3) Ibid., 3 стр.
4) Ibid., 1 стр.
5) Ibid., 34 стр.; ср. ibid., 4 и др. стр.
6) Кир., VI, 9 стр.
7) Ibid., 26 стр.
8) Ibid.
9) Idid., 34 стр.

Все готово: въ минѣ[1]), гдѣ были помѣщены бочки дубовыя со лютымъ, со злымъ[2]) чернымъ порохомъ[3]), поставили восковую свѣчу

И вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держатъ[4]).

Вотъ уже

. . . . на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится[5]).
. . . .
Ахъ, какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался...
. . . .

Расправа у него коротка:

Подавай мнѣ пушкарёвъ[6]) казнить, вѣшать[7]),

приказываетъ онъ, думая,

Что отъ нихъ измѣна учинилась[8]).

Но

Вотъ... выбрался изъ нихъ молоденькій пушкарь,[9])

который объясняетъ:

. . . . на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тише[10])...
Не успѣлъ пушкарь[11]) слово молвить...

---

[1]) Кирша Даниловъ, 285 стр.

[2]) Кое-гдѣ встрѣчается вм. злымъ—*зельемъ*.

[3]) Кир., VI, 4 стр.

[4]) Ibid., 34 стр.

[5]) Ibid., 7 стр., примѣч. 7.

[6]) „Канонеровъ"—см. Кир., VI, 9 стр.

[7]) Кир., VI, 4 стр.; ср. ibid., I, 34 стр.; въ др. варіантахъ — „саблей голову рубить".—Ibid., 5 стр.

[8]) Кир., VI, 7; примѣч. 7.

[9]) Ibid., 5 стр.; ср. ibid., 1 стр.:

Выбирались въ полку люди умные,
Люди умные, люди разумные.

[10]) Кирша Даниловъ, 285. Въ др. варіантахъ:

— На ходу-то наши свѣчки скоро горятъ—
— Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горятъ.

Кир.—VI; 6 стр.

[11]) Кир.—VI, 2 стр.: Не успѣлъ же государь Царь слово выговорить...

Еще начало же Казань городъ рвати,
Рвать-порывать, на всѣ стороны кидать...[1])
Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку[2])...
Татарокъ Казанокъ въ рѣку всѣхъ бросать [3])...
Что побило татаръ сорокъ тысячей,
Сорокъ тысячей и три тысячи [4])...
Всѣ татаре тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому Царю покорилися [5]).

Возрадовавшійся [6]) государь вмѣсто лютой казни, изготованной было пушкарямъ, сейчасъ же возвѣщаетъ щедрое награжденіе:

Всѣмъ пушкарямъ по пятьдесятъ рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей.

За то ему пятьсотъ[7]), характеристически замѣчаетъ былина —

къ Царю близко подходилъ,
Къ Царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ.

Какъ только взорвало крѣпостныя стѣны,

. . . бѣжалъ тутъ Великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена сдогадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича Прозрителя:
И за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго князя,
Онъ и вынялъ ясны очи косицами [8]),
Онъ и взялъ съ него Царскую порфиру,
Онъ Царскій костыль въ руки принялъ...

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.—7 стр.
[3]) Ibid.—2 стр.
[4]) Кир.—VI, 3 стр.
[5]) Ibid.—7 стр.
[6]) Ibid.—6 стр.
[7]) Ibid.
[8]) Висками,—см. объясненіе Кир., VI, 10 стр.

И въ то время Князь *воцарился*,
И насѣлъ на Московское царство;
Что тогда, де, Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава [1]).

Таково содержаніе былины „Взята Казань“.

Чтобы осязательнѣй представить себѣ точки касанія данной былины съ историческими фактами и лицами, освѣтимъ тотъ же предметъ, взятіе Грознымъ Казани, съ точки зрѣнія исторіи.

По вполнѣ провѣреннымъ даннымъ, Иванъ Васильевичъ Грозный въ 1552 году рѣшилъ покончить съ мятежнымъ, варварскимъ царствомъ—Казанью, которая, по выраженію современниковъ, „допекала Руси, хуже Батыева разоренія“ [2]).

Собрано было войско, огромное по тому времени, болѣе 100,000.

Этотъ фактъ нашелъ себѣ эпическое выраженіе въ былинѣ:

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года [3]).

Съ такими-то силами онъ и осаждалъ Казань.

Что касается вопроса о его личномъ присутствіи въ войскѣ, то у Костомарова мы находимъ такое мѣсто: Самъ Царь долженъ былъ итти въ походъ, хотя ему этого очень не хотѣлось, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался въ письмѣ своемъ къ Курбскому: „Вы меня, какъ плѣнника, посадивши въ судно, повезли сквозь безбожную и невѣрную землю“ [4]).

Интересно, что на Волгѣ у мордвы сохранилась память объ этомъ походѣ Ивана Грознаго подъ Казань. Ихъ народная пѣсня поетъ:

На горахъ, горахъ Дятловыхъ
Мордва богу (т. е. своему) молится,
Къ землѣ матушкѣ преклоняется,
Ѣдетъ Мурза—Московскій Царь по Воложкѣ... [5])

Здѣсь отразился исторически вѣрно и фонъ похода Іоаннова: мордва, черемисы, чуваши и другіе инородцы не успѣли

---

1) Кир., VI, 10 стр. Ср. А. Марковъ, 292—293 стр.
2) Н. Костомаровъ. Рус. ист. въ жизнеопис. гл. дѣят., 425 стр.
3) Кир., VI, 4 стр.
4) Соловьевъ относитъ это къ возвращенію Іоанна изъ-подъ побѣжденной Казани.
5) Мельниковъ.—Сочин. XII, 422 стр.

усвоить себѣ христіанскую вѣру и продолжали воздавать почитаніе своимъ богамъ на возвышенныхъ мѣстахъ („на горахъ Дятловыхъ“); власть же московскаго государя они уже признаютъ, называя его—Мурза, Царь Московскій.

У Соловьева разсказывается, что Іоаннъ въ 1550 году на устьи Свіяги заложилъ крѣпость Свіяжскъ, и съ тѣхъ поръ вся нагорная страна Волги признала власть московскаго князя. Іоаннъ даже велѣлъ испытать—прямо ли станутъ служить государю. Воеводы привели къ присягѣ черемисъ, чувашъ, мордву [1]) и повели ихъ противъ казанцевъ и крымцевъ.

Разсмотрѣнный моментъ изъ похода Грознаго не вошелъ прямо ни въ одинъ изъ печатныхъ варіантовъ былины „Взята Казань“, поэтому мы не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе его.

Въ 1552 году 20 августа русскіе приблизились къ Казани.

Созванъ былъ совѣтъ, на которомъ царь разсуждалъ со своими приближенными, какъ итти къ городу. Приговорили, говоритъ С. Соловьевъ, самому государю и князю Владиміру Андреевичу стать на царевомъ лугу... правой рукѣ съ казаками—за Казанкою; сторожевому полку—на устьи Булака. Въ нашей былинѣ упоминаются всѣ эти мѣста со Свіяжскомъ, который и по свидѣтельству исторіи являлся опорнымъ пунктомъ для дѣйствій русскихъ войскъ: отсюда велись предварительные переговоры съ казанцами; отсюда же и наступали главныя силы Іоанна [1]).

Началась осада. Томительно тянулись дни для Грознаго царя. Казанцы словно и не чувствовали близости врага: запасовъ въ городѣ было много, защитниковъ достаточно—въ крѣпостныхъ стѣнахъ насчитывалось до 30.000 отборнаго войска, да еще много подъ начальствомъ Япанчи въ Арской засѣкѣ. Настроеніе въ городѣ было прекрасное; отчего же татарамъ и не поддразнить Грознаго, не посмѣяться надъ нимъ, тщетно сидѣвшимъ у стѣнъ городскихъ со своимъ войскомъ, истомленнымъ безпрестанными вылазками изъ города, наѣздами изъ лѣсу по первому знаку съ городской башни и скудостью въ пищѣ, безсонными ночами...

Угнетенное состояніе духа томило русскихъ. Вслѣдствіе постояннаго напряженія раздраженная больная мысль ихъ видѣла въ докучавшемъ дождѣ проявленіе чаръ казанскихъ ста-

---

[1]) Соловьевъ. Ист. Рос. VI, 65—66.
[2]) Ibid.

риковъ и старухъ. „Бывало, говоритъ Курбскій, солнце восходитъ, день ясный; мы и видимъ—*взойдутъ на стѣны* старики и старухи, машутъ одеждами, произносятъ какія-то сатаническія слова и *неблагочинно вертятся*; вдругъ поднимается вѣтеръ и прольется такой дождь, что самыя сухія мѣста обратятся въ болото“ [1]).

Былина „Взята Казань“ отобразила все это, только не холодно, не какъ лѣтописецъ, а со свойственной народу художественностью и юморомъ. Здѣсь, правда, нѣтъ упоминанія о чарахъ, о дождѣ, но настроеніе духа войскъ передано художественно въ лицѣ самаго Ивана Васильевича:

Грозный царь Иванъ Васильевичъ прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру мать землю...

Не забыты и казанскія старухи, *неблагочинно вертѣвшіяся* на стѣнахъ крѣпостныхъ, чѣмъ особенно, какъ видно изъ замѣтки Курбскаго, досадили осаждавшимъ:

На стѣнахъ онѣ (татарки) стояли, ж..ы показали...

Выведенный изъ терпѣнія упорствомъ казанцевъ, раздраженный долгимъ и безуспѣшнымъ сидѣніемъ въ виду Казани, Іоаннъ призвалъ *розмысла* (инженера) — нѣмца, искуснаго въ разореніи городовъ, и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ Казань [2]).

Подкопъ былъ сдѣланъ подъ тайникъ, которымъ казанцы ходили за водой, подъ тарасы у Арскихъ и Царевыхъ воротъ и подъ стѣны городскія. Заложено было нѣсколько бочекъ пороху. 2-го октября былъ произведенъ взрывъ и черезъ образовавшуюся брешь русскіе вошли въ городъ.

Самъ царь торжественно въѣхалъ въ Казань...

Сокровища, взятыя здѣсь, и плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей, онъ отдалъ войску, а себѣ взялъ только *царя Едигера, знамена царскія и пушки городскія* [3]).

Замѣчательно, что сибирскій и бѣломорскій варіанты былины „Взята Казань“ характерно отмѣтили этотъ фактъ, переименовавъ царя Едигера въ Симеона и замѣнивъ знамена царскія царскими инсигніями.

---

[1]) Н. Костомаровъ.—Р. ист. въ жизнеоп. ея гл. дѣят.

[2]) С. Соловьевъ, VI, 77 — 78. Ср. Бестужевъ-Рюминъ. Рус. Ист., т. II, 222 стр.

[3]) С. Соловьевъ. Ист. Рос., т. VI, 82.

Изложенное съ очевидностью для всякаго показываетъ ближайшее сходство въ развитіи событій данной былины и исторіи взятія Казани.

Самый характеръ Грознаго—его нерѣшительность, боязнь, гнѣвъ, быстрые переходы къ милости и пр.—съ поразительной вѣрностью воспроизведенъ въ былинѣ.

При всемъ томъ былина не исторія.

Тоже самое, но такъ изображено, въ такомъ освѣщеніи, съ такими оттѣнками, что между исторіей и былиной пролегаетъ непереходимая межа: исторія запечатлѣваетъ событія, а поэзія образы, вызываемые въ душѣ народа этими событіями.

При созиданіи эпическихъ образовъ, какъ мы уже говорили выше, народъ примѣняетъ извѣстные пріемы.

Разберемся теперь въ этихъ пріемахъ и прослѣдимъ, какъ они претворяютъ лѣтописный матеріалъ въ перлъ созданія.

Былина о взятіи Казани Грознымъ, по бѣломорскому варіанту, начинается такъ:

Ишше было во городи въ Казани тутъ;
Ай во томъ ли во Казанскомъ городи,
Середи было Казани, славна города,
Шьчо во тѣхъ было въ полатушкахъ всё во царьскіихъ,
Опочивали то, спали царь съ царицой со Еленою.
Ище царь-отъ вѣдь сьпитъ себѣ да онъ крѣпкимъ сномъ,
Да Елена-та царица да она спать не сьпитъ;
Она мало то спала то всё ночку тёмную,
Она *видѣла себѣ то* да такой *страшной сонъ*... [1])

Этотъ эпическій пріемъ по своему началу уходитъ въ глубокую даль прошлаго, въ ту пору, когда наивной фантазіи человѣка между сновидѣніемъ, дѣйствительностью и вымысломъ представлялась тайная связь. Видѣнное во снѣ для впечатлительныхъ, неумѣвшихъ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ отдаленныхъ предковъ нашихъ не могло не имѣть прямого отношенія къ дѣйствительности, среди которой такъ много было загадочнаго, таинственнаго, отмѣченнаго присутствіемъ высшей, священной силы. Они признавали въ сновидѣніяхъ то же участіе божества, какое видѣли въ гаданіяхъ и оракулахъ. Сновидѣнія, говоритъ Буслаевъ, являлись какъ быстролетные посланники боговъ, вѣщатели ихъ рѣшеній.

[1]) А. Марковъ, 291 стр.

Такихъ людей, которые бы по примѣру новгородскаго богатыря Васьки Буслаева не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой „черленый вязъ“, въ старое доброе время бывало не много. Достаточно уже такой иллюстраціи, что христіанскіе проповѣдники вынуждены были постоянно поучать народъ не довѣрять „соннымъ мечтаніямъ“; должны были вести упорную борьбу противъ „сонниковъ“, осуждая ихъ, какъ произведенія „богоотметныя“, „отреченныя“ и потому отнесенныя къ разряду книгъ „ложныхъ“.

Но усилія духовенства были тщетны: вѣра въ вѣщіе сны пустила глубокіе корни въ нравственныя основы жизни русскихъ и не изсякла доселѣ. И теперь еще много людей, проникнутыхъ этой вѣрой, хотя въ противовѣсъ ей существуетъ пословица: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“.

Поэтому то *вѣщій сонъ* изстари составляетъ существенную, можно сказать, органическую принадлежность народнаго эпоса, явившагося полнымъ и правильнымъ отраженіемъ нравственной жизни народа.

Вѣра въ сновидѣнія, свойственная некультурнымъ и малокультурнымъ народамъ была тою психологической почвой, на которой возникъ разсматриваемый эпическій пріемъ, почему онъ и оказывается общимъ поэзіи многихъ народовъ и Востока, и Запада.

Если нужно углубляться въ сѣдую древность Востока, чтобы отыскать тамъ подобный эпическій пріемъ, то мы можемъ отмѣтить въ Библіи вѣщіе сны Іакова, Фараона, Новуходоносора, и т. д., которые предсказываютъ событія и притомъ непремѣнно въ сокровенномъ, требующемъ объясненія, поэтическомъ образѣ.

Изъ поэзіи персовъ—сонъ Астіага и т. п.

Перенесемся теперь въ древнюю Элладу. Пѣвецъ Одиссеи также пользуется вѣщимъ сномъ, какъ художественнымъ эпическимъ пріемомъ:

> 'Αλλ' ἄγέ μοι τὸν ὄνειρον ὑπόκριναι καὶ ἄκουσον.
> χῆνές μοι κατὰ οἶκον ἐείκοσι πυρὸν ἔδουσιν
> ἐξ ὕδατος, καί τέ σφιν ἰαίνομαι εἰσορόωσα
> ἐλθὼν δ' ἐξ ὄρεος μέγας αἰετὸς ἀγκυλοχείλης
> πᾶσι κατ' αὐχένας ἦξε καὶ ἔκτανεν; οἱ δὲ κέχυντο
> ἀθρόοι ἐν μεγάροις, ὁ δ' ἐς αἰθέρα δῖαν ἀέρθη [1]).

[1]) Odyssee Homers (Изд. Тейбнера, 1874 г., 32 стр.), XIX, 535—540. Рус. переводъ Жуковскаго:

Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;

Остановимся на западно-европейскомъ народно-поэтическомъ творчествѣ.

Въ одной латинской поэмѣ половины X столѣтія о *Вальтерѣ Аквинскомъ* (объ Аттилѣ), въ самомъ началѣ, Гагенъ видитъ во снѣ, что онъ и царь вступили въ опасный бой съ медвѣдемъ; впослѣдствіи же, когда они на яву дерутся съ Вальтеромъ, поэтъ, какъ бы въ связи съ этимъ сновидѣніемъ, уподобляетъ Вальтера нумидійскому медвѣдю, разъяренному собаками.

Въ скандинавской сагѣ *Völsunga* (XXXIII гл.) снится Гудрунѣ, будто она держитъ на рукѣ ястреба съ золотыми перьями: сонъ означаетъ, что будетъ ее сватать царевичъ.

Пѣснь *о Нибелунгахъ* (Nibelungenlied) начинается вѣщимъ сномъ Кримгильды, который предсказываетъ судьбу ея и все теченіе событій, составляющихъ содержаніе поэмы.

Снилось Кримгильдѣ, будто въ нѣсколько дней приручила она дикаго сокола; но вотъ налетѣли два орла и забили его, и на ея же глазахъ. Горько было ей, какъ никогда въ жизни.

Мать ея, Ута, объясняетъ сонъ: „соколъ, что ты вскормила, это благородный витязь, и—да сохранитъ его Богъ—ты потеряешь его“.

Разсматриваемый нами эпическій пріемъ, обычный въ средневѣковой германской поэзіи, пользуется большимъ распространеніемъ въ южно-славянскомъ эпосѣ.

Такъ въ одной сербской пѣснѣ воспѣвается, что жена Степана Бушича

. . . поће Стјепану љуба своја говорити:
„ Хоћу теби, Степане тужне гласе повиђети.
Ово ми се ноћаске *трудан санак* изаснио
Дје ми соко излеће изъ овога б'јела двора,
И у двор се увратио без свое без русе главе“.

Она сама сознаетъ, что это — вѣщій сонъ, почему и говоритъ:

„Ако ти се што могу, господару, умолити,
Не moi садар ходити на размјерну покрајину,
Да се ни би која годи на Косову догодила!“ [1])

Видѣть люблю, какъ они, на водѣ полоскаясь, играютъ;
Снилося мнѣ, что съ горы прилетѣвшій орелъ крутоносый,
Шею свернулъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ пространной столовой.
Мертвые были они на полу всѣ разбросаны, самъ же
Въ небо умчался орелъ.

[1]) Богишић, № 1.

Косовская катастрофа возвѣщается Милицѣ въ подобномъ же вѣщемъ сновидѣніи [1]).

У Вука Караджича [2]) есть, напр., пѣсня, въ которой одна женщина разсказываетъ, что недобрый сонъ приснился ей: будто полетѣла стая голубей, а передъ ними два сокола сивые отъ ея двора господскаго, отлетали на Косово поле и падали на Муратовъ станъ, падали и ужъ не поднимались; это, говоритъ она, тебѣ, братецъ, знаменіе—смотри, не погибни.

Обратимся теперь къ родной поэзіи.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: „Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кыевѣ, на горахъ, си ночь. Съ вечера одѣвасте мя, рече, чьрною паломою на кровати тисовѣ, чьрпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ толковинъ великый женьчугъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дъскы безъ кнѣса въ моемь теремѣ златовьрсѣмъ. Всю нощь съ вечера бусови врани възграаху, у Плѣсньска на болони бѣша дебрь, кыяне же съшли къ синему морю [3])“.

Смутный сонъ предвѣщалъ Святославу печальный исходъ геройскаго предпріятія Игоря Святославовича.

Что касается такъ называемыхъ низшихъ эпическихъ пѣсенъ, то здѣсь приходится постоянно встрѣчаться съ даннымъ пріемомъ изображенія тяжелаго горя, рокового событія.

Вотъ, напр., королевичъ, отправлявшійся „на воеваньице“, видитъ

. . . . единъ дивенъ сонъ:
Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой моей рученьки—сѣра утица.

Свой сонъ онъ разсказываетъ старой бабѣ-ворожеѣ, которая и открываетъ ему значеніе его:

Вечеръ твоя Марусенька сына родила,
Поутру ранёшенько сама померла? [4])

Въ другой пѣснѣ добрый молодецъ жалуется, что ему

. . . . малымъ то мало спалось,

[1]) Бої на Косову, год. 1389 у нар. и. Беогр. 1889.—Сан царице Милице.—Стр. 7—9.
[2]) Српске народне піесме, т. II, № 47.
[3]) Сл. о п. Иг., VI.
[4]) Соболевскій. Вел. нар. п., т. I, № 175.

Много во снѣ видѣлось:

Будто конь мой вороной разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался подъ удалымъ молодцемъ;
Свалилась кунья шапочка съ моей буйной головы;
Оторвался лукъ съ колчаномъ съ моей правой стороны;
Всѣ мелкія стрѣлочки посыпалися,
Во сыру они землю повтыкалися [1]).

Его родна матушка такъ объясняетъ этотъ вѣщій сонъ:

Да на службицѣ, чадо, тебѣ убитому быть,
Вороному твоему коню быть подстрѣлену,
Молодой твоей женѣ быть удовушкою,
Малымъ дѣтушкамъ твоимъ—сиротинушками!

Итакъ, мы видимъ, что вѣщій сонъ является въ поэзіи различныхъ народовъ изобразительнымъ средствомъ, готовой краской для живописанія чего-нибудь таинственнаго, величаваго.

Воспѣвая взятіе Казани, пѣвецъ беретъ этотъ могучій аккордъ, который пробѣгаетъ по всѣмъ нервамъ, всецѣло завладѣваетъ душой, вызывая предчувствіе чего то великаго, загадочнаго... При такомъ настроеніи въ сознаніи пѣвца и слушателей мѣра вещей и ихъ взаимоотношенія измѣняются, пріобрѣтая необычный характеръ: первый аккордъ вызываетъ рядъ другихъ... Сухой лѣтописный матеріалъ оживаетъ; природа и люди проникаются чувствомъ и мыслью.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. Зачиняевъ.

1) Ibid., № 418, ср. № 419 и №№ 412-417.

О курскихъ саянахъ.

Этнографическій очеркъ.

Поѣздка къ саянамъ.

Занимаясь матеріальной этнографіей въ Курской губ., я разспрашивалъ мѣстныхъ старожиловъ — въ какихъ районахъ сохранились старинные русскіе костюмы. Знающіе край старожили всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали мнѣ непремѣнно отправиться къ *саянамъ*.

— Замѣчательнѣе саянскихъ костюмовъ у насъ нѣтъ, говорили мнѣ въ Курскѣ,—саяны на всю губернію славятся своими кичками, кокошниками, позатыльнями, сукнями, сороками и проч. Разговоръ у нихъ тоже особый. — Нѣкоторые изъ говорившихъ склонны были видѣть въ саянахъ финновъ. При этомъ меня направили въ села, окружающія извѣстную Коренную пустынь и прежде принадлежавшія ей: Виногробль, Долгое, Жерновецъ, Водяной Колодезь, Тазово, Будановка. Саяны, какъ извѣстно, живутъ еще и въ Щигровск. у Курск. г., а также въ смежныхъ уѣзд. Харьковской, и въ другихъ мѣстахъ, но тѣ, какъ они сами говорятъ—„не настоящіе"...

Печатныя извѣстія о саянахъ.

Такимъ образомъ, мнѣ предстояло на мѣстѣ ознакомиться съ интересной этнографической группой населенія курской губ., о которой въ этнографической литературѣ уже имѣются любопытныя сообщенія, хотя и довольно немногочисленныя, принадлежащія г. г. Н. Добротворскому („Саяны", Вѣстн. Евр. № 9, 1888 г.), Бойкову („Краткое описаніе Курской губ.", учебникъ для учит. семинаріи), Е. Маркову („Истор. Вѣстн., 1887 г., I.), М. А. Халанскому („Саяны". Образцы народнаго говора въ с. Заломномъ Суджанск. у. Курск. г. Русскій филологич. Вѣстн. 1889 г. № 1; Сборникъ академіи наукъ т. 76, 1904 г.) и др.

Прежде, чѣмъ описывать мои личныя наблюденія надъ саянами, я остановлюсь на интересной статьѣ г. Добротворскаго, а также на авторитетныхъ указаніяхъ проф. Халанскаго.

„Занимаясь этнографическими наблюденіями въ предѣлахъ Курской г.,—говоритъ. г. Добротворскій,—мы случайно натолкнулись здѣсь на цѣлую этнографическую группу, ярко выдѣляющуюся по своимъ особенностямъ изъ всего остального населенія, это т. наз. *саяны,* хорошо извѣстные въ курскомъ краѣ каждому обывателю, но совсѣмъ почти не замѣченные нашими наблюдателями и изслѣдователями". Г. Добротворскій насчитываетъ 25—30 тысячъ саяновъ и полагаетъ, что они *„составляютъ народность* (курсивъ автора), а не продуктъ одной только простой областной особенности" (стр. 199).

Прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда произошло названіе *саяны*?

„Сами они и ихъ ближайшіе сосѣди крестьяне,—говоритъ г. Добротворскій,—производятъ названіе населенія отъ слова „саянъ", разукрашенный и особеннымъ образомъ сшитый сарафанъ, который носятъ *саянки*"; но цитируемый нами авторъ не согласенъ съ такимъ объясненіемъ, потому что во всей всемірной исторіи не видитъ примѣра, гдѣ бы племя называлось по одеждѣ женщинъ.

Были меланхлены, черные клобуки и т. д., но эти названія произошли отъ одежды мужчинъ и авторъ утверждаетъ, что „названіе народа было перенесено на характернѣйшую часть женскаго наряда этой народности" и приводитъ въ примѣръ названія: болгарка, венгерка, сибирка, тиролька (шляпа), черкеска, китайка (матерія) и проч. Выводъ г. Добротворскаго таковъ, что „саяны принадлежатъ несомнѣнно къ славянскому типу и были первозасельниками посеймскаго края". По преобладанію въ саянской одеждѣ черного цвѣта авторъ даже склоненъ предполагать въ саянахъ потомковъ древнихъ меланхленовъ а можетъ быть, гадаетъ онъ, *саяны* есть испорченное *славяне*...

Въ частномъ письмѣ къ г. Добротворскому Е. Марковъ относилъ саяновъ къ финскому племени: „Вѣроятнѣе всего саяны принадлежали къ группѣ инородцевъ финскаго племени; вѣроятно они были сюда приведены откуда нибудь съ береговъ Волги".

Г. Бойковъ преподаватель курской учительской семинаріи въ своемъ „Краткомъ описаніи Курской губерніи" смѣшиваетъ саяновъ съ бѣлоруссами, добровольно переселившимися въ XVII в.

и называетъ ихъ „горюнами“, тогда какъ горюны, живущіе въ Путивльскомъ уѣздѣ въ селахъ Линовѣ, Калищѣ, Нов. Слободѣ представляютъ совсѣмъ особую группу и мѣстное населеніе никогда не смѣшиваетъ ихъ съ саянами.

Профессоръ М. Г. Халанскій, давшій обстоятельное описаніе саянскаго говора с. Заломного Суджанскаго у. (см. Русск. Филог. Вѣстн., 1889 г., № 11), говоритъ: „Крестьяне, говорящіе этимъ нарѣчіемъ, называются въ Курской г. *саянами*. Странное на первый взглядъ названіе и нѣкоторыя особенности въ говорѣ, одеждѣ и образѣ жизни саяновъ дали основаніе страннымъ мнѣніямъ мѣстныхъ этнографовъ, изъ которыхъ одни видятъ въ нихъ финновъ, а другіе—особую саянскую народность славяно-русскаго корня. Для перваго мнѣнія нѣтъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія; второе страдаетъ преувеличеніемъ.“

Еще профессоромъ А. А. Потебней высказано мнѣніе, что названіе *саяны* взято по всей вѣроятности отъ одной особенности ихъ говора: именно отъ родительнаго падежа единств. числа мѣстоимѣнія 3 л. са'ѣ (саэ), вмѣсто сабѣ, себѣ, такимъ образомъ первичной формой можетъ быть саэны, откуда уже *саяны*.

„Въ пользу этого происхожденія названія саяновъ—пишетъ профес. Халанскій въ „Сборн. Отд. рус. языка и словесности И. А. Н.“ (т. 76, 1904 г.) говорила бы слышанная мной фраза, которою поддразнивалъ саянку изъ с. Ясенковъ желѣзнодорожный сторожъ на курскомъ вокзалѣ:

„Эй ты, сае́, мае́, либе́дикъ!“ Но противъ этого объясненія говоритъ то, что *саяны какъ будто не употребляютъ именно такихъ формъ отъ мѣстоимѣнія себѣ* (курсивъ мой И. А.). Но это возраженіе ослабляется тѣмъ, что говоръ саяновъ вообще подвергся сильному вліянію московскаго говора „икающаго“, распространеннаго въ городской мѣщанской, полуграмотной средѣ и преимущественно сохранился среди женщинъ, такъ какъ мужчины, занимающіеся отхожими промыслами, большею частью утеряли шепелеватость своего говора“.

Г. Халанскій приводитъ аналогичное названіе *ягуновъ* въ Воронежской губ. отъ употребленія *яго*, а также *цукановъ* въ Курской губ., говорящихъ *ка*, гдѣ всѣ говорятъ *кя* (балалайкя-ка). Выводъ г. Халанскаго: „Саяны лишь особая разновидность южно-великорусскаго говора“.

Саянъ—древне-русская одежда.

Кстати теперь же я отмѣчу ошибочность утвержденія г. Добротворскаго, что „названіе народа (саяны) было перенесено на характернѣйшую часть женскаго наряда этой народности“.

Саянъ не принадлежность отдѣльной народности, а есть старинный общерусскій нарядъ; по описанію Савваитова, саянъ это — распашной женскій сарафанъ, на подобіе высокой юбки съ проймами или помочами, которыми придерживалась подъ плечами.

Сохранилось такое указаніе: „саянъ нѣмецкій съ подолникомъ, шитъ по черному бархату алтабасомъ, около алтабасовъ веревочки золотыя“ (Забѣл. „Домашній бытъ русскаго народа“, т. 2-й, стр. 51).

Въ изд. II отд. Имп. А. Н. „Опыты областно-великорусскаго словаря“. СПБ. 1852 г. читаемъ:

Саянъ: 1) Нижній сарафанъ. Смол. Бѣльск. у., Тверской губ. Кашинск. и Корчевск.; 2) гуня, пополненные ферези, Тверск. губ. Новоторжск. у.; 3) суконная юбка у крестьянокъ Смол. губ. *Саянко* женскій нагрудникъ, Тул. губ.

„Словарь церк.-слав. и русск. яз.“ составл. втор. отд. Имп. А. Н., т. IV. Спб. 1868 г. *Саянъ* — родъ женской одежды. *Саянъ* хрущатой камки. Древн. Русск. Стихотвор.

Словарь Брокгауза и Ефр.: Саяны были нѣмецкіе изъ черного бархата, атласа съ золотыми и др. украшеніями.

Въ былинѣ о женитьбѣ князя Владиміра читаемъ:

„Послалъ онъ, Владиміръ, Чурило Пленковича выдавать платьице женское цвѣтное и выдавали онѣ тутъ *соянъ* хрущатой камки“.

Въ Сборникѣ древнихъ стихотвореній Кирши Данилова (Спб. 1901 г.):

„На Гришкѣ рубашка кисейная
На Маринкѣ *саянъ* хрущатой камки“.

Жилища и одежда курскихъ саяновъ.

Сами себя саяны любятъ называть саянами:

— Поставь, милый, лошадь къ шѣну, —говорила мнѣ одна старуха саянка, которую я встрѣтилъ при въѣздѣ въ с. Виногробль,—она шѣнца шъѣстъ, а я по шаянкамъ побѣгу, можетъ которая вынешетъ тебѣ шороку-то золотную...

Избы саяновъ, сѣрыя и неказистыя съ виду, тянутся на большомъ протяженіи. Саяны любятъ жить большими селами. Избы чередуются съ пунями. Жилище выстраиваютъ наемные плотники. Одинъ разъ въ году обыкновенно ѣздитъ по селамъ стекольщикъ съ готовыми окнами и вставляетъ ихъ кому нужно.

Въ избахъ замки почти не встрѣчаются. Полъ въ избѣ называется мостомъ, если онъ деревянный и *земь*, если земляной. Хаты обмазываются бѣлой, а также и желтой глиной. Къ избѣ любятъ придѣлывать крыльца, называемые балконами.

Раньше топили печи „по черному", т. е. избы были курныя, теперь онѣ встрѣчаются рѣдко. Печь топятъ дровами, соломой, а также въ нѣкоторыхъ селахъ и навозомъ. Саяны любятъ голубей, которыхъ разводится въ селахъ очень много.

Чрезвычайно характеренъ саянскій нарядъ. Въ виду оригинальности, а также въ виду того, что кое гдѣ этотъ старинный нарядъ вытѣсняется городскимъ, я позволю себѣ описать его подробно.

Въ Курскомъ уѣздѣ, въ с. Виногроблѣ и окрестныхъ селахъ и деревняхъ женщины носятъ слѣдующія одежды:

a) Сарафанъ „саянскій",—верхняя женская одежда изъ черной шерстяной матеріи домашняго изготовленія. Разрѣзы на груди и отверстія для рукъ обшиваются красными шерстяными полосками, съ круглыми мелкими блестками и позументомъ; обыкновенно пять узкихъ полосокъ, вышитыхъ гарусомъ, тянутся по бокамъ, а двѣ параллельно подолу.

b) „Панева" (верхняя женская юбка) изготовляется обыкновенно изъ домашней шерстяной матеріи, окрашенной въ черный цвѣтъ „въ клѣтку", спереди вшивается синяя бумажная матерія, сзади нашивается краснымъ и желтымъ гарусомъ рядъ вертикальныхъ полосъ; эти полосы украшаются нерѣдко круглыми блестками; по сторонамъ нашиваются позументные снурки; подолъ паневы украшается нѣсколькими рядами цвѣтныхъ покупныхъ лентъ; на ленты нашиваются параллельно другъ другу полосы мишурной бахромки; самый низъ паневы обшивается цвѣтнымъ поясомъ домашняго плетенья.

c) Весьма оригинальна саянская рубаха, по мѣстному „подноска": верхняя часть (станъ) шьется изъ бѣлаго фабричнаго миткаля, нижняя (подстава)—изъ домашняго сѣраго холста; манишка и воротъ расшиваются красной шерстью (гладью); въ рукава вшиваются кумачныя треугольныя ластовицы; концы необыкновенно длинныхъ рукавовъ (длина ихъ доходитъ до 87 сант. и болѣе) книзу суживаются и украшаются вышивкой (красная

шерсть и разноцвѣтный гарусъ) и двумя прошивками—красной кумачной и лиловой шелковой. Край рукавовъ обыкновенно оторочень гарусной бахромкой съ бисеромъ. Подолъ бываетъ затканъ красными параллельными полосками.

d) „Завѣска“ или передникъ сшивается изъ множества разноцвѣтныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ лентъ; украшается тремя рядами серебряной бахромы; къ подолу пришиваются длинные шерстяные „махры“ краснаго цвѣта. Длина „завѣски“ приблизительно около 105 сант.

e) На ноги надѣваются толстые шерстяные чулки обыкновенно бѣлаго цвѣта, съ черными полосками по верхней части.

f) Обувью являются „ходаки“, т. е. мелкіе кожаные башмаки, украшаемые спереди бѣлой дратвой; подъ каблуки подставляются мѣдныя подковы.

k) Особенно характерными чертами отличается саянскій женскій головной уборъ; онъ состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ частей:

1) *„сорока“*, — мелкая шапочка изъ малиноваго бархата, сверху нашиваются разнообразныя украшенія, блестки, гарусная вышивка и серебряные шнурки; по сторонамъ прикрѣпляются двѣ кисти изъ гаруса и позумента, по мѣстному „хохлы“;

2) подъ сороку одѣвается *„кичка“*, имѣющая форму коронки, которая должна придавать сорокѣ опредѣленную форму; кичка обыкновенно изготовляется изъ лыка, обтянутаго краснымъ кумачемъ и простеганнаго крѣпкими нитками; снизу кичка обрамляется серебрянымъ галункомъ;

3) позади къ сорокѣ прикрѣпляется *„позатылень“*, особый уборъ изъ лубка или плотнаго картона, имѣющій форму желоба, обшитый краснымъ кумачемъ. Лицевая сторона украшается разноцвѣтными бисерными въ перемежку съ позументными шнурками.

l) Верхней женской одеждой является „зипунъ“, изъ плотной шерстяной матеріи домашняго изготовленія. Края зипуна извнутри обшиваются краснымъ кумачемъ, снаружи краснымъ шерстянымъ кантомъ; на груди борты зипуна украшаются позументомъ, на который нашивается 10 пуговицъ, рукава зипуна отличаются значительной длиной (около 85 сант.) и носятся подвернутыми наружу; они украшаются на нижней части кумачемъ, шелковыми ленточками и тесемками.

Изъ предметовъ домашняго обихода саяновъ отмѣтимъ нижеслѣдующіе, характеризующіеся спеціально „саянскими“ особенностями: „рушники“ (полотенце) изъ сѣраго домашняго холста;

концы затканы красными параллельными полосками и украшены многочисленными ситцевыми разноцвѣтными прошивками и шерстяной бахромой; скатерти „саянскія“ приготовляются изъ льняныхъ и бумажныхъ нитей домашняго тканья „въ клѣтку“, посрединѣ снаружи вставка изъ домашняго кружева, по мѣстному „фарботы“, почему и называется скатерть съ фарботами; на концахъ вставлены прошивки и пришито домашнее кружево съ фестонами.

Говоръ саяновъ.

Большими особенностями также отличается и нарѣчіе саянское, но я не стану его описывать, п. ч. оно съ чрезвычайной обстоятельностью описано профес. М. Г. Халанскимъ въ его работахъ, помѣщ. въ „Русск. Фил. Вѣстн.“. (1889 г. № 11), а также въ „Извѣст. Академіи Наукъ“, т. 76, 1904 г.

Вотъ краткая характеристика говора саяновъ, сдѣланная профессоромъ Халанскимъ, какъ на основаніи собственныхъ наблюденій, такъ и на основаніи записей г. Өедоровскаго:

1) Неударяемое *о* = *а*, причемъ неударяемое а, какъ основное, такъ и происшедшее изъ *о*, стоящее во 2-мъ и 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго и въ слѣдующемъ за ударяемымъ, можетъ образовывать глухой звукъ *ы*, что, впрочемъ, г. Өедоровскій замѣтилъ только въ говорѣ уроженки с. Будановки Курск. у.: *стыялъ*, *распызнаю*, *въ Тыганрбя*, *пыслушаю*, *два ясныва сыкалá*, *цылвáть*, *кле'тычки*, *бéлыя* (= им. п. ед. ч. вм. ая). Послѣ *ж* и *ш* на мѣстѣ литер. *е* встрѣчается а: *жанитьба*, жаланной, сте'жачки, лучша и др.

2) Неударяемое *е* и *е* изъ *ѣ* переходитъ чаще въ *а*, нежели въ *и*: каришекъ, калясомъ, *ядúная*, *ве'тяръ*, *сястра*, *бяру*, *лятú*, *нясуть*...

3) Ударяемое *е* замѣнено посредствомъ *и* въ словѣ *падлиц* (и падлис, т. е. подлецъ).

4) Въ прошедш. врем. глаголовъ вм. *и* встрѣчается *я*: *пave'рял*, *пазвбляя*, но здѣсь мы имѣемъ дѣло со случаями смѣшенія спряженій.

5) Къ гласнымъ въ началѣ словъ приставляются й и *в*: *ютриня*, *вана́*.

6) Звучные согласные переходятъ въ отзвучные; *в* замѣняется *ф*: *галупчик*, *дутки*, *удбфка*.

7) *Г* равно *h*; передъ мягкой гласной иногда выпадаетъ: княйня, въ Тыганрбя.

8) *Ц* замѣняется посредствомъ *с*: у́лиса, сана́ (цана), авса̀ (овца).

9) *З* замѣняется посредствомъ *ж*: жале́жными, раждражни́тя, жа ним.

10) Обратно есть случаи замѣны *ж*, посредствомъ *з*: доз, до́ззыкъ (въ с. Боевой), вм. жемчугъ—*замчук*.

11) Вм. *с* слышно *ш*: *жавшигда́*, *раштаюсь*, *сиштра*, *ушё*, на *чятыри шажня*.

12) Обратно *с* вм. *ш* въ словѣ *слялси* вм. *шлялся*.

13) Какъ *ч*, такъ и *ш* произносится мягко (ушё).

14) *К* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ дѣлается очень небнымъ, — тро́йкю, нядѣлькю, чайкю́.

15) Изрѣдка встрѣчается старинное смягченіе гортанныхъ: *у ма́ковом до́мя, е́та зна́чить, у востро́зя* (въ Будановкѣ).

16) Въ пѣсняхъ любопытно сохраненіе звательнаго падежа (*мой коню варбне! пташко!*) и употребленіе формъ на *а* и *я* отъ именъ муж. рода въ значеніи зват.—именит.: *коня, пана капитана*.

17) Имена средн. р., приблизившись къ именамъ женск. рода, вслѣдствіе замѣны неударяемаго конечнаго *о* посредствомъ *а*, употребляютъ и косвенные падежи по аналогіи съ именами женск. рода: в. п. *ста́ду, го́рюшку*.

18) Есть случаи смѣшенія падежей род., дат. и мѣстнаго: па у́лисы, на му́рави, у ютрини.

19) Имена прилаг. въ им. п. измѣняютъ, неударяемыя *ой* (ый) *ей* (ій) въ *ай*, *яй*; въ род. п. *г* замѣняется посредствомъ *в*: *старыва, милыва*—твор. п. муж. р.—*ам*; въ творит. ж. р. вм. неудар. ою—ую: тихую вадо́ю.

20) Неударяемое е въ оконч. 3 л. наст. вр. глаголовъ, съ отбросомъ *ть*, измѣняется въ *я*; ударяемое *есть* сохраняется, не измѣняя *е* въ *ё*. Отъ плыть 3 л. н. в. *плуе́ть*.

21) *Ся* въ глаголахъ изм. въ *си*: гна́лси, валачи́лси.

22) Въ с. Боевой союзы: *лесли*, вм. *если*, *нино* вм. *нито*; *нино бо́лян, нино здаров*.

23) Въ с. Никольскомъ, Амелино тожъ (въ 40 верст. отъ Курска) саяны́ говорятъ: *на санёхъ, ёсть*.

Пѣсни.

При хоровомъ исполненіи пѣсенъ, парни и дѣвушки становятся въ кругъ, въ средину выступаютъ парень съ дѣвушкой и пляшутъ, соотвѣтственно мотиву; иногда просто мимикой

они передаютъ характеръ пѣсни, т. е. изображаютъ ее въ драматической формѣ.

Молодежь предпочитаетъ пѣсни старинныя, „протяжныя", хотя не прочь спѣть и новѣйшія пѣсенки—частушки, которыя здѣсь называются *бакулками* и *хахошками*. О бакулкахъ и хахошкахъ дѣвушки отзываются съ пренебреженіемъ:

— Это не пѣсни, а такъ себѣ, — придумалъ, ляпнулъ и пошло!

Приведу для примѣра репертуаръ пѣсенъ, спѣтыхъ дѣвушками при мнѣ въ одинъ вечеръ въ селѣ Ясенкахъ Щигровскаго уѣзда.

Бакулки:

1) Самъ корявый—людей коре,
Самого любить отъ горя.
2) Вы, ребята, не форсите,
Картузъ на бокъ не носите!
3) Не красива я собою,
Отъ ребятъ нѣту отбою.
4) Ходи, милый, по садамъ,
Я платочекъ тебѣ дамъ —
Шитый, мытый, катаный,
Отъ мамаши прятаный.
5) Улюбилась я у Степку,
Мать дозналась, дала трепку.
6) Улюбилась я въ Ванюшу,
Затомила свою душу.
7) Влюбилась я у кучера,
Сама себя замучила [1]).
8) Стоитъ домикъ на прикрасѣ,
Серпіешку зовутъ Вася.
9) Что, Ваня, черный орелъ,
До чего ты меня довелъ!
10) Всѣ ребята уѣзжаютъ,
Дѣвки плачутъ, провожаютъ [2]).
11) Родимыя мои няни,
Головушку съ меня сняли.
12) Мамашечка, не бранись,
Да попробуй-ка влюбись!
13) Провались ты съ красотою,
Если я тебя не стою.

Нерѣдко „бакулки" отражаютъ въ себѣ черты крестьянскаго быта, окружающей обстановки въ данный моментъ, напр:

14) Харошій мальчикъ, нравится,
Салдатчина мѣшается.
15) Харошъ мальчикъ, дуже дорагъ, —
Чрезъ его пила я порахъ!

---

[1]) По поводу этой частушки, дѣвушки замѣтили: „Это Наташа Фролкина сочинила, а мы ее теперь этимъ кучеромъ все дражнимъ!..

[2]) Хочъ на ночлеги, хочъ у салдаты,—шутя пояснила дѣвушка.

„Протяжныя“:

Посвищи, посвищи, соловьюшко, въ саду
Погуркай, молоденькій, въ зеленомъ!
Радъ бы, радъ посвистать,
Я свой голосъ потерялъ
По вечернимъ зорямъ,
По утреннимъ по росамъ.
По вишневымъ по садамъ
Я крылышки оббивалъ,
Чечоточку выкликалъ,
Рябую выбаивалъ,
Къ себѣ переманывалъ.
Поиграй, Аннушка, у батюшки,
Пошути шуточку, Васильевна, у родного.
Ужъ бы я поиграла,
У меня голосу не стало;
Играть воли нѣтути
Отъ роднаго батюшки,
Отъ родимои матушки.
Я не гляживала,
Батюшки не уваживала,
На улицу хаживала,
Круглый танокъ важивала,
Молодыхъ ребятъ гляживала:
Я глежила, выбирала
Раздобраго молодца,
Удалую головушку,
Удалую—удалецкую,
Ишшо молодецкую.
Удалая головушка у Митрія,
У Митрія Афанасьевича;
У Митрія Афанасьевича
Русы кудри съ колесо,
Чорна шляпа со перомъ,
Подпояска алевая,
Рубашка миткалевая,
Сапожки сафьяные,
Чулки бумажные,
Перчаточки голубыя,
Чтобы дѣвушекъ губили.

Соловей кукушечку уговаривалъ,
Молоденькій рябую сподманывалъ:
Полятимъ, кукушечка, у мой зеленъ садъ.
Во моему садику молодецъ гулялъ.
Ходилъ, гулялъ молодецъ не веселъ добре.
Какъ мнѣ молодцу веселому быть?
Нарекла мнѣ въ солдаты итить
Не родная мачеха, въ некрутики.
А мнѣ молодцу не жалаитца;
Жалалось мнѣ молодцу гадокъ погулять,
Гадокъ погулять—въ Москвѣ побывать,
Салдатъ повидать.
Салдатушки батюшки
На строю стоять,
На строю, на строюшку,
Про строй говорять.

У насъ на улицѣ, у насъ на широкой
Тамъ ходять гулять три дородничка,
Три дородничка, три бѣлы карагодничка,
Шо дородничекъ-то Дмитрюшка,
Карагодничекъ Афанасьевичъ,
Растаношничекъ Яковлевичъ
Чище лучше всѣхъ.
Подороднѣй всѣхъ
Иванъ Евдокимовичъ.
У насъ на улицѣ на широкой,
У насъ на муравѣ зеленой,
Шо у насъ дородушка Натальюшка,
Карагодница Ѳедоровна;
Растаношница Палагеюшка Павловна.
Тище лучши всѣхъ,
Подороднѣй всѣхъ
Аннушка Миколаевна.
Натальюшка умывалася,
Ана Митрюшкѣ выхваляласся:
Шо харошъ-пригожъ Митрюшко Афанасьевичъ...

„Когда уходятъ въ салдаты“:

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья,
На завтра рано, чѣмъ свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.
Заплачутъ братья мои, сестры,
Еще заплачетъ мать, отецъ родной,
Еще заплачетъ моя дорогая,
Съ которой три года прожилъ.
Коляска къ двору подъѣзжаетъ,
Съ коляски голосъ подаютъ:
Сбирайте сына вы родного!
Крестьянскій сынъ уже готовъ.
Семейство замертво лежитъ...

Нельзя мнѣ къ обѣденькѣ ходить,
Нельзя низко кланяться,—
Всѣ попочки влюбляются,
Дьяконочки всмѣхаются.
Полюбилъ меня молоденькій попокъ,
Подарилъ мнѣ кашемировый платокъ.
Мнѣ платочекъ носить хочется,
А попа любить не хочется,
Чрезъ за что его любить не хочется,
Што онъ по міру волочется;
Костылемъ подпирается,
Пирогами побирается.

„Вотъ эту пѣсню отъ хохлушекъ выучились, которыя мазали хаты“,—сообщили дѣвушки, и пропѣли:

Крупяная каша, немытый котелъ,
Вра, вра, вра!
Померла дѣвчонка, померла любовь.
Изъ ученья шелъ, въ трахтиръ я зашелъ,
Потребовалъ водки и три осетра;
За каждымъ бокаломъ кричалъ я ура!
Царская дочь полюбила меня...

Сидѣлъ воронъ на бѣлой березѣ,
Кричалъ воронъ на войну.
Пропадать мнѣ, бѣдному мальчонку,
Въ чужой дальней сторонѣ.
На кого я мать свою спокинулъ,
Атца стараво старика?
Капиталъ я, братцы, промоталъ
И въ неволю жить попалъ.
И въ неволю, братцы, во такую,
Въ большой каменный острогъ.
Ничаго, братцы, не видно, не слышно,
Когда видно тутъ, то слышно, (?)
Когда солнце взойдетъ,
Барабанъ зорю пробьетъ,
Ключникъ двери отпираетъ,
Острожничковъ выпущаетъ.

Ванька-ключникъ.

Въ саду ягода-малина
Подъ закрытіемъ росла;
Свѣтъ княгиня молодая
Въ княжемъ теремѣ жила.
У князя былъ слугой
Ванька ключникъ молодой,
Ванька ключникъ, злой разлучникъ,
Разлучилъ князя съ женой.
Онъ не вдаривалъ княгиню
Ни златомъ, серебромъ,
Онъ вдаривалъ княгиню
Своимъ бѣленькимъ лицомъ.
А княгиня къ ему льнула,
Какъ сорочка ко плечу.
Ванька съ нянькой поругался,
Нянька князю донесла.
— Слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои!
Вы пойдите, приведите
Ваньку ключника ко мнѣ.
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
На емъ вѣтеръ кудри вьетъ.

— Разскажи-ка ты, Ванюша,
Сколько лѣтъ съ княгиней жилъ?
— Про то знаетъ, князь, подушка
И княгиня молода!..

— Гдѣ моя молодость прошла?
На чужой сторонкѣ.
Гдѣ катяла я дѣтей,
Тамъ коровъ доила...
Завродилась я, дѣвочка, красива,
Хучъ красива, хороша, а плохо одѣта,
Замужъ никто не беретъ дѣвочку за ето.
Пойду съ горя въ манастырь Богу помолюсь,
Предъ иконою святой слезами зальюсь.
Во дремучемъ во лѣсу
Волшицы гуляютъ,
А во Карповскомъ саду
Пташки распѣваютъ.
Одна пташка желтая
Жалобно запѣла,
За несчастьице мое
Счастье улетѣло...

Ляти пташка-канарейка,
Ляти въ гору высоко,
Сядь на яблоню кудряву,
На вѣтку зялену,
Прапой пѣсню, прапой нову
Про несчастіе свае.
Какъ у нашей во деревнѣ,
Во Веселой Слободѣ
Лѣтъ семьнадцати мальчонко,
Онъ холостъ, не женатъ.
Какъ задумалъ онъ жаниця,
Благословенья сталъ просить,
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что на свѣтѣ есть любовь,
У во свѣтѣ любовь разна,—
Можно кажную любить...
Завернулся сынъ, заплакалъ,
Пошелъ въ горенку нову,
Узялъ саблю, узялъ востру,

Пошелъ въ темный лѣсъ гулять,
Тогда вынулъ саблю востру
Онъ зарѣзалъ самъ себя.
— Чрезъ какую, чрезъ красотку
Погубилъ я самъ себя!
Моя буйная головка
Покатилась по травѣ,
Мой волосъ кучерявый,
Онъ завьянетъ, какъ трава,
Моя маменька родная
Во постелюшку слегла.

„Скоморошеская“:

Ужъ ты Машечка, Маширочка моя,
Чего, Машечка, у личико блѣдна?
Она худо блѣдна безъ милого дружка.
Просидѣла всю ночь въ темнотѣ,
Стали въ Маши черны брови да не тѣ.
На горушкѣ рябиночка стояла;
На рябинушкѣ три кисточки хороши:
Первая кисть хороша,—
Петреюшко Александровичъ душа,
Вольганушка—невѣстушка моя,
Васильевна—нарѣченная моя душа,
А другая кисть хороша—
Иванушко Васильевичъ душа,
Пелагеюшка—невѣстушка моя,
Нарѣченная невѣста моя.
А третья кисть хороша—
Терентьюшко Миколаевичъ душа,
Ѳедосьюшка—невѣстушка моя,
Ивановна--нарѣченная душа...

Общія наблюденія.

Приведемъ нѣсколько личныхъ общаго характера наблюденій надъ саянами. Общинное начало сильно развито у саяновъ. Сельскій сходъ имѣетъ большое значеніе. Общинную землю при раздѣлѣ, обыкновенно, мѣряютъ шестами на узкія полосы 2

саж. шириной и 100 саж. длиной. Съ десятины получаютъ 5—7 копенъ хлѣба.

Мужчины имѣютъ обыкновеніе отправляться на отхожіе промыслы,—служатъ въ городахъ въ трактирахъ, въ булочныхъ и разныхъ торговыхъ заведеніяхъ. Извозчикъ-саянъ, возившій меня по селамъ, между прочимъ, подробно разсказывалъ про свое путешествіе по Россіи: онъ недавно объѣхалъ много городовъ, разыскивая удобный пунктъ для открытія новой булочной. Вмѣстѣ съ городской цивилизаціей мужчины нерѣдко завозятъ и нѣкоторыя болѣзни, слѣды которыхъ можно было ясно замѣтить на населеніи.

Мужчины большею частью ниже ростомъ, чѣмъ женщины, и въ общемъ физически развиты хуже.

Г. Добротворскій въ упомянутой мною статьѣ отмѣчаетъ „умственность" и смѣтливость мужчинъ, говоря при этомъ, что процентъ грамотности въ саянскихъ селахъ въ 1882 г. былъ 7%, тогда какъ вообще по Курскому уѣзду—5,7%.

Можетъ быть это и такъ. Хотя мѣстный учитель, котораго я разспрашивалъ, былъ не высокаго мнѣнія объ умственности саяновъ, живущихъ вокругъ Коренной пустыни. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ саянскихъ селахъ мнѣ приходилось наблюдать значительную распространенность фамиліи „Дураковъ"; на дощечкѣ, прибитой къ воротамъ или къ избѣ, надъ окнами, то и дѣло читаешь: Ефимъ Дураковъ, Семенъ Дураковъ, Калистратъ Дураковъ, торговля С. Дуракова и т. д. Откуда появилось названіе *саяны,* крестьяне не знаютъ, хотя имѣютъ на этотъ случай разныя объясненія. Такъ, одна старуха при продажѣ мнѣ своего наряда разсказывала, что между ними есть преданіе, будто бы въ старые годы цари ссылали саяновъ издалека въ Курскую губернію за разныя преступленія и отдали въ собственность монастырю—Коренной пустыни. Въ другомъ случаѣ, саянъ лавочникъ далъ такое объясненіе:—мы, саяны, раньше звались *стояны,* т. е. всегда правильно на своемъ стоимъ, за правду стоимъ...

Заключеніе.

Откуда же появилось названіе *саяны* и кто такіе *саяны?* Названіе *саяны* произошло вѣроятнѣе всего отъ *саяна* или *сояна*, особой женской одежды, описанной выше.

Г. Добротворскій полагаетъ, что, наоборотъ, сарафанъ-саянъ получилъ свое названіе *отъ особой саянской народности*

славяно-русскаго корня; съ этимъ нельзя согласиться потому, во-первыхъ, что саянъ, какъ мы уже видѣли, есть старинная русская одежда; во-вторыхъ, эта одежда отличается значительной распространенностью, какъ уже выше мы упомянули. Онъ встрѣчается также въ Бѣльскомъ у. Смол. г.; Кашинскомъ и Корчевск. у. Тверск. г.

По сообщенію г. Халанскаго, „изъ имѣющихся въ Моск. этногр. муз. головныхъ уборовъ, съ уборомъ саяновъ сходны головные уборы женщинъ Тамбовскаго у., Масальскаго у. Калужской г, (№ 155), особенно Тульской губ. (№ 150) и Гжатскаго у. Смол. г. Въ Харьковскомъ этногр. музеѣ таковъ по покрою, но гораздо бѣднѣе по качеству, костюмъ женщинъ с. Люджи, Харьковской г.“ (Сборникъ русск. яз. и слов. И. А. Н. Спб. 1904). По словамъ того же автора, слово *саянъ*, какъ названіе одежды, встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, напр., въ Черниговской губ.; слово *сая* въ значеніи длинной одежды встрѣчается у болгаръ; у сербовъ есть тоже саjа — бела женска халина или сукньа, или красный платокъ: слово турецкаго происхождені — saja — Sarsche. (См. Дюверпуа, Слов. Болг. яз. Mikloš. Die türk. Elem.).

Почему же, спрашивается, жители другихъ мѣстъ, носящіе саяны, не зовутся саянами, а группы курскихъ крестьянъ, издавна принадлежавшихъ мѣстнымъ монастырямъ, всѣмъ извѣстны подъ этимъ именемъ?

Дѣло въ томъ, что описываемая этнографическая группа отличается отъ окружающаго населенія не только одеждой, но также говоромъ и всѣмъ своимъ стариннымъ укладомъ жизни, и она не могла не получить своего особаго названія; названіе же было взято отъ той одежды (саянъ), которая является непримѣнной принадлежностью женщинъ, изготовляется и украшается ими съ особой тщательностью и сразу бросается въ глаза постороннему наблюдателю.

Всѣ саяны, *безъ исключенія,* бывшіе монастырскіе крестьяне. Чтобы уяснить себѣ отношеніе саяновъ къ остальному населенію, припомнимъ, какъ заселялась Курская Украйна; она заселялась съ сѣвера отъ Москвы и съ запада отъ Днѣпра. Въ старину правительство имѣло обыкновеніе заселять окраины людьми чисто русскими. Первыми засельниками были „переведенцы“ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Одни — ссылались правительствомъ, другіе — „люди охочіе“, приходили добровольно. Ссыльные и „гультяи“ надолго упрочили худую славу за жителями Курской Украйны. „Нѣтъ у бѣлаго Царя вора супро-

тивъ курянина". „Орелъ да Кромы, первые воры, да и Карачевъ на поддачу". „Елецъ—всѣмъ ворамъ отецъ; а Ливны—всѣмъ ворамъ дивны". Въ Льговѣ одна изъ улицъ называлась „Каторжной".

Спустя нѣкорое время послѣ Люблинской уніи (1569 г.) сюда начали переселяться выходцы изъ Польско-Литовскаго Поднѣпровья, извѣстные подъ именемъ „черкасовъ".

Г. Добротворскій приводитъ такое свѣдѣніе: „саяны отданы были монастырямъ за долго до начала массовой иммиграціи сюда крестьянскаго населенія (до XVI в.)".

Путивльскій Молчанскій монастырь получилъ свои вотчины и села (Мшево, Климовское и Нов. Слободу) отъ великаго князя московскаго Василія I Дмитріевича (1389—1425) въ началѣ XV вѣка.

Крестьяне, поступившіе во владѣніе монастырей, были обыкновенными русскими крестьянами, мѣстными „курянами", жившими здѣсь изстари. Въ то время, какъ на долю окружающаго населенія выпадали тяжкія испытанія, въ то время, какъ къ нимъ примѣшивались новые засельники,—монастырскіе крестьяне, прозванные впослѣдствіи саянами, обособленно жили подъ защитой монастырей, сохраняя черты стараго быта, тоже подвергаясь вліянію „степи", но въ меньшей степени. И въ другихъ мѣстахъ Россіи, по отзывамъ наблюдателей, монастырскіе крестьяне замѣтно отличаются отъ помѣщичьихъ и казенныхъ.

Изъ сообщенія В. И. Чернышева „Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московск. у." (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. Т. LXVIII), мы узнаемъ, что жители нѣкоторыхъ селъ Московскаго уѣзда извѣстны подъ именемъ „монастырщины", какъ принадлежавшіе раньше монастырю.

Въ бытѣ и нравахъ монастырщины сохранилось болѣе старины, чѣмъ въ бытѣ и нравахъ барскихъ крестьянъ. Естественно, что и въ бытѣ Курскихъ монастырскихъ крестьянъ—великоруссовъ, прозванныхъ впослѣдствіи саянами, за излюбленный женскій типичный нарядъ, сохранилось болѣе старинныхъ особенностей. Во всякомъ случаѣ, весьма любопытно было бы изучить архивные акты монастырей Курской Украйны. Быть можетъ, тамъ имѣются данныя, которыя помогутъ съ большей опредѣленностью рѣшить занимающій насъ вопросъ о курскихъ саянахъ.

Иванъ Абрамовъ.

Община у зырянъ.

(*Продолженіе*).

Указать точно время, когда передѣлы впервые вошли въ практику населенія—нѣтъ возможности. Единственнымъ основаніемъ для разрѣшенія этого вопроса могутъ служить мірскіе приговоры, но они обнимаютъ собою далеко не всѣ передѣлы. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда идея уравненія угодьями еще только пробивала себѣ дорогу, передѣлы зачастую совершались устно, какъ и теперь иногда совершаются въ глухихъ, заброшенныхъ деревняхъ. Никакихъ приговоровъ не составлялось. Да и самые передѣлы имѣли очень несовершенную форму, сводясь къ частичнымъ отводамъ и отрѣзкамъ. Приговоры начинаютъ имѣть мѣсто позже, когда уравненія перестаютъ служить средствомъ для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей въ расширеніи землевладѣнія отдѣльныхъ общинниковъ и начинаютъ затрагивать интересы всѣхъ домохозяевъ. Г. Поповъ, использовавъ не мало матеріаловъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ, также пишетъ, что нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, когда сложилась въ Устьсысольскомъ уѣздѣ общественная земельно-хозяйственная жизнь. „Извѣстно только, что при X ревизіи въ 1858 г. всѣ сельскія общества уѣзда имѣли уже общественную мірскую землю, которую и рѣшили переверстать по ревизскимъ душамъ мужскаго пола". Трудно распространить это на весь уѣздъ, такъ какъ мы достовѣрно знаемъ, что многія селенія лишь въ самое послѣднее время перешли къ разверсткѣ угодій, нѣкоторыя же и до сихъ поръ не произвели ее. Но несомнѣнно однакожъ, что къ 60 годамъ сформировалось уже значительное число поземельныхъ общинъ. Относительно Шиловской волости извѣстно, что ея общины уже въ 1850 году произвели передѣлы, но были ли они первыми, неизвѣстно. Съ 50 годовъ ежегодное число передѣловъ непрерывно растетъ. Три верхне-

вычегодскія волости даютъ слѣдующую картину увеличенія числа передѣловъ [1]) по десятилѣтіямъ. Въ 50-е годы совершено было 5,7% всего числа передѣловъ за полстолѣтіе, въ 60—9,6%, въ 70—9,6%, въ 80—25,8 съ 90 по 1902—49,0%. Безъ сомнѣнія то же происходило и въ другихъ частяхъ района.

Цѣль сторонниковъ уравненія заключается въ уничтоженіи неравенства въ землѣ. Мысль о томъ, чтобы ввести уравненіе въ принципъ, повторяя передѣлы чрезъ опредѣленные болѣе или менѣе продолжительные сроки еще не создается; на первый планъ выступаетъ желаніе ослабить неравенство только въ данный моментъ. Разъ добившись уравненія община не устанавливаетъ на первыхъ порахъ никакого срока, благодаря чему каждому новому передѣлу предшествуетъ и новая борьба. Бываютъ случаи, когда община, разъ пришедшая къ соглашенію относительно передѣла, въ другой разъ такого соглашенія не достигаетъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ борьба требуетъ, разумѣется, меньше силъ; важно сдѣлать лишь первый шагъ. Но даже и тогда, когда уравненіе становится обычнымъ явленіемъ, сроки устанавливаются не всегда, и новый передѣлъ наступаетъ лишь въ тотъ моментъ, когда появляется и новое основаніе къ нему. Ближайшимъ мотивомъ къ передѣлу служитъ не только недовольство малоземельныхъ; сплошь и рядомъ на сценѣ появляются причины совершенно другого характера. Такъ Устьнемская община пишетъ: „..... имѣли разсужденіе о томъ, что при раскладкѣ податей между нами въ передачахъ и переводкахъ [2]) по прежде измѣряемой и составляемой вѣдомости о земельныхъ угодьяхъ бываютъ многія ошибки по неясности вѣдомости и имѣли бы желаніе произвести новую перемѣрку земляныхъ угодій .....“, т. е. новый передѣлъ (Приговоръ отъ 11 апр. 1893 г.). Ту же причину выставляетъ въ 1894 г. и Мышдинская община. Она же въ 1898 г. пишетъ: „вслѣдствіе частыхъ перемѣщеній въ нашемъ обществѣ въ минувшихъ годахъ сельскихъ писарей и нерадѣнію ихъ къ служебнымъ обязанностямъ, поземельныя описи не приводились въ установленный порядокъ, а потому нѣтъ возможности разобрать по описи, кто какимъ участкомъ пользуется, что крайне неудобно при раскладкѣ тяголъ, т. е. скидкѣ и накидкѣ“. (Приговоръ отъ 14 апр. 1898 г.). Постановлено также про-

---

[1]) Имѣются въ виду не только первые передѣлы, но вообще всѣ, производившіеся въ общинахъ.

[2]) Дѣло видимо идетъ о свалкѣ и навалкѣ тяголъ.

извести новый передѣлъ. Иногда въ началѣ приговора въ видѣ объясненія мотива передѣла стоитъ фраза: „слушали предложеніе г. земскаго начальника...“. Помоздинская община рѣшила произвести передѣлъ потому, что, не догадавшись оставить при предыдущемъ передѣлѣ запасныхъ участковъ, она не могла выполнить предписаніе уѣзднаго съѣзда о надѣленіи угодьями крестьянъ, переселившихся въ нее изъ другихъ общинъ. (Приговоръ отъ 29 дек. 1900 г.). Словомъ въ хозяйственной жизни общины завязываются подчасъ такіе узлы, что распутать ихъ можно лишь произведя новый передѣлъ. Улучшая технику передѣловъ и этимъ въ значительной мѣрѣ устраняя недостатки, могущіе въ будущемъ послужить мотивомъ для новаго передѣла, община вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ заботиться объ установленіи опредѣленныхъ сроковъ, ранѣе истеченія которыхъ уравненія не должны быть повторяемы. Г. Поповъ сообщаетъ, что ранѣе другихъ къ установленію сроковъ приступили присысольскія волости [1]), нѣсколько позже общины вычегодскихъ волостей. Величина сроковъ колеблется отъ 5 до 15 лл. [2]). Законъ 8 іюня 1893 г. требуетъ, чтобы срокъ былъ не менѣе 12 лѣтъ. Зырянскія общины однако мало считаются съ этой нормой и устанавливаютъ сроки въ зависимости отъ своихъ личныхъ взглядовъ. Устьнемская община, при передѣлѣ 1894 г., установила 6 лѣтній срокъ, слѣдующимъ образомъ мотивируя сдѣланное отступленіе, „Хотя статья 5-я и 6-я новыхъ правилъ и установляютъ передѣлъ мірской земли на срокъ не менѣе 12 л., но это въ нашемъ малоземельномъ сѣверномъ краѣ соблюдать совершенно невозможно, такъ какъ въ теченіе 12 л. произойдутъ большіе ущербы и убытки въ домохозяйствѣ измѣненіями семейныхъ положеній въ разныя перемѣны въ прибыли и убыли душъ, прибылое семейство тогда будетъ состоять въ крайне стѣснительномъ и бѣдственномъ положеніи, а убылое семейство можетъ разжиться до богача“. (Приговоръ отъ 27 дек. 1893 г.). Своеобразнымъ слогомъ деревенскихъ приговоровъ община хорошо выяснила и значеніе земледѣлія, и причину передѣла, и свое стремленіе повто-

[1]) Р. Сысола—лѣвый притокъ р. Вычегды.

[2]) Въ Вильгортской, Шевшинской и Граддорской общинахъ—12 л.; въ Кочпонской—5 л.; въ Воронцовской, Реневевской, Каргортской и Бортомской общинахъ, во всѣхъ общинахъ Шиловской и Визингской волостей—15 л.; въ Палаузской общинѣ и во всѣхъ общинахъ Вотчинской вол. — 10 л. Тѣ же сроки существуютъ и въ остальныхъ общинахъ, никогда не поднимаясь выше 15 л., но опускаясь иногда до 3 лѣтъ.

рять его возможно чаще. Въ болѣе культурныхъ общинахъ требованіе закона 8 іюня 1893 г. начинаетъ находить все большее примѣненіе.

Передѣлу предшествуетъ измѣреніе всѣхъ, подлежащихъ разверсткѣ угодій [1]). Обмѣръ земель производится общинниками чрезъ особо выбранныхъ понятыхъ въ числѣ 12 отъ каждаго селенія. Отбросивъ путемъ ли опроса, или, если имѣется возможность, посредствомъ письменныхъ документовъ, льготныя земли, вся остальная площадь подвергается учету. Единицей мѣры выбирается всегда сажень, въ большинствѣ случаевъ казенная, равная 12 четв., иногда же—24-хъ четвертная. Такъ какъ полосы пахотныхъ угодій представляютъ обыкновенно прямоугольники, то опредѣленіе площади ихъ производится простымъ перемноженіемъ длины на ширину. Изъ общей массы обмѣриваемыхъ земель въ нѣкоторыхъ общинахъ выключается и не вносится въ землеписныя книги полоса земли, прилегающая къ изгородямъ. Ширина ея колеблется отъ 1 до 5 саж., въ зависимости отъ многоземельности общины. Въ Скородумской общинѣ она зависитъ и отъ того, короткимъ или длиннымъ концомъ прилегаютъ полосы къ изгородямъ: въ первомъ случаѣ ширина отбрасываемой полосы равна 7, во второмъ—5 саж. Выключеніе дѣлается изъ соображеній о хозяйственной невыгодности или малой производительности при-изгородныхъ полосъ, обыкновенно покрываемыхъ глубокими заносами снѣга, вытаптываемыхъ и проч. Что касается сѣнокосныхъ земель, то обмѣръ ихъ тѣмъ же путемъ, какой примѣняется къ пахотнымъ, совершенно невозможенъ; крайняя изрѣзанность контуровъ и большое разнообразіе участковъ по качеству дѣлаютъ недостаточнымъ примѣненіе простыхъ пріемовъ измѣренія; поэтому во всѣхъ общинахъ издавна практикуется измѣреніе сѣнокосовъ по укосу. За единицу принимается извѣстное количество сѣна, опредѣляемое вѣсомъ или кубическимъ содержаніемъ. Она носитъ различныя названія: „копна", „осьмина", „осьмушка", „копно" и т. д. Въ Помоздинской волости копна (по зырянски „юр") = 2 куб. саж. плотно уложеннаго, утоптаннаго сѣна; части копны—полкопна („юр-джын") и четверть (нёльӧд-юкӧн) = $^1/_4$ копны. Копна = 8 возамъ, откуда другое названіе—осьмина; возъ при этомъ считается отъ 12 до 20 пуд.

[1]) Все, чтò приводится здѣсь о единицахъ мѣры и сортахъ земли, заимствовано нами изъ нашей же статьи: „Порядки землепользованія въ верхневычегодскихъ волостяхъ", помѣщенной въ „Итогахъ". Эти данныя могутъ быть съ полнымъ правомъ распространены на всю зырянскую территорію,

Въ Устькуломской и Устьнемской волостяхъ единицей служитъ „осьмушка", подраздѣляемая на 4 четверти, причемъ въ первой изъ нихъ осьмушка равна 8 воз. и содержитъ 120 пуд. сѣна, во второй въ различныхъ общинахъ колеблется отъ 2 воз. (30 пуд.) до 4 возовъ (60 пуд.). Въ юго-западныхъ волостяхъ единица называется иногда „промежкой". Величина единицы въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣняется въ зависимости отъ сорта сѣнокоса; такъ въ Устькуломской общинѣ копна сѣна 1-го сорта = 80 пуд., 2-го — 68 пуд., 3-го — 60 пуд.; отношеніе между этими цифрами есть, слѣдовательно, ничто иное, какъ принятое крестьянами отношеніе одинаковыхъ по величинѣ площадей всѣхъ трехъ сортовъ. Мѣры и названія ихъ очень разнообразны и перечислить всѣ нѣтъ возможности; приведенныя названія могутъ дать только представленіе объ общемъ ихъ характерѣ.

Вмѣстѣ съ обмѣромъ производится запись того сорта, къ которому, по показанію понятыхъ, необходимо отнести полосу. Это дѣлается для того, чтобы впослѣдствіи, при разверсткѣ земли, можно было произвести не только количественное, но и качественное уравненіе. Населеніе не сразу однако перешло къ качественному уравненію, во всякомъ случаѣ оно выступаетъ на сцену позже количественнаго. Угодья дѣлятся на сорта, соотвѣтственно ихъ хозяйственному достоинству. Опредѣленіе сорта участка представляетъ очень трудную задачу, требующую самаго тщательнаго знакомства съ условіями земледѣлія. Не смотря на постоянныя споры и пререканія, крестьяне, однако, съ честью выходятъ изъ затрудненія, обнаруживая огромный практическій навыкъ въ опредѣленіи пригодности участка для тѣхъ или иныхъ сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Руководящими мотивами при опредѣленіи сорта служатъ: положеніе въ смыслѣ рельефа (расположенъ ли участокъ на вершинѣ ската, въ полусклонѣ, или внизу; направленіе и степень крутизны ската), характеръ верхняго почвеннаго слоя, его мощность, глубина залеганія подпочвеннаго слоя и его качества, способность задерживать или пропускать воду, присутствіе камней, или галекъ въ верхнемъ распахиваемомъ слоѣ,—словомъ цѣлый рядъ условій, знакомство съ значеніемъ которыхъ только и возможно крестьянамъ, обрабатывающимъ изъ года въ годъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ однѣ и тѣ же полосы. Въ сѣнокосныхъ угодьяхъ, при опредѣленіи сорта, на первый планъ выступаетъ вопросъ: заливается ли участокъ весеннимъ разливомъ и надолго ли; далѣе слѣдуетъ: степень заболоченности грунта, заростаніе лѣ-

сомъ, засариваніе пескомъ, стремленіе къ замшариванью, качество произрастающей травы и т. д. Число сортовъ различно, отъ 2 до 6, что стоитъ въ зависимости отъ степени разнообразія угодій по ихъ качествамъ. Они называются: лучшій, средній, худшій, самый худшій и т. д., или—первый, второй и т. д. Въ Красноярской общинѣ существуетъ два сорта, причемъ они называются: второй и третій; первый отсутствуетъ, ибо, какъ говорятъ крестьяне, у нихъ нѣтъ земель, которыя достойны названія перваго сорта. По отношенію къ сортамъ поля представляютъ довольно пеструю картину; полосы различныхъ сортовъ перемѣшаны; сплошь и рядомъ можно видѣть три-четыре полосы, прилегающія другъ къ другу, и всѣ онѣ оказываются различнаго качества, хотя поверхностный глазъ не найдетъ между ними никакой разницы. Лишь тамъ, гдѣ нѣтъ большого разнообразія въ естественно-топографическихъ условіяхъ, замѣчается нѣкоторая компактность въ отношеніи къ сортамъ, и поля разбиты на небольшое число крупныхъ кусковъ. Въ число лучшихъ земель при этомъ попадаютъ наиближайшія старыя земли; въ число наихудшихъ — болѣе удаленныя, окраинныя и т. д. Раздѣленіе земли на сорта еще не знаменуетъ собою того, что общинники дѣйствительно на практикѣ проводятъ качественное уравненіе. Ниже мы увидимъ, что обладатели лучшихъ участковъ во многихъ общинахъ все еще достаточно сильны, чтобы противодѣйствовать этому стремленію.

Съ возникновеніемъ идеи періодическихъ уравненій наиболѣе жгучимъ вопросомъ, около котораго главнымъ образомъ концентрируется борьба различныхъ группъ, дѣлается вопросъ о томъ, что должно быть принято за единицу населенія. Разсматривая зырянскія общины съ этой точки зрѣнія, мы найдемъ въ нихъ большое разнообразіе; низшія формы разверстки переплетаются съ высшими, тягольная — съ разверсткой по ѣдокамъ. Суммируя всѣ системы разверстокъ въ отношеніи къ единицѣ населенія, получимъ слѣдующій рядъ:

1) разверстка по числу работниковъ мужского пола (тягольная разверстка),
2) разверстка по ревизскимъ душамъ мужского пола,
3) разверстка по наличнымъ душамъ мужского пола,
4) разверстка по наличнымъ душамъ обоего пола,
   a) съ ограниченіемъ возрастомъ,
   b) безъ ограниченія.

Въ одной изъ наиболѣе глухихъ частей Устьсысольскаго уѣзда, въ верховьяхъ р. Ижмы, намъ пришлось натолкнуться

на слѣды еще одной, уже исчезнувшей системы разверстки по дворамъ, безотносительно къ семейному составу ихъ. Она практиковалась по отношенію къ природнымъ сѣнокосамъ. Природные сѣнокосы—это узкія, вытянувшіяся по рѣчкамъ бережины. Площадь ихъ очень незначительна. Когда селеніе состоитъ изъ одного домохозяина, то послѣдній, ничѣмъ не стѣсняясь, коситъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Съ появленіемъ сосѣдей—мѣсто для свободнаго хозяйничанья становится недостаточнымъ, и производится грубый раздѣлъ—„ты коси вверхъ по рѣкѣ, а я буду косить внизъ". При дальнѣйшемъ увеличеніи числа дворовъ, производится новый передѣлъ. Ограниченная площадь природныхъ сѣнокосовъ вскорѣ вынудила оставить эту грубую систему передѣла и перейти къ болѣе развитымъ.

Обращаясь къ первой изъ перечисленныхъ системъ — тягольной разверсткѣ, считаемъ необходимымъ оговориться, что мы нигдѣ не встрѣчали ея. О ея существованіи сообщаетъ г. Поповъ. Она практикуется, по его словамъ, *только* въ Савиноборскомъ обществѣ (на р. Печорѣ). Наличность подобной системы тамъ обусловливается, какъ говоритъ этотъ изслѣдователь, особыми причинами. „Въ Савиноборскомъ обществѣ, вслѣдствіе его сѣвернаго положенія, земля рѣдко вознаграждаетъ трудъ земледѣльца и не обезпечиваетъ лежащихъ на населеніи платежей, а потому здѣсь, по выраженію волостного правленія, платежною силою является здоровый мужчина отъ 18 до 55 л., по числу которыхъ раскладываются къ платежу почти всѣ повинности, а земельный надѣлъ въ платежномъ отношеніи стоитъ на второмъ планѣ" [1]). На всей остальной территоріи нигдѣ не замѣчается слѣдовъ тягольной разверстки.

Та или другая система разверстки земли находится въ тѣсной связи, какъ съ характеромъ и степенью развитія хозяйственной жизни, такъ и съ господствующей податной системой. Когда населеніе впервые, подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ, выступаетъ на путь уравненій, оно имѣетъ подъ рукой уже готовую единицу для разверстки. Этой единицей служитъ ревизская душа. Причитающіеся по уѣздной разверсткѣ и падающіе на отдѣльныя волости платежи, какъ-то: оброчная подать, лѣсной налогъ и др., преобразованные потомъ съ 1-го января 1887 года въ выкупные платежи, вмѣстѣ съ мірскими и другими сборами разверстываются между отдѣльными селеніями по числу ревизскихъ душъ мужского пола. Отсюда ревизскія

[1]) „Итоги, etc." Статья Попова, loc. cit.

души получили названіе *окладныхъ* или *платежныхъ* душъ. Приступая къ разверсткѣ земельныхъ угодій, община приводитъ ее къ платежной единицѣ. Каждое семейство получаетъ столько земельныхъ паевъ, сколько имѣется въ немъ ревизскихъ душъ. Нѣкоторое время послѣ ревизіи число зарегистрированныхъ ею душъ ничѣмъ или очень мало отличается отъ числа наличныхъ душъ, и разверстка по ревизскимъ душамъ м. п. является въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ разверсткой по наличнымъ душамъ м. п. Время отъ времени ревизіи повторяются. Послѣ каждой новой ревизіи платежи раскладываются на новыя ревизскія души, вмѣстѣ съ этимъ со стороны населенія замѣчается стремленіе переверстать и земельныя угодья, и тѣмъ привести земельный надѣлъ семьи въ соотвѣтствіе съ измѣнившимся числомъ платежныхъ душъ. Ревизіи являются такимъ образомъ какъ бы естественными моментами для производства передѣла. Пока они совершались, накоплявшееся за время отъ ревизіи до ревизіи несоотвѣтствіе между составомъ семьи съ одной стороны и земельнымъ надѣломъ, а также количествомъ платежей съ другой, уничтожалось. Въ 1858 году была произведена послѣдняя ревизія. Неравномѣрность въ распредѣленіи земли по прежнему продолжаетъ расти вмѣстѣ съ измѣненіемъ количественнаго состава семей, но ревизіи, этого сигнала къ уничтоженію неравномѣрности, не наступаетъ. Неравномѣрность обусловливается не одними только измѣненіями въ составѣ семей. Увеличивающіяся потребности заставляютъ крестьянъ производить все новыя расчистки.

Такъ какъ отсутствіе передѣловъ не даетъ возможности переводить ихъ въ разрядъ передѣляемыхъ земель, то количество льготныхъ земель сильно возрастаетъ, причемъ по отношенію къ отдѣльнымъ домохозяевамъ это возрастаніе стоитъ внѣ всякой зависимости отъ числа ревизскихъ или платежныхъ душъ. Г. Рума приводитъ примѣръ, когда изъ двухъ домохозяевъ д. Кочергинской одинъ, имѣя $2^1/_2$ платежныхъ, т. е. ревизскихъ души, высѣваетъ 25 пуд. ржи, другой, при 2-хъ платежныхъ душахъ — лишь 3 пуда. Главной причиной такого земельнаго неравенства служатъ льготныя земли. „Система землепользованія по ревизскимъ душамъ послѣдней X ревизіи встрѣчаетъ поэтому сильную оппозицію со стороны двухъ группъ населенія: 1) домохозяевъ, имѣющихъ сравнительно мало земли, но за коими числится значительное количество ревизскихъ душъ и 2) многосильныхъ, но малоземельныхъ дворовъ [1])“.

[1]) Л. Рума „Къ вопросу etc.“, 89.

Оппозиція выдвигаетъ сразу два требованія, именно: 1) установленіе соотвѣтствія между наличнымъ составомъ семьи и падающими на нее платежами и 2) наличнымъ составомъ семьи и земельнымъ надѣломъ. При удовлетвореніи второго требованія цѣлямъ уравненія должна послужить та часть сильно возросшихъ льготныхъ земель, которая окупила уже произведенныя на расчистку затраты. „Въ моменты, пишетъ далѣе г. Рума, когда борьба между довольными и недовольными существующимъ порядкомъ землепользованія принимаетъ слишкомъ острый характеръ, осуществляется въ качествѣ далеко не частыхъ и единичныхъ примѣровъ, принципъ передачи части земли отъ малосемейныхъ, но многоземельныхъ многосемейнымъ, но малоземельнымъ дворамъ“ [1]). Но подобно тому какъ и ранѣе, когда идея уравненій еще только завоевываетъ себѣ мѣсто въ сознаніи зырянъ, и теперь оппозиція не можетъ удовлетвориться частичными уступками и настаиваетъ на коренномъ передѣлѣ. Во многихъ общинахъ она до сихъ поръ не добилась удовлетворенія этого требованія и землепользованіе по прежнему находится въ старинныхъ формахъ распредѣленія по ревизскимъ душамъ. Но въ большинствѣ, ея усилія уже увѣнчались успѣхомъ и коренные передѣлы произведены.

Общинники производятъ ихъ совершенно такъ же, какъ будто ревизія имѣла мѣсто; регистрируется наличное населеніе и за единицу принимается наличная душа мужского пола, т. е. та самая, которая послужила бы единицей въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія въ этотъ моментъ ревизіи. Но, производя уравненіе земли, крестьяне оставляютъ нетронутымъ распредѣленіе платежей и оно остается въ той формѣ, какую придала ему послѣдняя ревизія. Съ момента перваго, послѣ X ревизіи, передѣла земельная душа, до сихъ поръ совпадавшая съ платежной, отдѣлилась отъ нея. При распредѣленіи разнаго рода платежей единицей по прежнему служитъ ревизская душа, при уравненіи же угодьями выступаетъ новая единица — наличная душа мужского пола. По мѣрѣ того, какъ населеніе растетъ, увеличивается несоотвѣтствіе между наличнымъ и ревизскимъ населеніемъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и несоотвѣтствіе между земельной и платежной душой.

Новая единица не имѣетъ однако шансовъ на продолжительное существованіе. Разъ населеніе сочло себя вправѣ от-

---

[1]) Ibid., 90.

дѣлить земельную единицу отъ ревизской души, оно не останавливается на этомъ пути и идетъ далѣе въ своемъ желаніи достигнуть соотвѣтствія между составомъ семьи и земельнымъ надѣломъ. Общины очень недолго останавливаются на разверсткѣ по наличнымъ душамъ мужского пола и очень быстро переходятъ къ новой единицѣ—ѣдоку или наличной душѣ обоего пола. Во многихъ случаяхъ она и совсѣмъ отсутствуетъ и общины, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и г. Поповъ, отъ ревизской разверстки переходятъ непосредственно къ разверсткѣ по ѣдокамъ. Несоотвѣтствіе между платежной и земельной душой, или, другими словами, между ревизскимъ и наличнымъ населеніемъ, также не можетъ долго оставаться безъ вниманія, такъ какъ оно очень невыгодно отражается на хозяйствѣ, внося въ обложеніе ту неравномѣрность, которой разъ навсегда объявлена война со стороны малоземельной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе прогрессивной части населенія. Несоотвѣтствіе, въ концѣ концовъ уничтожается тѣмъ, что община подгоняетъ платежную душу къ земельной, т. е. къ ѣдоку. Наличное населеніе дѣлится на число ревизскихъ платежныхъ душъ и этимъ опредѣляется доля ревизской души, причитающаяся на ѣдока. На каждую семью накладывается затѣмъ столько долей, сколько въ ней имѣется наличныхъ душъ. Если, напримѣръ, по расчету оказывается что одна ревизская душа соотвѣтствуетъ тремъ ѣдокамъ, то каждая семья получаетъ столько третей, сколько имѣется въ ней ѣдоковъ. Семья изъ 3 ѣдоковъ получаетъ 1 ревизскую душу, — изъ 5 ѣдоковъ—$1^2/_3$ ревиз. душъ и т. д., независимо отъ того, сколько въ дѣйствительности числится за нею ревизскихъ душъ по ревизскимъ сказкамъ. Соотвѣтственно числу долей производится и раскладка платежей. Этой системой вновь возстанавливается нарушившееся было несоотвѣтствіе между составомъ семьи, земельнымъ надѣломъ и суммою платежей. Ревизская душа потеряла всякое практическое значеніе въ общинахъ съ разверсткой платежей и земли по ѣдокамъ и является совершенно излишнимъ множителемъ, лишь осложняющимъ расчетъ земельныхъ и платежныхъ душъ; но тѣмъ не менѣе она продолжаетъ существовать, какъ оффиціальная единица; къ ней сводятся всѣ расчеты по платежамъ, когда община выходитъ изъ области своихъ внутреннихъ домашнихъ распорядковъ и вступаетъ въ сношеніе съ внѣшнимъ оффиціальнымъ міромъ.

Передѣлы земли по ѣдокамъ нашли себѣ примѣненіе прежде всего въ вычегодскомъ краѣ, именно въ 60-хъ годахъ, т. е.

вскорѣ послѣ X ревизіи. Нѣсколько позже, около 80-хъ годовъ, они перешли и въ присысольскія волости. Г. Поповъ утверждаетъ, что въ быстромъ переходѣ къ разверсткѣ по ѣдокамъ сказалось „независимое и почти равноправное положеніе въ общественной и семейной жизни женщины-зырянки“. До нѣкоторой степени нельзя не согласиться съ такой характеристикой общественнаго и семейнаго положенія зырянки, но тѣмъ не менѣе приведенное утвержденіе можно принять лишь, какъ шутку. Разумѣется дѣло здѣсь не въ бытовыхъ особенностяхъ зырянъ, и если въ переходѣ къ разверсткѣ по ѣдокамъ сказалось какое нибудь право женщины, то это лишь право ея на кусокъ хлѣба. Выше мы говорили о томъ, что въ экономической жизни зырянъ земледѣліе съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Ближайшая причина этому кроется въ доходности земледѣлія. Населеніе видитъ въ немъ главный источникъ для удовлетворенія растущихъ потребностей; оно заинтересовано поэтому въ такой разверсткѣ, при которой появленіе каждаго новаго члена семьи, каждое увеличеніе потребностей влечетъ за собою и увеличеніе площади земельныхъ угодій. Придя къ такому выводу, мы были не мало смущены, когда въ сборникѣ постановленій Устьсысольскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1869—1898 года прочитали слѣдующія строки изъ доклада управы „Объ основаніяхъ обложенія и раскладкѣ земскаго сбора“: „Земля, владѣемая крестьянами Устьсысольскаго уѣзда, не только не есть имущество производительное, но она не даетъ даже дохода на уплату одной только подати за пользованіе ею и всѣ повинности, лежащія на крестьянахъ, уплачиваются не съ доходовъ отъ земли, а съ постороннихъ заработковъ, причемъ нерѣдко, при отсутствіи этихъ заработковъ, для уплаты повинностей и массы накопившихся недоимокъ за прежніе годы, крестьянинъ принужденъ прибѣгать къ продажѣ необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностей“. Такая характеристика крестьянскаго хозяйства не только совершенно противорѣчитъ данному нами объясненію причинъ перехода къ разверсткѣ по ѣдокамъ, но и самый переходъ дѣлаетъ чѣмъ то непонятнымъ. Извѣстно, что когда земледѣліе настолько невыгодно, что не даетъ возможности изъ своего дохода уплачивать лежащія на землѣ подати, населеніе заботится о достиженіи соотвѣтствія земельнаго надѣла не съ наличнымъ составомъ семьи, а съ числомъ взрослыхъ работниковъ, т. е. устанавливаетъ тягольную разверстку, что̀ мы и видѣли выше въ Савиноборскомъ обще-

ствѣ [1]). Если населеніе продожаетъ вести земледѣліе, которое не только не даетъ прибыли, но служитъ иногда причиной продажи необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностей, то не кроется ли въ этомъ глубокая, коренная ошибка населенія, непониманіе имъ своихъ насущныхъ интересовъ? Можетъ быть, вмѣсто того, чтобы держаться разоряющихъ его клочковъ пашни и цѣлыми десятилѣтіями вести упорную борьбу изъ за увеличенія земельнаго надѣла, ему нужно, наоборотъ, всѣми силами отдѣлываться отъ земли — этого источника бѣдъ и напастей? Врядъ ли можно это допустить. Гораздо легче заподозрить правильность утвержденія управы. Насколько вѣрно поняла она дѣйствительность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ намъ нѣкоторыя цифры. Для того года, къ которому относятся вышепреведенныя слова (1870), управа опредѣляетъ доходность десятины пашни

---

[1]) Интересно здѣсь привести нѣсколько замѣчаній В. Орлова по отношенію къ Московской губ. „Земли въ Московской губ., при своемъ естественномъ малоплодородіи и при отсутствіи у крестьянъ надлежащаго удобренія, не только не даютъ средствъ для уплаты лежащихъ на ней податей и повинностей, но даже не въ состояніи доставить необходимыхъ продуктовъ для удовлетворенія первыхъ потребностей крестьянскаго населенія; въ земледѣльческомъ хозяйствѣ крестьянъ почти вездѣ въ губерніи является дефицитъ, который обыкновенно покрывается промыслами мѣстными или отхожими. (Сб. ст. св. по М. г., т. IV, вып. I, стр. 9, 10). Характеристика крестьянскаго хозяйства поразительно сходна съ той, которую даетъ Устьсысольское земство. „При несоотвѣтствіи доходности земли, пишетъ далѣе В. Орловъ, съ цѣнностью лежащихъ на ней платежей, подушная разверстка (т. е. разверстка по душамъ въ противоположность разверсткѣ по тягламъ М. Б.) влечетъ за собой многія ненормальныя явленія въ хозяйствѣ крестьянъ и является крайне несправедливою и разорительною для многодушныхъ но малосильныхъ семей. Поэтому то такая разверстка при указанныхъ условіяхъ и является, какъ исключеніе, объясняющееся случайными причинами“ (Ibid., стр. 12)..... „Мы встрѣчаемъ ее почти исключительно тамъ, гдѣ доходность надѣльной земли не ниже лежащихъ на ней платежей“ (Ibid., 17). Одно изъ двухъ: или характеристика земствомъ хозяйства невѣрна, или же она вѣрна, но тогда нужно заподозрить, дѣйствительно ли землераспредѣленіе по ѣдокамъ имѣетъ мѣсто въ зырянскихъ общинахъ. Но дѣлать послѣднее не рѣшается и сама управа, до того этотъ фактъ очевиденъ. Агентъ управы г. Поповъ пишетъ: „надо замѣтить, что почти всѣ зырянскія общества уѣзда съ землепользованія по ревизскимъ душамъ мужского пола перешли прямо на распредѣленіе земли по ѣдокамъ“ („Итоги etc.“, 19). Половина зырянскихъ общинъ перешла къ землераспредѣленію по ѣдокамъ въ 60-хъ годахъ, т. е. почти за 10 л. до того, какъ управа написала приведенныя въ текстѣ грустныя фразы.

въ 73 коп. для десятины пашни и 1 р. для десятины сѣнокоса [1]). Къ 1880 году доходность падаетъ до 60 коп. для перваго и до 70 коп. для второго рода угодій. Въ параллель этому приведемъ другой рядъ цифръ, опредѣляющихъ чистую доходность десятины пашни: для ржи—80 р. 40 коп., ячменя 73 р. 25 коп. и десятины сѣнокоса—22 р. 77 коп. [2]) контрастъ получается изумительный. Можетъ быть впрочемъ онъ происходитъ оттого, что цифры земства относятся къ 80-мъ годамъ, а другія — къ 1902 году? Такое предположеніе слишкомъ рискованно; за 20 лѣтъ доходность не могла повыситься болѣе, чѣмъ въ 100 разъ. Допустимъ другое предположеніе: цифры земства относятся ко всему уѣзду, тогда какъ цифры второго ряда — лишь къ тремъ сѣверовосточнымъ волостямъ, составляющимъ самую незначительную часть уѣзда и находящимся можетъ быть въ исключительныхъ условіяхъ. Но вотъ третій рядъ цифръ, относящійся къ противоположному концу уѣзда—пяти юго-западнымъ волостямъ: чистая доходность десятины ржи—37 р. 99 коп., ячменя—41 р. 87 коп., овса—29 р. 57 коп., сѣнокоса — 7 р. 36 [3]) (заливные сѣнокосы). Цифры послѣднихъ двухъ рядовъ правда нѣсколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, ибо въ нихъ при опредѣленіи издержекъ, не введены: расходы по ремонту инвентаря и построекъ, амортизація капитала, стоимость удобренія, огораживаніе полей; но включая даже и эти расходы, мы не уничтожимъ вопіющаго контраста. Для опредѣленія степени достовѣрности приведенныхъ цифръ остается обратиться къ разсмотрѣнію методовъ ихъ полученія. Здѣсь мы находимъ объясненіе наблюдаемой разницы. Въ то время какъ цифры 2-го и 3-го ряда получены путемъ конкретныхъ учетовъ и непосредственныхъ наблюденій надъ различными операціями земле-

---

[1]) При опредѣленіи доходности въ числѣ расходовъ очевидно не были введены платежи, такъ какъ иначе нельзя было говорить о томъ, что земля не даетъ доходу для уплаты одной только подати.

[2]) Цифры доходности, выведенныя авторомъ статьи о полеводствѣ въ „Итогахъ etc.“

[3]) Л. Рума., loc. cit.

Значительная разница между цифрами второго и третьяго рядовъ происходитъ, помимо различія въ условіяхъ хозяйства, еще и отъ разницы цѣнъ принятыхъ при вычисленіи. Для перваго ряда цѣны—1 р. за пудъ, какъ ржи такъ и ячменя; для второго—70 к. для ржи и 80 к. для ячменя. Будучи приведены къ цѣнѣ въ 1 р., цифры второго ряда будутъ соотвѣтственно: для ржи 54 р. 20 к. и для ячменя 52 р. 30 к.

дѣлія, управа опредѣляетъ свой методъ такъ: *по собраннымъ управою чрезъ разспросы разныхъ лицъ свѣдѣніямъ* отъ сѣнокосовъ, обрабатываемыхъ самими владѣльцами, получается чистаго дохода до 70 коп. съ десятины [1]). Причина указанныхъ выше контрастовъ становится ясной; она кроется въ невѣрномъ представленіи земства о доходности земледѣлія и о крестьянскомъ хозяйствѣ въ уѣздѣ. Если имѣютъ дѣло съ фактами, а не съ „разспросами разныхъ мѣстныхъ лицъ", то показанное выше стремленіе къ разверсткѣ по ѣдокамъ находитъ себѣ полное объясненіе. Земледѣліе не только даетъ возможность изъ получаемаго дохода уплачивать подати и повинности, лежащія на землѣ, но кромѣ того служитъ и главнымъ источникомъ для покрытія многочисленныхъ потребностей крестьянина. По отношенію къ Устьсысольскому уѣзду, можно повторить то заключеніе, къ которому мы пришли въ 1902 году, анализируя порядки землепользованія въ верхне-вычегодскихъ волостяхъ: *существующіе передѣлы есть распредѣленіе хозяйственныхъ плюсовъ, а не хозяйственныхъ минусовъ.*

Разверстка по ѣдокамъ широко распространилась по району, проникнувъ почти во всѣ общины.

Необходимо указать еще на смѣшанную систему разверстки, при которой единицами служатъ и ревизская душа и ѣдокъ; она имѣетъ мѣсто исключительно въ составныхъ общинахъ. Вся площадь того или другого угодья распредѣляется между селеніями по числу ревизскихъ душъ. Падающая на каждое селеніе площадь распредѣляется между отдѣльными домохозяевами по числу ѣдоковъ. При такой системѣ внутри селенія достигается полное уравненіе, но если сравнивать долю земли, падающую на ѣдока въ различныхъ селеніяхъ, то обнаруживается очень ощутительная разница, стоящая въ зависимости отъ различнаго соотношенія между наличнымъ и ревизскимъ населеніемъ. Величина этой разницы ясна изъ слѣдующей таблицы, относящейся къ Пожегодской составной общинѣ.

---

[1]) Сборникъ постановл. Устьс. у. з. собр. за 1868—1898 г., стр. 91. По имѣющимся у насъ подъ руками даннымъ, почерпнутымъ изъ окладныхъ листовъ Пожегодскаго и Полюздинскаго обществъ приходится на 1 рев. душу платежей — въ первомъ: казенныхъ платежей (выкупныхъ, госуд. позем. нал.) и земск. сбора 2 р. 37 к., волостнаго и сельскаго сборовъ 4 р. 17 к. и страховыхъ плат. $16^1/_2$ к.; итого 6 р. $70^1/_2$ к.; во второмъ—соотвѣтственно: 1 р. 83 к. и 14 коп. итого 7 р. 31 к.

	На рев. душу приход. ѣдоковъ.	Число домохозяйствъ.
Село Пожегъ. . . . . . . / Дер. Габсикская.	3,0	29
„ Вомынъ-Юрская. . . . . . . / „ Мальская	3,2	16
„ Кекурская	3,5	51
„ Вомынъ-Божская	3,5	33
„ Шахмкская.	3,5	53
„ Великопольская	3.6	38
„ Пожегдинская	3,9	53
„ Кырнышевская	4,0	24
„ Скородумская.	5,0	96
Въ среднемъ по общинѣ .	3,7	

Селенія гдѣ на рев. душу приходится меньше ѣдоковъ находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ тѣ, гдѣ ихъ приходится больше, ибо одинъ и тотъ же пай въ первомъ случаѣ распредѣляются между меньшимъ числомъ ѣдоковъ; слѣдовательно доля пая, причитающаяся на ѣдока, больше, чѣмъ во второмъ.

Въ то время какъ въ с. Пожегѣ съ дер. Габсикской ревизская душа соотвѣтствуетъ тремъ ѣдокамъ, въ дер. Кырнышевской она равна 4, а въ Скородумской—5. Въ лицѣ такой системы разверстки мы имѣемъ дѣло съ ревизской общиной, находящейся въ процессѣ перевода въ разверсткѣ по ѣдокамъ. Тѣ, кому приходится испытывать на себѣ невыгодныя стороны ревизской разверстки, уже вступили въ борьбу съ послѣдней и достигли уравненія по ѣдокамъ внутри селенія, но силы ихъ еще недостаточны, чтобы распространить результаты своей побѣды на всю общину и послѣдняя останавилась на полдорогѣ. Показанное неравенство вызываетъ горячій протестъ со стороны наиболѣе обиженныхъ селеній и заставляетъ ихъ требовать общаго передѣла по ѣдокамъ безъ различія отдѣльныхъ селеній. Пользуясь приведенной таблицей можно произвести подсчетъ голосовъ за и противъ перехода къ общей разверсткѣ по ѣдокамъ и тѣмъ отдѣлить, насколько въ Пожегодской общинѣ велики шансы протестующихъ. Если взять число ѣдоковъ, падающихъ на ревизскую душу въ среднемъ по общинѣ (3,7), то окажется, что 8 селеній съ 220-ю домохозяевами, какъ имѣющія число ѣдоковъ на ревизскую душу меньше противъ средняго,

заинтересованы въ оставленіи прежняго порядка и лишь 3 селенія съ 173 домохозяевами стоятъ за измѣненіе существующей смѣшаной разверстки. Отсюда понятно, почему на общемъ сходѣ Пожегодской составной общины, собранномъ осенью 1901 года съ цѣлью измѣненія прежняго способа разверстки, послѣ долгихъ и страстныхъ препреканій общинники разошлись, не придя къ такому рѣшенію, которое было бы поддержано требующимися по закону $^2/_3$ общаго числа голосовъ.

Добившись разверстки по ѣдокамъ общинѣ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, что считать за ѣдока, подлежащаго надѣленію. Въ разныхъ общинахъ онъ рѣшается различно. Въ однѣхъ — за ѣдока считается всякое лицо, родившееся хотя бы за день до передѣла, въ другихъ онъ ограниченъ извѣстнымъ возрастомъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ возрастъ ограниченія колеблется между 3 и 5 годами, спускаясь иногда до 1 года, но никогда не поднимаясь выше 5. Лица, имѣющія возрастъ ниже предѣльнаго, или совсѣмъ лишаются права на надѣлъ, или получаютъ уменьшенный пай. Установленный предѣльный возрастъ можетъ быть измѣненъ не только при коренныхъ передѣлахъ, но и при частичныхъ уравненіяхъ, производимыхъ время отъ времени.

Принявъ ту или другую единицу населенія, при предстоящей разверсткѣ, община приступаетъ къ распредѣленію земли между домохозяйствами. При ревизской разверсткѣ вся площадь дѣлится на число ревизскихъ душъ и каждая семья получаетъ соотвѣтствующее количество паевъ. При разверсткѣ по ѣдокамъ общая площадь приводится или въ непосредственное соотношеніе съ числомъ ѣдоковъ, или чрезъ ревизскія души. Помоздинская составная община въ одномъ изъ своихъ приговоровъ (отъ 31 марта 1902 года) пишетъ: „Въ основаніе для распредѣленія земли между всѣми домохозяевами принять *по издавна существующему обычаю* 559 ревизскихъ мужского пола душъ, а это число разбить на 8 паевъ, почему и будетъ всего 4472 осьмыхъ пая. Надѣлить землею все состоящее въ нашемъ обществѣ [1]) наличное число, а именно 2190 душъ, такимъ образомъ согласно вышеприведенному разсчету причтется на одну наличную душу по двѣ осьмыхъ пая“. Ревизскія души не имѣютъ здѣсь никакого дѣйствительнаго значенія и о нихъ упоминается только *по обычаю*.

А. М. Большаковъ.

---

[1]) Нужно читать „въ общинѣ“, т. к. нѣкоторыя деревни общества не принимаютъ участія въ передѣлѣ. Зырянамъ чуждо слово „община“.

Прошлое и настоящее Сеистана.

Очеркъ.

21-го Декабря 1899 г., въ снѣжную, морозную погоду, я выступилъ изъ Мешеда въ Сеистанъ во главѣ каравана, состоявшаго изъ 19-ти муловъ, при 6-ти чарвадарахъ, шести казаковъ Кубанскаго Войска, персидскаго мирзы и четырехъ слугъ-персовъ.

Послѣ сорокачетырехдневнаго тяжелаго путешествія черезъ Турбети-Хейдери, Джумейнъ и Бирджандъ, подробный маршрутъ коего напечатанъ въ LXXVI выпускѣ Сборника Матеріаловъ по Азіи за 1902 г., первый русскій вице-консулъ въ Сеистанѣ, торжественно встрѣченный мѣстными властями, во главѣ около двухсотъ всадниковъ, благополучно прибылъ 2-го Февраля 1900 года на родину героя иранскаго эпоса Рустема.

На основаніи сдѣланнаго опыта, далекое путешествіе зимою по Персіи рекомендовать нельзя. Холодъ, снѣгъ, плохое состояніе дорогъ и остановки въ каравансараяхъ безъ дверей, или въ пустынѣ въ палаткахъ, составляютъ большое неудобство.

Въ двухъ переходахъ отъ Мешеда мой караванъ, сбившись съ дороги во время сильной снѣжной метели, чуть не погибъ въ разстояніи какихъ нибудь четырехъ верстъ отъ селеній Гуль-Бугра и Кафиръ-Кала.

Изъ за болѣзни мирзы и двухъ казаковъ пришлось провести двѣнадцать лишнихъ дней въ Турбети-Хейдери и Бирджандѣ.

При обыкновенныхъ условіяхъ, въ наилучшее для путешествій по Персіи время—весною и осенью, путь отъ Мешеда до Сеистана черезъ Бирджандъ можно пройти съ караваномъ изъ муловъ въ 22—26 дней, а съ караваномъ изъ верблюдовъ въ 25—30 дней.

Во все время пути, проходящаго черезъ Турбетскую, Теббесскую и Каинскую провинціи Хорасана, отношеніе мѣстныхъ населенія и властей не оставляло желать ничего лучшаго.

Единственнымъ диссонансомъ было поведеніе правителя Каината Шевкетуль-Мулька, мало признающаго свою зависимость отъ центральнаго шахскаго правительства.

Его братъ и сосѣдъ Хишметуль-Мулькъ до послѣдняго времени владѣлъ и управлялъ Сеистаномъ почти самостоятельно.

Сеистанъ по сравненію съ остальною Персіею мало изслѣдованъ и представляетъ много интереснаго для археолога, лингвиста и историка.

Новѣйшія работы по древней исторіи Сеистана относятся къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Это—небольшая статья сэра Г. Роулинсона, напечатанная въ 43-мъ томѣ журнала Королевскаго Географическаго Общества за 1872 годъ, подъ заглавіемъ „Замѣтки о Сеистанѣ“.

Насколько приводимыя имъ лингвистическія объясненія *Бернуфа* соотвѣтствуютъ современному состоянію науки, я предоставляю судить спеціалистамъ.

Нашъ извѣстный оріенталистъ *Ханыковъ*, совершившій свое интересное путешествіе по Персіи въ 1858—1859 гг., замѣтилъ, что если Сеистанъ, быть можетъ, и не былъ колыбелью персидскаго народа, то во всякомъ случаѣ былъ театромъ героическаго періода его исторіи, воспѣтаго безсмертнымъ Фирдоуси въ его Книгѣ Царей.

Надежды *Ханыкова* на книжное богатство Сеистана не оправдались. Я, не смотря на тщательные поиски, нашелъ у прямого потомка Кеянидовъ Мелика Мухаммедъ Азимъ Хана лишь единственную рукопись—исторію рода Кеянидовъ въ стихахъ. Въ Петербургѣ профессоръ *В. В. Бартольдъ* сообщилъ мнѣ, что единственная рукопись, касающаяся исторіи Сеистана, находится въ Британскомъ Музеѣ (Or. 2779).

Основнымъ, кореннымъ населеніемъ Сеистана, согласно извѣстнымъ до сего времени даннымъ, были арійцы.

Въ своихъ комментаріяхъ къ Яснѣ Бернуфъ, объясняя происхожденіе современнаго Хильменда (Гильменда), или какъ пишутъ нынѣ персы Хирменда, отъ зендскаго Хаетуматъ, соотвѣтствующаго санскритскому Сетуматъ, пехлевійскому Итомандъ, греческому 'Ετύμανδρος, Αἰτύμανδρος и латинскому Hermandus и Hindmend, доказываетъ, что коренное значеніе этого слова есть: „имѣющій мосты, или плотины“.

Среди персовъ существуетъ много объясненій, почему Сеистанъ назывался и называется до сихъ поръ *Нимрузомъ* (т. е. полуденной, южной страной). Объясненія эти, не выдер-

живая строгой критики, характеризуютъ Сеистанъ въ историческомъ, бытовомъ и географическомъ отношеніяхъ.

Сеистанъ подвергался столь частымъ захватамъ иноплеменниковъ, и правители этой страны такъ часто смѣнялись, что власть надъ Сеистаномъ, по выраженію туземцевъ, продолжалась лишь *полдня* (нимрузъ).

Разсказываютъ про неизвѣстнаго китайскаго императора, простоявшаго будто-бы лагеремъ въ Сеистанѣ *полдня*.

Сами сеистанцы будто-бы дали своимъ сосѣдямъ поводъ назвать ихъ страну Нимрузомъ по той причинѣ, что они *полдня* говорятъ неправду, а полдня правду, при чемъ послѣдніе полдня обыкновенно спятъ.

Частая измѣнчивость теченія Хильменда и уровня его воды, въ одномъ мѣстѣ быстро, въ *полдня* разрушающей селенія, а въ другомъ мѣстѣ оживляющей своимъ иломъ втунѣ лежащія земли, создала будто-бы названіе страны Нимрузъ.

Существуетъ преданіе, что Хазрети-Сулейманъ (Соломонъ), подойдя съ большимъ войскомъ къ Сеистану и увидѣвъ, что вся страна представляетъ изъ себя сплошное озеро, приказалъ своему войску засыпать его землею, что̀ и было исполнено въ *полдня*.

Два послѣднихъ физико-географическихъ объясненія названія страны Нимрузъ указываютъ на хорошо извѣстную особенность Хильменда періодически разливаться, образуя если и не одно сплошное озеро, то рядъ большихъ, неглубокихъ въ общемъ озеръ, быстро затѣмъ въ періодъ засухи высыхающихъ.

Геродотъ упоминаетъ Зарангов, населявшихъ 14-ую сатрапію. У историковъ Александра Македонскаго, въ виду частаго перехода мягкаго персидскаго *з* въ твердое *д* мы находимъ Дранговъ и Дрангіану. У Плинія встрѣчаются обѣ формы Дранги и Заранги. Арабскіе географы и историки пишутъ Зеренджъ.

Послѣ распаденія имперіи Александра Великаго исторія Дрангіаны темна. Страна эта входила послѣдовательно въ составъ греко-бактрійскаго и пароянскаго царствъ.

Находимыя во множествѣ въ развалинахъ древнихъ городовъ по обоимъ берегамъ Хильменда греко-бактрійскія и арсакидскія монеты служатъ доказательствомъ греческаго и пароянскаго владычества въ Сеистанѣ.

Нумизматическія данныя, сравненныя съ показаніями китайскихъ историковъ, указываютъ на то, что около 130 г. до Р. Хр. Саки (Скиоы), разрушившіе греко-бактрійское царство и вы-

тѣсненное затѣмъ изъ Бактріаны Тохарами, поселились сначала въ бассейнахъ верхняго Аргендаба и Хильменда, а затѣмъ распространились по всей горной области между Кабуломъ и Гератомъ, которой дали свое имя Сакастенé, т. е. Сакистанъ („страна саковъ“), откуда и произошло современное названіе Седжестанъ или Сеистанъ.

Происхожденіе Сеистана отъ Седжестана и Сакистана, страны Саковъ или Сагановъ не опровергается ни однимъ писателемъ ни персидскимъ, ни арабскимъ, хотя въ эпоху мусульманскаго завоеванія (половина VII в. по Р. Хр.) никакихъ слѣдовъ скиѳскихъ колонистовъ въ этой области не было.

Послѣ изгнанія изъ Сеистана Саковъ сасанидскій царь Варахранъ II (III в. по Р. Хр.) построилъ городъ Рамъ-Шохристанъ, или Рамрудъ. Развалины этого города и орошавшаго его канала, проведеннаго изъ Хильменда отъ плотины Бенди Аква или Бенди Рустемъ, близъ нынѣшняго селенія Каманъ Ханъ, сохранились до сего времени. Онѣ очень обширны, какъ и развалины другихъ городовъ южнаго, нынѣ пустыннаго Сеистана: Калаи Афзалъ, Шахри-Сухтé, Тупекй, Калаи-Раисъ, Гіима, Мачй, Кундеръ, Хоуздаръ, Ляккерй и др. Подробное описаніе этихъ развалинъ имѣется въ книгѣ полковника Іэта „Хорасанъ и Сеистанъ“. Точное опредѣленіе эпохи оставленія жителями этихъ городовъ затруднительно. Относительно Рамруда можно высказать предположеніе, что онъ возобновлялся два раза. Арабскій географъ X в. Истахри говоритъ, что вслѣдствіе прорыва плотины, отводившей хильмендскую воду къ Рамруду, жители этого города переселились внизъ по теченію Хильменда и основали столицу среднихъ вѣковъ Сеистана Зеренджъ. Каналъ, орошавшій Рамрудъ, уже при Истахри назывался древнимъ. Затѣмъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о разрушеніи Тамуромъ или его сыномъ Шахрухомъ плотины Бенди Рустемъ и превращеніи южнаго Сеистана въ пустыню. Слѣдовательно, въ XIV вѣкѣ послѣдній былъ населенъ, и городъ Рамрудъ существовалъ. Мнѣ пришлось видѣть хорошо сохранившіяся развалины Хоуздара, Ахури-Аспи-Рустемъ (т. е. конюшня Рустемовскаго коня), Кундера, Мачи и Рамруда. Постройки Хоуздара и Кундера настолько хорошо сохранились, что появись около этихъ городовъ въ ясно еще видимыхъ каналахъ вода, они немедленно были бы заселены. Почва, по отзыву туземцевъ и нашего неутомимаго путешественника по Персіи зоолога *Н. А. Зарудняго*, великолѣпна. Мачй—белуджское названіе обширныхъ развалинъ про-

тивъ Хоуздара. Мачъ означаетъ по белуджски финиковую пальму, обрубленные и обожженные пни коей видны и въ настоящее время. Персидскаго названія этихъ развалинъ я ни у кого добиться не могъ.

Сравнительная географія Сеистана крайне трудна, во-первыхъ, вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій нижняго теченія Хильменда, свойственныхъ дельтамъ большинства рѣкъ; и во-вторыхъ, вслѣдствіе частыхъ разрушеній иноплеменными завоевателями ирригаціонныхъ сооруженій сеистанцевъ.

Въ древнія времена кромѣ канала Джуи Гершаспъ, шедшаго отъ Рудбора по обоимъ берегамъ Хильменда, было много другихъ каналовъ, остатки коихъ видѣли англійскіе путешественники. Въ мѣстѣ поворота теченія Хильменда съ запада на сѣверъ отъ плотины Бенди-Рустемъ шелъ магистральный каналъ, орошавшій, благодаря многочисленнымъ развѣтвленіямъ, весь нынѣ пустынный южный Сеистанъ, покрытый вышеупомянутыми, хорошо сохранившимися развалинами. Большинство оставшихся древнихъ построекъ—современнаго типа, изъ сырцоваго кирпича, но есть и изъ жженаго кирпича.

Въ эпоху арабскихъ географовъ X в. по Р. X., Зеренджъ былъ большимъ хорошо населеннымъ городомъ. Онъ, какъ и большинство другихъ среднеазіатскихъ городовъ того времени, состоялъ изъ внѣшняго и внутренняго города (шахристана). Въ первомъ было 5, а во второмъ 13 воротъ. Жители Зеренджа славились зажиточностью и храбростью и оказали впослѣдствіи сильнѣйшее сопротивленіе Чингисъ-Хану и Тимуръ-Ленгу, разрушившему этотъ цвѣтущій городъ. Развалины, находящіяся между главнымъ русломъ Хильменда и его рукавомъ Руди Перьянъ и тянущіяся отъ развалинъ г. Захидана, или, какъ его называютъ сеистанцы, Забулистана, вѣроятно и суть остатки древняго Зеренджа. Доказывается это, быть можетъ, тѣмъ, что сѣверныя ворота Зеренджа Баби-Керкуйѐ вели къ г. Керку въ 3-хъ фарсангахъ (18—19 верстъ) къ сѣверу. Керку (по мѣстному также Керкушахъ), развалины коего сохранились до настоящаго времени, былъ первымъ переходомъ отъ Зеренджа въ Гератъ. Развалины Захидона и находящагося тамъ мазара 40 пустынниковъ [1]) описаны Саваджъ-Лендоромъ въ его книгѣ „Across coveted lands“.

---

[1]) По персидски 40 пустынниковъ — старцевъ = чиль-пиръ. Белуджи исказили это въ „чильпито“, разумѣя подъ этимъ словомъ имя выдуманнаго ими белуджскаго святого разбойника, которому усердно поклоняются.

Зеренджъ, Карнейнъ, родина 4-хъ сыновей Лейса Саффари, Заликъ и Керку, а равно каналы Теамъ, Сена-Рудъ, Нашъ-рудъ, Шаабе, Милй и др. описаны Ибнъ-Рустé, (начала X в. по Р. Хр.), Истахри, Джейханй, Ибнъ-Хаукаломъ, Мукаддаси, Идриси, Якутомъ и Ма'суди. По Ма'суди, въ Керку былъ третій по величинѣ храмъ сеистанскихъ послѣдователей ученія Заратушты, основаніе котораго приписывается Бахману, сыну Асфендіара. Сѣвернѣе отъ Керку́, на самомъ берегу Нейзара находятся развалины Тахти-Шахъ и Чехаръ-Шахръ (въ переводѣ = престолъ царя и четыре города). На югѣ, въ мѣстѣ развѣтвленія главнаго сеистанскаго канала Руди-Сеистанъ, близъ селенія Шахристанъ расположены развалины значительнаго города того же имени. На Кухи-Ходжа, единственной, одиноко стоящей среди равнины сеистанской горы, хорошо сохранились интересныя развалины крѣпости немусульманскаго типа. На правомъ берегу нынѣшняго Хильменда близъ Надалй и Калаи Фатхъ имѣются обширныя развалины, среди коихъ было найдено большинство пріобрѣтенныхъ мною монетъ и геммъ [1]).

Арабы, разрушившіе сассанидское царство, оставили слѣдъ въ Сеистанѣ и сосѣднемъ Каинатѣ (древнемъ Кухистанѣ): правители обѣихъ областей Хишметуль-Мулькъ и Шевкетуль-Мулькъ, равно какъ почти вся каинская аристократія считаютъ себя потомками арабскихъ племенъ. Въ Каинатѣ есть селенія, жители коихъ прямо называютъ себя арабами. Среди нихъ много суннитовъ. Въ Сеистанѣ потомками арабовъ считаются племя покойнаго Миръ-Аббаса Калантера (убитаго осенью 1901 г.) и Сеиды.

Въ первые вѣка ислама Сеистанъ былъ мѣстопребываніемъ хариджитовъ, совершавшихъ отсюда свои набѣги въ сосѣднія страны. Въ Пешаверанѣ (1 переходъ отъ южнаго берега Нейзара по направленію къ Лашъ-Джувейну) находится могила хариджитскаго святого Миръ Икбала.

Въ борьбѣ съ хариджитами кромѣ регулярныхъ войскъ принимали участіе и добровольцы, изъ среды коихъ вышла династія Саффаридовъ. Основателемъ ея былъ Якубъ Саффаръ, т. е. мѣдникъ (861—879 гг. по Р. Хр.). Онъ и его братъ Амръ (879—900 гг.), не переставая заботиться о Сеистанѣ,

---

[1]) На каналѣ, орошавшемъ Керку, по дорогѣ изъ Зеренджа въ Гератъ былъ мостъ, развалины коего въ мѣстности Тахта-Пуль сохранились до сего времени. Топографія всѣхъ перечисленныхъ древнихъ городовъ требуетъ еще выясненія.

завоевали весь Афганистанъ, южныя области Персіи и Хорасанъ. Дѣятельности Саффаридовъ профессоръ Бартольдъ приписываетъ существованіе тѣхъ мостовъ и другихъ сооруженій, о которыхъ говорятъ географы X вѣка по Р. Хр. и среди коихъ выдается сильная крѣпость. Такъ, въ одномъ переходѣ къ югу отъ Зеренджа, упоминаемая также трагически окончившимъ свою жизнь въ Бухарѣ англійскимъ путешественникомъ Конолли.

Крѣпость Такъ, окруженная семью рядами стѣнъ и глубокимъ рвомъ, была взята въ 1003 г. Махмудомъ Газневидскимъ (998—1030 гг. по Р. Хр.), сломившимъ могущество Саффаридовъ, оставившее однако, не смотря на свою непродолжительность, глубокій слѣдъ въ памяти сеистанскаго населенія.

Всѣ послѣдующіе правители Сеистана вплоть до новѣйшаго времени называли себя потомками Якуба, Амра или его братьевъ и пользовались ихъ именами, чтобы привлечь на свою сторону населеніе.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ и почти вплоть до настоящаго времени, съ небольшими перерывами, Сеистанъ находился подъ властью такихъ династій, переживших какъ нашествіе монголовъ въ 1222 и 1229 гг., такъ и эпоху Тимура. Свѣдѣнія объ этихъ династіяхъ имѣются въ статьѣ Совера „Un fels saffaride inédit“ въ The Numismatic Chronicle, Third series, Vol. I, 1881 г., и въ „The Kings of the Suffarian Dynasty of Nimroz or Sejestan by Major H. G. Raverty въ Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. LIV 1885 г.

Эмиръ Тимуръ былъ въ Сеистанѣ два раза: въ 1362 г. всего съ тысячью всадниковъ, когда онъ былъ раненъ въ ногу, чтò причинило ему хромоту (ленгъ = хромой), и въ 1383 г., когда онъ взялъ приступомъ и разрушилъ до основанія Зеренджъ и Захиданъ, перебивъ почти всѣхъ жителей. Богатая добыча была отправлена въ Самаркандъ.

Въ довершеніе катастрофы Тимуръ-Ленгъ, или его сынъ Шахъ-Рухъ, разрушилъ плотину Бенди-Рустемъ, вслѣдствіе чего южный Сеистанъ сдѣлался необитаемъ.

Жители Хоуздара, Кундера и другихъ городовъ переселились частью въ сѣверную часть Сеистана, частью ушли въ Керманъ и Афганистанъ. Въ крайнемъ, южномъ селеніи современнаго Сеистана, Вермалѣ, имѣются потомки жителей упомянутыхъ городовъ: хоуздари́ и кундери́, а въ пригильмендскомъ раіонѣ сохранилось племя рамруди́, т. е. уроженц·· вышеупомянутаго города Рамруда.

Послѣ жестокаго удара, нанесеннаго Тимуръ-Ленгомъ, Сеистанъ уже не могъ оправиться.

Кеяниды, считающіе себя потомками Кей-Кобада, управляли Сеистаномъ при Тимуридахъ и Сефевидахъ. Они вновь населили Сеистанъ выходцами персами и афганцами изъ сосѣднихъ Каината и Афганистана и белуджами изъ Белуджистана. Вмѣсто прежнихъ большихъ городовъ Сеистанъ постепенно покрылся сѣтью селеній и поселковъ,

Въ XVIII столѣтіи Кеянидъ Меликъ Мухаммедъ, воспользовавшись осадою афганцами Исфагана, овладѣлъ Мешедомъ и провозгласилъ себя персидскимъ царемъ, но вскорѣ послѣ этого онъ былъ убитъ Надиръ Шахомъ.

Послѣ смерти въ 1747 г. этого смѣлаго авантюриста Сеистанъ до 1793 г. входилъ въ составъ Афганистана при Ахмедъ Шахѣ и Тимуръ Шахѣ Дурраній.

Затѣмъ, послѣ распаденія этой афганской династіи, судьбы Сеистана были связаны попеременно съ судьбами Герата и Кандагара.

Съ 1851 г. Персія, воспользовавшись смутами и раздорами въ Афганистанѣ, обратила серьезное вниманіе на Сеистанъ, и въ 1857 г. начальникъ господствовавшаго въ то время въ этой странѣ племени Сербендй сердаръ Али-Ханъ призналъ свою зависимость отъ Персіи, въ награду за чтд получилъ въ жены каджарскую принцессу.

Вскорѣ послѣ этого въ 1861 г. онъ былъ убитъ въ сеистанскомъ селеніи Секухé своимъ племянникомъ Таджъ Мухаммедъ Ханомъ. Израненная во время тщетныхъ попытокъ защитить своего супруга, принцесса была отправлена обратно въ Тегеранъ.

Съ того времени до сего дня исторія Сеистана состояла изъ интригъ, предательствъ, ослѣпленій и убійствъ. За первенство въ Сеистанѣ борятся персидскія племена Сербендй, Шахрекй, белуджскія племена Наруй и Санджаранй и мѣстный сеистанскій наслѣдственный правитель, стремящійся упрочить свою власть надъ этими безпокойными элементами для лучшей эксплоатаціи мѣстнаго населенія. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Кеяниды, тѣснимые афганцами и белуджами, призвали къ себѣ на помощь племя Сербендй, съ которымъ породнились. Когда Сербендй забрали въ руки силу, то они встрѣтили соперниковъ въ другомъ сильномъ племени Шахрекй. Тогда Сербендй обратились за помощью къ кочевникамъ белуджамъ

Наруй и Санджарани, съ которыми въ свою очередь породнились.

Послѣдніе, осѣвъ въ Сеистанѣ, стали въ свою очередь добиваться первенства. Представители каждаго изъ перечисленныхъ племенъ увѣряли персидское правительство въ своей исключительной силѣ, а послѣднее, выдавая каждому изъ нихъ многообѣщающія грамоты (фирманы), утвердило свою власть въ Сеистанѣ при помощи храбраго и умнаго Каинскаго правителя Миръ Алемъ Хана, котораго и назначило въ награду за его заслуги наслѣдственнымъ правителемъ обѣихъ сосѣднихъ провинцій Каината и Сеистана.

Насколько трудно было справляться съ сеистанскими сердарами, видно изъ того, что, черезъ годъ послѣ Гольдсмидовскаго разграниченія Сеистана въ 1872 г., самъ Миръ Алемъ-Ханъ былъ осажденъ въ административномъ центрѣ Сеистана Нусретабадѣ начальниками белуджскихъ племенъ Наруй и Санджарани сердарами Шерифъ-Ханомъ и Ибрагимъ-Ханомъ. Послѣдній извѣстенъ тѣмъ, что въ 1841 г. убилъ выстрѣломъ въ спину англійскаго путешественника д-ра Форбса во время охоты на Нейзарѣ.

Причиною упомянутой пятимѣсячной осады, снятой лишь послѣ женитьбы Миръ Алемъ-Хана на дочери Ибрагимъ-Хана и помолвки его сына, нынѣшняго правителя Сеистана Хишметуль-Мулька, съ дочерью Шерифъ-Хана, было желаніе обоихъ белуджскихъ сердаровъ подчиняться непосредственно персидскому правительству, а не представителю его Каинскому эмиру. Желаніе это, въ виду отдаленности Сеистана и слабости центральнаго правительства, представляло, конечно, для вышеназванныхъ сердаровъ большія выгоды и удобства.

Послѣ смерти въ 1892 г. Миръ Алемъ-Хана, свѣдѣнія о которомъ сообщены полковникомъ Генеральнаго Штаба Стрѣльбицкимъ, Каинатъ достался младшему его сыну Шевветуль-Мульку, а Сеистанъ—старшему Хишметуль-Мульку.

До 1900 г. послѣдній жилъ въ своей другой провинціи Тебессѣ, Сеистаномъ же управлялъ его малолѣтній сынъ Миръ Ма'сумъ-Ханъ, подъ руководствомъ своей матери-белуджки, сестры сердара Саидъ-Хана Наруй, сына вышеупомянутаго Шерифъ-Хана.

Весною и осенью 1899 г. въ Сеистанѣ произошли кровавыя столкновенія между сторонникаии Миръ Ма'сумъ-Хана и партіей его отца, предводительствуемою внучатнымъ племянникомъ упомянутаго выше Али-Хана однорукимъ сердаромъ Пурдиль-

Ханомъ Сербенди. Свидѣтелемъ ихъ былъ маіоръ Молесвортъ Сайксъ.

Ближайшимъ поводомъ къ этимъ неурядицамъ послужило звѣрское убійство начальника племени Наруй Дервишъ-Хана, близкаго родственника матери Миръ Ма'сумъ-Хана, получившаго отъ нынѣ царствующаго шаха Музаффердэддина фирманъ, согласно которому Дервишъ-Ханъ, бывъ назначенъ начальникомъ всѣхъ персидско-подданныхъ белуджей въ Сеистанѣ, подчинялся не Химметуль-Мульку, а непосредственно персидскому правительству.

Безпорядки прекратились послѣ замѣны Миръ Ма'сумъ Хана братомъ его Мухаммедъ Риза Ханомъ, нынѣ зятемъ Сердара Пурдиль-Хана, и изгнанія изъ Сеистана белуджскихъ сердаровъ.

Самъ Химметуль-Мулькъ, лишенный управленія Теббеской провинціею, пріѣхалъ весною 1900 г. въ Сеистанъ, гдѣ и находится въ настоящее время.

Описанія Сеистана Исидора Хараксжаго, Истахри и другихъ арабскихъ географовъ сходятся въ главныхъ, общихъ чертахъ со свѣдѣніями объ этой странѣ позднѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ, среди коихъ англичане занимаютъ первое мѣсто. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнью на службѣ наукѣ и государству.

Въ 1809 г. сэромъ Джономъ Малькольмомъ, собиравшимся въ свое третье путешествіе въ Тегеранъ, были командированы для изслѣдованія Мекрана, Белуджистана и Сеистана капитаны Грантъ, Кристи и лейтенантъ Поттингеръ. Первые двое были убиты: Грантъ по дорогѣ изъ Керманшаха въ Багдадъ, а Кристи, побывавшій въ Сеистанѣ на своемъ пути въ Гератъ,—во время сраженія персовъ съ русскими при Асландузѣ въ 1812 г. Остался въ живыхъ одинъ Поттингеръ.

Въ 1839 г. Сеистанъ посѣтилъ, въ сопровожденіи топографа Камерона, капитанъ Эдуардъ Конолли, зарѣзанный затѣмъ въ 1844 г. вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Стодгардомъ въ Бухарѣ.

Вскорѣ затѣмъ въ Сеистанѣ былъ лейтенантъ Личъ, производящій совершенно неосновательно названіе этой страны отъ санскритскаго Шивастана.

Въ 1841 г. въ Сеистанѣ былъ вѣроломно убитъ белуджскимъ сердаромъ Ибрагимъ-Ханомъ Сонджарани англійскій путешественникъ д-ръ Форбсъ.

Приблизительно въ то же время лейтенантъ Паттинсонъ изслѣдовалъ теченіе Хильменда отъ Земиндавара до впаденія

этой рѣки въ „Сеистанское озеро". Онъ былъ затѣмъ убитъ въ 1844 г. въ Кандагарѣ.

Въ 1845 г. Сеистанъ былъ изслѣдованъ французскимъ путешественникомъ Феррье.

Въ 1859 г. въ западной части этой страны недолго пробылъ нашъ соотечественникъ Ханыковъ.

Въ 1872 г. Сеистанъ въ теченіе шести недѣль изслѣдовался англійскими миссіями генераловъ Гольдсмида и Поллока. Члены этихъ миссій Еуанъ Смитъ, Маіоръ Ловеттъ и д-ръ Беллю составили классическія, по справедливому отзыву лорда Кёрзона, описанія Сеистана.

Съ 1879 по 1886 г. въ Сеистанѣ проживалъ разновременно большой знатокъ Средней Азіи полковникъ Стюартъ.

Въ 1894 г. великобританскій генеральный консулъ въ Мешедѣ, а затѣмъ губернаторъ Белуджистана полковникъ Іэтъ объѣхалъ Сеистанъ съ обычнымъ у англичанъ, дорого стоющимъ комфортомъ: при немъ былъ обширный лагерь, большой караванъ и многочисленный штатъ прислуги.

Съ 1895 года начинаются ежегодныя посѣщенія Сеистана съ конвоемъ изъ 25—30 англо-индійскихъ солдатъ, нѣсколькими десятками конныхъ белуджей, при большомъ лагерѣ и караванѣ завѣдывающаго Нушкинскою караванною дорогою капитана Уэббъ-Уэра.

Въ 1896 г. въ Сеистанъ назначается нештатный англійскій агентъ изъ индусскихъ лекарскихъ помощниковъ.

Въ 1897 г. Сеистанъ посѣтилъ англійскій врачъ Брэжэръ-Крэгъ, а въ 1899 г. въ Сеистанѣ пробылъ нѣкоторое время маіоръ Молесвортъ-Сайксъ, прекрасно по обыкновенію обставленный съ внѣшней стороны и въ матеріальномъ отношеніи.

Изъ русскихъ, кромѣ Ханыкова, заглянувшаго лишь въ западную часть Сеистана, въ этой странѣ были полковникъ Стрѣльбицкій, д-ръ Милашевскій въ 1897 г., зоологъ Зарудный въ 1898 и 1900—1901 гг., коммерсантъ Асцатурьянцъ въ 1901 г. и Л. Г. Корниловъ въ 1902 г.

Со времени учрежденія нашего вице-консульства въ Сеистанѣ 13-го февраля 1900 г. до половины 1903 г. въ Сеистанѣ перебывало подъ разными предлогами 15 англичанъ: графъ Рональдмэ, Саваджъ-Лэндоръ, Пентонъ (корреспондентъ „The Glole"), Фоли, Клеменсонъ, Мартъ, Узлей, Гринзель, Пальмеръ, Кольвилъ, Дюкъ, Кадель, капитаны Смайсъ и Пленкетъ, и 2 германца: капитанъ Боде и художникъ Ломанъ.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1903 г. въ предѣлы

Сеистана вступила англійская миссія полковника Макъ-Магона съ многочисленнымъ конвоемъ изъ регулярныхъ (1 эскадронъ и 2 роты пѣхоты) и иррегулярныхъ (800 белуджскихъ милиціонеровъ) войскъ и огромнымъ караваномъ (около 2.000 верблюдовъ). Содержаніе этой миссіи, не собирающейся, по видимому, покинуть Сеистанъ, обходится великобританскому правительству въ 5.000 фунт. стерл. ежемѣсячно, т. е. 600.000 рублей въ годъ.

Вышеприведенныя данныя, мнѣ кажется, достаточно ясно показываютъ степень интереса къ Сеистану русскихъ и англичанъ.

Границами современнаго Сеистана, согласно ратификованному 19-го августа 1872 г. Насреддинъ Шахомъ третейскому рѣшенію сэра Фредерика Гольдсмида, служатъ: на востокѣ р. Хильмендъ и линія, проведенная (въ натурѣ до сего времени никакими знаками не обозначенная) отъ Сеистанской плотины (Бенди Сеистанъ) къ горѣ Мелики-Сіяхъ-Кухъ такъ, чтобы культурныя земли обоихъ береговъ Хильменда выше Сеистанской плотины входили въ предѣлы Афганистана; на югѣ гора Мелики-Сіяхъ-Кухъ; на сѣверѣ—южный берегъ Нейзара, причемъ Персія не имѣетъ права переходить линію, направляющуюся къ Benданскимъ горамъ Кухи-Сіяхъ, въ сторону Лашъ-Джувейна; западною границею съ Каинскою областью (Каикатомъ) служитъ с. Зейнуллабадъ.

Не касаясь подробностей этого разграниченія, разсчитаннаго на дальнѣйшія вмѣшательства англичанъ въ персо-афганскія дѣла на основаніи ст. VI Парижскаго трактата 1857 года, ограничусь указаніемъ, во первыхъ, на то, что Персія фактически владѣла въ то время правымъ берегомъ Хильменда до Рудбара; и во вторыхъ, на то, что афганцы, къ которымъ отошли, согласно этому разграниченію, не только правый берегъ Хильменда ниже Сеистанской плотины, но и оба берега выше ея, получили возможность распоряжаться жизненною артеріею Сеистана Хильмендомъ.

Въ вышеописанныхъ границахъ Сеистанъ состоитъ изъ двухъ неравномѣрныхъ частей: сѣверной, населенной, площадью приблизительно въ $2^1/_2$ тысячи кв. верстъ, съ населеніемъ около 100.000 душъ, и пустынной, южной, почти въ два раза больше первой, простирающейся отъ крайняго южнаго селенія Вермалъ до Мелики-Сіянъ-Куха.

А. Миллеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

Женитьба Соловья Будимiровича.[1])

Мхи были, болота въ Поморской странѣ,
А голыя щелья въ Бѣлѣ озерѣ,
А тая эта зябель въ подсѣверной странѣ,
А сраны сарафаны по Мошѣ рѣкѣ,
А толсты становицы въ Каргополѣ,
А темные лѣса тѣ Смоленскiе,
Широки ворота Чигаринскiе...
Изъ подъ дуба, дуба, дуба сыраго,
Изъ подъ того камешка изъ подъ яхонта
Выходила, выбѣгала мать Волга рѣка,
Она устьемъ бѣжитъ во сине море,
Во то сине море, во Турецкое.
По той ли по матушкѣ, по Волгѣ рѣкѣ
Бѣжало—бѣжитъ тридцать три корабля,
Тридцать три корабля было безъ одного—
Одинъ-отъ корабль лучше краше всѣхъ.
Какъ на томъ кораблѣ было написано,
Носъ написанъ былъ по змѣиному,
А корма-то по звѣриному;
Тутъ кодолы, канаты были шелковые,
Паруса-то были изъ семи шелковъ,
А тыя-то коржинья позолоченые.
А во томъ кораблѣ младъ сидитъ Соловей,
Младъ сидитъ Соловей, сынъ Будимiровичъ,
Со своей со матушкой со родною,
Со своими дружинами съ хоробрыми.
Говоритъ Соловей таково слово:
„Что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
„Хоробрые дружины Соловьевые!
„Слушайте-ка большаго атамана вы:
„Берите-ка шестики мѣрные,
„Да мѣряйте лудья морскiя вы,
„Чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати,
„А не попасть на лудья на морскiя на тѣ!“

---

[1]) Близкiе варiанты см.: Рыбниковъ, т. I, 54; Гильфердингъ, т. I, 394. *Н. В.*

И тутъ дружинушки хоробрые
Брали они шестики мѣрные
Да мѣряли лудья морскія тутъ;
Да тутъ ѣхали-проѣхали молодцы они.
Да какъ Соловей сынъ Будимірович
Опять говоритъ таково слово:
„Что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
„Хоробрые дружины Соловьевые!
„Слушайте-ка большаго атамана вы!
„Берите-ка вы трубочки подзорныя,
„Глядите-смотрите славный Кіевъ градъ,
„Ту ли пристань корабельную,
„Чтобы намъ, молодцамъ, попасти туда,
„Во ту ль пристань корабельную!“
Тутъ эти дружинушки хоробрые
Брали трубочки подзорныя,
Глядѣли-смотрѣли славный Кіевъ градъ,
Ту ли пристань корабельную.
Тутъ ѣхали-проѣхали молодцы они,
Подъѣзжали молодцы подъ Кіевъ градъ,
Попали въ ту пристань корабельную.
Опять Соловей сынъ Будимірович
Говоритъ-молвитъ таково слово:
„А что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
„Хоробрые дружины Соловьевые!
„Слушайте большаго атамана вы,
„Берите первую сходенку волжаную,
„Другую сходенку серебряную,
„А третью сходенку красна золота—
„Кидайте вы сходенки на крутъ бережокъ!
„По волжаной сходенкѣ вамъ идти,
„А все моимъ-то дружинушкамъ хоробрымъ,
„Хоробрыимъ дружинамъ Соловьевыимъ;
„По серебряной сходенкѣ родной матушкѣ моей,
„А по золотой сходенкѣ самому мнѣ идти,
„Мнѣ, младу Соловью, сыну Будимірову“.
Да какъ тутъ Соловей сынъ Будимірович
Беретъ онъ подарочки великіе:
Да сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
А мелкаго звѣря и смѣты нѣтъ;
Приходитъ ко князю ко Владиміру,
Во тую во гридню во столовую;
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ онъ ведетъ да по ученому
На всѣ на четыре на сторонушки,
А стольному князю тутъ въ особицѣ
Со своей княгиней со Апраксіей,
Съ его-то любимой со племянницей
Съ молодой Любавушкой Забавичной.
„Здравствуйте вобще и въ особицѣ

„Здравствуетъ князь стольный Кіевскій!“
— Здравствуй-ко, удалый добрый молодецъ!
— Коей ты орды да коей земли?
— Коего ты отца да коей матери?
— Царь ли ты пріѣхалъ къ намъ, царевичь ли,
— Аль съ тиха Дону ты донской казакъ?
— Аль грозный посолъ Ляховицкій ты?—
„Да не царь-то я, не царевичъ къ вамъ,
„Не король-то я, не королевичъ есть,
„Не съ тиха Дону я, не донской казакъ
„И не грозный посолъ Ляховицкій я.
„А есть то я изъ за синя моря
„Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ“.
Подаваетъ подарочки великіе:
Да сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Мелкаго звѣря тутъ и смѣты нѣтъ.
Подаваетъ онъ флаки (такъ!) заморской камки,
Заморскія камошки золоченыя,
Стольной княгинѣ Апраксіи.
Принимаетъ-то княгиня и выхваливаетъ:
— Таки нѣтъ такой камки здѣсь въ Кіевѣ,
— Таки нѣтъ, таки—нѣтъ, не бывать таковой.—
Тутъ Владиміръ стольный Кіевскій
Говоритъ-молвитъ таково слово:
— Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Да чѣмъ тебя будемъ жаловати
— Да за эти подарки за великіе?
— Города ли тебѣ надо съ пригородками,
— Али села тебѣ надо съ приселками,
— Али много тебѣ золотой казны?—
„Да не надо мнѣ городовъ съ пригородками,
„Да не надо мнѣ селъ съ приселками,
„Да не нужна мнѣ безсчетна золота казна,
„Только ты мнѣ позволь-ка еще
„Поставить-построить три терема,
„Три терема златоверхіихъ,
„Чтобъ верхи бы съ верхами завивалися,—
„Середь города да середь Кіева,
„Гдѣ маленьки ребята, гдѣ сайки продаютъ,
„Гдѣ сайки продаютъ, гдѣ барышничаютъ.“
Тутъ возговоритъ князь стольный Кіевскій:
— Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
— Куда знаешь,—туда ставь-ка ты.—
Скоро Соловей тутъ поворотъ держалъ.
Приходитъ къ дружинушкамъ хоробрыимъ,
Говоритъ имъ, молвитъ таково слово:
„Что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
„Хоробрые дружины Соловьевые,
„Слушайте большаго атамана вы!
„Скидывайте платьица цвѣтныя,

„Надѣвайте платьица лосиныя,
„Лосиныя платьица, звѣриныя".
И тутъ эти дружинушки хоробрые
Скидывали платьица цвѣтныя,
Надѣвали платьица лосиныя,
Лосиныя платьица, звѣриныя.
Какъ тутъ Соловей сынъ Будимiровичъ
Говоритъ-молвитъ таково слово:
„Ай вы, братцы дружинушки хоробрые,
„Хоробрые дружины Соловьевые,
„Слушайте-ка большаго атамана вы!
„Берите топорики булатные,
„Сѣките дубья и колодья вы,
„Ставьте-ка вы еще три терема,
„Три терема златоверхiихъ—
„Верхи бы съ верхами завивалися,—
„Середь города да середь Кiева,
„Гдѣ маленьки ребята сайки продаютъ,
„Гдѣ сайки продаютъ, гдѣ барышничаютъ".
Тутъ дружинушки хоробрые
Брали топорики булатные.
Какъ тутъ Соловей сынъ Будимiровичъ
Опять говоритъ-молвитъ таково слово:
„Чтобы къ утру, къ свѣту готовы были,
„Чтобы мнѣ младу туда жить перейти!"
Тутъ эти дружинушки хоробрые
Ставили-строили три терема,
Три терема златоверхiихъ,
Что верхи да съ верхами завивалися.
У того у князя у Владимiра
Была любимая племянница,
Молодая Любавушка Забавична;
Беретъ въ руки трубочку подзорную,
Выходитъ она на выходы высокiе.—
Глядѣла-смотрѣла на всѣ стороны,
На всѣ на четыре на сторонушки,
Наглядѣла-насмотрѣла три терема,
Три терема златоверхiихъ,
Что верхи-то съ верхами завивалися.
Тутъ бросила трубочку подзорную,
Приходитъ ко князю ко Владимiру:
— Ай же ты, любезный мой дядюшка,
— Ты позволь-ка мнѣ, красной дѣвушкѣ,
— Проходиться-прогуляться вдоль по городу,
— Вдоль по городу пройти, вдоль по Кiеву.—
Тутъ князь ей возговоритъ:
„Ступай-ка, любимая племянница,
„Прогуляйся вдоль по городу по Кiеву."
И тутъ эта любимая племянница
Какъ къ первому терему подходитъ она,

А въ томъ терему шепотомъ говорятъ:
Тутъ-то была Соловьева родна матушка,
Молится Господу Богу она.
Какъ къ другому терему подходитъ она,
А въ другомъ то терему и стукъ, и громъ,—
Тамъ дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые.
А какъ къ третьему подходитъ она,—
Тутъ скачутъ, всѣ пляшутъ и пѣсни поютъ,
Во музыки, въ балалаечки наигрываютъ,—
Тутъ младъ Соловей сынъ Будимировичъ
Со своими съ дружинами съ хоробрыми,
Тутъ молодецъ забавляется,
Сидитъ на стулѣ золоченомъ.
Тутъ молодая Любавушка Забавична
Низкимъ низко поклонилася:
— Здравствуй, младъ сынъ Будимировичъ! —
„Здравствуй молодая Любавушка Забавична!"
Ай ты, младъ Соловей сынъ Будимировичъ,
— Ты возьми-ка меня за себя замужъ!—
„Всѣмъ ты мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла,
„Да однимъ-то мнѣ ты не въ любовь пришла:
„А сама ты себя, дѣвушка, просватываешь.
„А твое бы дѣло да не здѣся быть,
„А дома бы быть, да коровъ кормить,
„Коровъ кормить, да телятъ поить".
Тутъ-то стало дѣвушкѣ стыднехонько.
Скорымъ-скоро да скорешенько
Ко стольному князю отправлялася.
Какъ Соловей сынъ Будимировичъ
На то вѣдь ужъ не сердится;
Беретъ онъ свою родну матушку,
Приходитъ ко князю ко Владиміру,
Приходитъ-то онъ большимъ сватомъ:
„Ай же ты, князь стольный Кіевскій!
„Ты повыдай-ка любимую племянницу,
„Отдай да повыдай за меня замужъ?"
Да тутъ-то князь стольный Кіевскій
Просваталъ онъ ю, красну дѣвушку.
Тутъ шли они во церковь соборную,
Приняли они тутъ златы вѣнцы.
Какъ тутъ Соловей сынъ Будимировичъ
Опять говоритъ-молвитъ таково слово:
„Ай вы, братцы, дружинушки хоробрые,
„Хоробрые дружины Соловьевые!
„Слушайте большаго атамана вы:
„Сбирайте-ка вы этихъ три терема.
„Собирайте-ка народъ на корабли".
Тутъ эти дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые,

Собирали-то они этихъ три терема,
Собирали-то они назадъ на корабли.
Какъ тутъ Соловей сынъ Будимировичъ
Скорымъ-скоро да скорешенько
Собирался назадъ на корабли.
Съѣхалъ тутъ Соловей сынъ Будимировичъ
На свою на родимую сторонушку,
Сталъ жить-быть да семью водить,
Семью водить—да дѣтей плодить.

Записалъ учитель *А. С. Лѣсковъ* въ Купецкомъ приходѣ Пудожскаго уѣзда, со словъ крестьянина *Никифора Уткина*.

Василій Буслаевичъ.

Да маленькій Васильюшка Буслаевичъ
Онъ ходилъ да гулялъ по чисту полю
Со своими дружинами съ хоробрыми:
Съ толстымъ-то Ѳомой, съ благоуродливымъ,
Да съ маленькимъ упавенькимъ Потанюшкой.
Вотъ этотъ Василій сынъ Буслаевичъ
Приходитъ Васильюшко близехонько.
На тоемъ на томъ на чистомъ полѣ
Лежитъ кость-голова человѣческа.
Какъ этотъ Васильюшка подскакивалъ,
Своимъ чеботомъ голову подхватывалъ,
Пинулъ тутъ Василій эту голову;
Полетѣла голова по поднебесью.
Какъ пала голова на сыру землю,
Такъ тутъ-то голова воспровѣщала:
„Ахъ, молодой Василій, сынъ Буслаевичъ!
„Лежала я, голова, на сырой землѣ,
„Лежала я, голова, тридцать лѣтъ,
„Да никто-то меня не пинывалъ,
„Да никто-то меня не заразывалъ;
„А ты Васильюшко заразилъ меня,
„Пинулъ-то ты меня понапрасному.
„Станешь-будешь гулять да во чистомъ полѣ
„Со своими дружинами съ хоробрыми,
„Съ толстымъ Ѳомой, съ благоуродливымъ,
„Да съ маленькимъ упавенькимъ Потанюшкой,
„Не забудь-ко же ты этого помѣстьица,
„Пройди-ка назадъ ты сюдыкова“.
Какъ тутъ Васильюшко Буслаевичъ
Ходилъ онъ, гулялъ во чистомъ полѣ
Со своими дружинами съ хоробрыми,
Со толстымъ Ѳомой, съ благоуродливымъ,
Да съ маленькимъ упавенькимъ Потанюшкой.
Назадъ-то пошелъ Василій мимо этого помѣстьица,

Такъ тутъ-то стала ора каменна,
На горѣ-то надпись подписана:
„Кто чрезъ гору перескочитъ, того тутъ еще
Богъ проститъ,
„А кто чрезъ гору не перескочитъ, тотъ буди
трои проклятъ на вѣку тотъ былъ“.
Тутъ Васильюшко Буслаевичъ
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Скочилъ-то тутъ Васильюшко черезъ гору.
А эти дружинушки хоробрые,
Толстой-то Ѳома, благоуродливый,
И маленькій упавенькій Потанюшка
Да скакали-то они еще оратовья.
А этотъ Васильюшка Буслаевичъ,
Не дѣлалъ Василій повороту онъ.
Скочилъ тутъ Васильюшко назадъ пятъ бы—
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Задѣлъ онъ своимъ чеботомъ сафьяннымъ
За ту за гору за каменну,
Повернулся Василій внизъ головушкой,
Палъ тутъ Василій на сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.
Только тутъ Васильюшку славы поютъ.
А эти дружинушки хоробрые
Скочили-то они еще три разу,
Копали они еще яму глубокую,
Зарыли Василья тутъ во желты пески.
А ихъ-то слава миновалася,
А Васильева-то слава не миновалася.

Записалъ учитель *А. С. Лѣсковъ* въ Купецкомъ приходѣ, Пудожскаго уѣзда, отъ крестьянина *Никифора Уткина*.

Осада Пскова Баторіемъ.

Степанъ, Степанъ земли Полоцкой
Собака царя Крымскаго,
Нафаляется собака на три города:
На первый на городъ на Полоцкой градъ,
На другой на городъ на Великіе Луга,
На третій на городъ на Обской градъ.
Онъ Великіе Луга проходомъ шелъ,
Подъ Обской градъ посла послалъ
Самолучшаго поганаго татарина.
Приходилъ онъ къ той ко стѣнѣ городовыя,
Онъ и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали—
Всѣ нѣмцы, французы премудрые
И тѣ же воеводы московскіе.

И отвѣчають воеводы московскіе:
„Что не даемъ мы вамъ граду безъ бою,
„И безъ бою безъ драки великія,
„Безъ того кровопролитія немалыя,
„Уповаемъ на Пресвятую Богородицу,
„Не даемъ вамъ собакамъ на поруганіе!"
Тутъ сидятъ три милые братца названые:
Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ князь,
Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
Никита Вольхонской Романовичъ князь.
Тутъ собака и поворотъ держалъ на Чуренчу рѣку,
Ко Степану королю, къ самолучшему поганому татарину.—
И вынимаетъ онъ со главы колпакъ земли греческой,
И покланяется собакѣ до сырой землѣ:
„Ужь ты, ахъ же ты, батюшка, Степанъ король!
Ходилъ я подъ Обской градъ,
Ко той ко стѣнѣ пришелъ городовыя,
А и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали,
Всѣ нѣмцы, французы премудрые
И тѣ же воеводы московскіе.
Отвѣчають воеводы московскіе:
Не дадимъ мы вамъ городу безъ бою,
Безъ бою, безъ драки великія,
Безъ того кровопролитія немалыя,
Уповаемъ на Пресвятую Богородицу,
Не дастъ вамъ собакамъ на поруганіе!
Тутъ сидятъ три милые брателка названые:
Михаила Скопинъ сынъ Васильевичъ князь,
Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
Никита Вольхонскій Романовичъ князь...
Тутъ я и поворотъ держалъ".
Степану королю да за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Заправлялъ онъ пушечки свои боевыя,
О двѣнадцати ядерышекъ свинцовыихъ,
Набиралъ собака силы по три тьмы и по три тысячи
И поѣхалъ собака подъ Обской градъ,
Становился собака за три поприща,
До самой Матери Пресвятой Богородицы—
И наводитъ собака по семи золотымъ маковицамъ.
Обернулося ядрышко свинцовое
А Степану-королю въ груди черныя.
Вся сила поганая ослѣпнула,
И стала она промежъ собой сѣчь и сѣчь,
Не осталось силы и на сѣмяна.

Сойда, Вытегорск. уѣзда. Со словъ крестьянина *Дмитрія Тимофеева* записалъ учитель *К. Н. Макліоновъ*.

Пословицы, поговорки, крылатыя слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ Острогожскаго уѣзда.

(Продолженіе).

Примѣты и повѣрья: а) Религіозно-бытового характера.

Сегодня Бога нема дома, остались одни боженята (на счетъ дождя, слякоти).

Богъ—свидѣтель моей души.

Помилуй Богъ, какъ хорошо.

Богъ попытавъ, нихто ни видавъ.

У Бога теленка укралъ.

О Христѣ Іисусѣ,

Господи, прости меня грѣшную.

Все за—спаси Господи.

Не ради Исуса, а ради куса.

Богъ дастъ, такъ и въ окно подастъ.

Благодари Господа въ началѣ, а васъ вообще.

А не буде, Господь добуде.

Сила сидитъ, и Богъ бачитъ.

Богъ съ ними. Не поставь имъ во грѣхъ.

Съ Божьимъ благословеньемъ, да съ своимъ умѣньемъ.

Побій меня, Царица небесная.

Сбродъ Пресвятой Богородицы.

Ангелы радуются, черти печалуются.

На лѣвомъ боку нельзя ложиться спать, ибо ангела задушишь.

Годится, такъ Богу молиться, а не годится — горшки покрывать (богомазы про образа).

Куда тебя несли черти на дырявый мостъ.

Хитрый, якъ панскій чертъ.

Ахъ, черти вислоухіе.

Черти тебя мучаютъ.

До черта понимаешь: изъ носа да въ ротъ.

Черта смолить.

Чертъ летитъ, а хуй (нога) виситъ.

Бываетъ, что чертъ на палочкѣ верхомъ летаетъ.

Якъ черти были, такъ чертями и остались.

Несетъ тебя чертъ на дырявый мостъ.

Чертова перешница.

Чертъ тебя ѣздилъ по спинѣ.

Черты, яко испивать.

Черты не найдутъ, якъ жигну́.
Потяну, ажъ чертъ забрешитъ.
Я знаю, гдѣ чертямъ роги правятъ.
Чертову плетешь.
Черты тебя взяли-бъ.
Черт-ма толку.
Чертъ съ ребенкомъ смалился.
Мався чертъ буты святымъ (не голоднымъ), вздумавъ макомъ заговить.
Если, сидя на стулѣ, болтаешь ногами—черта колышешь.
Чертъ его удержится.
Чирты батько знащо.
Черта крести, онъ кричитъ: пусти.
Черти его батька взяли.
Купилъ черта нетлѣннаго.
Вотъ чертъ навязался въ зубы (на мою душу грѣшную).
Хоть черта дай—не выходитъ.
Хоть черта ему дай въ зубы.
Чертова (косая) сандала.
Съ чертомъ, не съ своимъ братомъ.
Хай чертъ сказытся.
Богатому чертъ дѣтей колышетъ, а бѣдный и няньки не найдетъ.
Вотъ чертовая,—въ своемъ домѣ, да не могу скакать.
Хай топится, черту дудка, да и то не возьметъ.
Чертогоны, Господи, прости.
Еще черти на кулачки не дрались.
До чертиковъ радъ.
Ахъ, ты триклятый.
Алахарь Царя небеснаго.
Толчется, якъ Маркъ въ пекли.
Дать биса.
Ахъ, ты, бисова рада.
Вотъ, бисова корыста.
Къ идолову батьку не хочешь?
Шутъ съ тобой.
Убирайся къ едреной матери.
Это едрена мать.
Мать твою Богъ любилъ.
Мара свѣтовая.
Святая мара.
Анафима камлыкъ.
Чертику, чертику! погуляй, погуляй, да опять назадъ отдай.
Если во снѣ увидишь попа, значитъ видѣлъ черта.
Тебѣ что ни чертъ, то все попъ.
Съ черта не надѣйся попа.
Надѣялись съ черта попа.
Кстати и попъ пляшетъ.
Попы говорятъ, что постное ѣдятъ, а жрутъ-то скоромное.
Попа въ рогожкѣ видать.
Съ попомъ все знае.

Отъ черта крестъ, а отъ попа—ни креста, ни перста.

Съ попомъ, не съ чертомъ—драться не будешь.

Не наше дило попа судить, на то архіерей есть.

Какъ звать? [1])—Катерина.—Не Катерина, для Бога Екатерина. А тебя какъ звать?—Лизавета.—Не Лизавета, для Бога Елизавета. Тебя какъ звать?—Давидъ, а для Бога ядовитъ.

Если молодой дьяконъ былъ бы, чертомъ я обѣдню отмоталъ.

Попъ да пѣтухъ натощакъ поютъ.

Мы бѣдные ходимъ къ обѣдни, а вы богачи обосрали рогачи.

Архимандритъ (митрополитъ) безъ пороху палитъ.

Между первой и второй не закусываютъ, монахи не дышатъ.

Проскомедныя деньги (мѣдныя).

Черниці, а жопы на ветерниці.

Когда выливаютъ колоколъ для какой-либо церкви, то надо распространить слухъ о смерти кого-либо изъ извѣстныхъ лицъ, чтобы колоколъ звучнѣе былъ.

Послѣ освященія храма 40 дней надо служить и тѣмъ дать возможность получить прощеніе грѣховъ висельникамъ, утопленикамъ и вообще скоропостижно умершимъ.

Скиньте и мій галунъ на церкву, нехай посвятытся.

Если умретъ человѣкъ, надо по душѣ позвонить: если маленькій, то въ небольшой колоколъ, если большой, то въ большой колоколъ.

Въ великій постъ говѣть взрослому надо начинать съ первой службы въ недѣли (понедѣльникъ или вторникъ), а дѣтямъ съ среды.

Если три обѣдни не выстоялъ во время говѣнья, не достоинъ пріобщиться.

Попа возитъ въ рѣшетѣ (когда исповѣдуешься). Этимъ запугиваютъ дѣтей, впервые идущихъ на исповѣдь, чтобы аккуратнѣй держали себя.

Когда идешь исповѣдываться, надо у окружающихъ просить прощенія, предварительно кланяясь: Простите или прости мене.—Богъ проститъ—отвѣтъ.

Послѣ причастія говѣльщикъ не долженъ въ день ложиться спать, иначе украдитъ причастіе.

Если послѣ причастія (въ субботу) говѣльщикъ не пойдетъ къ вечерни, то укралъ причастіе.

Въ тотъ день, когда причащаются, раздаютъ причастникамъ пампушки, бублики, пряники.

На востокъ надо креститься, когда садишься за ѣду.

Воскресенье прощеное на масляницѣ, когда другъ у друга должны просить прощенія въ принесенныхъ обидахъ (почти выводится).

Съ великаго четверга старики не ѣдятъ до Свѣтлаго Воскресенья, когда разговляются.

Разговляться на Рождество или Пасху надо послѣ принятія постной пищи.

---

[1]) Вопросъ священника.

Поминать умершихъ треба, а святыхъ вспоминать.

По мертвому надо сорокоустъ отслужить.

При воспоминаніи объ умершихъ надо говорить: „Царство Небесное“.

Бодай чужимъ капуномъ родителей не поминать.

Если ребенокъ есть, то, когда несутъ мимо мертвеца, надо подъ колыбельку ребенка поставить воду.

Если умретъ человѣкъ, то надо 40 дней держать на столѣ медъ и хлѣбъ и должна теплиться лампада.

Безъ поминальной будемъ поминать.

Выбрасывать въ печь скорлупки отъ пасхальныхъ яицъ страшный грѣхъ: родители на томъ свѣтѣ сильно обижаются.

Помѣшается гришне съ праведнымъ.

Крипка душа, шо держится.

Оно тимъ не пособится, якъ грихъ сробится.

Гриха-то на людяхъ.

Гриха, ажъ не оберешься.

Грѣхъ по дорожкѣ побѣгъ.

Грѣха не возьмешь, денегъ не найдешь.

Грѣшно много трудиться, грѣшно и лѣниться.

Божиться грѣхъ.

Въ пятницу грѣхъ робить.

На первой недѣли великаго поста нельзя ѣсть ни масла, ни рыбы.

Кто ѣстъ рыбу въ постъ, тому на Благовѣщенье нельзя ѣсть ее.

Въ великій постъ пѣсни грѣхъ пѣть.

Въ великій постъ бросаютъ водку пить и курить—грѣхъ.

Въ постъ великій матернымъ словомъ ругаться грѣхъ.

На Илью грѣхъ возить сино—Илья сожжетъ его (гроза).

На Пантелеймона грѣхъ возить хлѣбъ и сѣно,—Пантелеймонъ сожжетъ (гроза).

На Михайлово чудо (сент. 6) нельзя работать,—Богъ накажетъ.

Грѣхъ, когда хлѣбъ мѣсится, черным словомъ выражаться.

Отъ лампадки грѣхъ прикуривать.

Заглядывать въ окно—грѣхъ.

Курить табакъ—грѣхъ.

Не посѣешь зла, никогда оно не выростетъ.

Убитый громомъ (молніей) человѣкъ считается грѣшнымъ (Богъ за грѣхъ наказавъ).

Пошли, Господи, метели на три недѣли, шобъ наши хлопцы въ хатѣ сидѣли.

Кажный (каждый) свою вѣру держи.

По наитію Духа Святова.

Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.

Когда отрыгается послѣ ѣды, говорятъ: душа съ Богомъ бесѣдуетъ.

И святому не позволяй совѣтовать, коли хочешь быть человѣкомъ (быть самостоятельнымъ).

Съ бѣднаго, какъ съ святого, ничего не возьмешь.

На томъ свѣтѣ угольками получишь.

Пора вставать, а то царство небесное проспишь.
Не носи креста, а то утонешь.
Перекрести его пяткой.
Лаптемъ перекрестись.
Когда ставятъ кушанье для варки въ печь, должно три раза крестить горшокъ или посуду, въ которой ставится кушанье.
Одиннадцатая заповѣдь: не зѣвай.
Понедѣльникъ—тяжелый день.
Мужики называютъ себя хрестьянами (вмѣсто крестьянъ).
Царство небесное—пожеланіе умершему.
Царство небесное, не тѣмъ его помянуть.
Легонько ему сгадатся.
Заставая при работѣ, надо говорить: „Богъ помощь".
При подачѣ воды для питья старшему, обыкновенно кланяются.
Понимаетъ, какъ сазанъ въ библіи.
Когда войдешь на пасѣку, должно, перекрестившись, положить поклонъ.

б) Болѣзнь.

Касьянъ глянетъ на кого-нибудь: чи на людей, чи на скотину—добра не будетъ.
Кто рано свите (зажигаетъ огонь), на того болячки сгоняютъ.
Колики не родятся, а роблятся.
Если услышишь первый громъ, то нужно поцѣловать землю, чтобы губы не трескались.
Кто куритъ табакъ, у того тѣло имѣетъ блѣдно-матовый цвѣтъ.
Кто нюхаетъ табакъ, у того цвѣтъ лица хорошъ.
Въ воду не смотри, будешь блѣднымъ.
Чтобы не помнить сновъ, надо взять себя за темя.
Будь здоровъ на сто годовъ.
Заболила, что вчера ни ила.
Заболѣетъ человѣкъ на молодомъ мѣсяцѣ, долго будетъ болѣть.
Если простудишь зубы на молодикѣ [1]), долго будутъ болѣть.
Если молодикъ наступитъ, то дѣтямъ надо откусывать волосы, чтобъ росли.
До тѣхъ поръ Пантелеймона нисъ, поки спина заболила.
Чтобъ руки не млѣли, носятъ мѣдное кольцо, особенно если оно найдено.
Если дитя чахнетъ (болѣетъ), то его сорочку нужно повѣсить на дерево, дерево усохнетъ, а дитя выздоровѣетъ.
Чтобъ рана закрылась, надо поскречь отъ чертова пальца (белемнитъ) и присыпать.
Послѣ ѣды надо лечь спать, чтобы сало завязалось.
Если шьешь и нитка путается, той долго жить.
Если во вновь сшитомъ платьѣ найдется нитка (наметка)—къ долгой жизни.
Если въ первый понедѣльникъ великаго поста войдетъ въ хату

[1]) Новолуніе.

женщина, то въ той хатѣ будутъ болѣзни, да и каша (кушанье) не будетъ удаваться.

На горячее мѣсто (на мѣсто больного) нельзя садиться.

Если на чужой слѣдъ кто ступитъ, тотъ заразится.

Если оторванъ клочекъ мяса, то его надо засушить, — рана скоро заживетъ.

Кто солоно ѣстъ, тотъ не сгніетъ.

Кто солоно ѣстъ, тотъ будетъ слѣпымъ.

Цвѣлой хлѣбъ ѣсть—не утонешь.

Кто мясное ѣстъ, тотъ худощавый, но плотный.

Кто рыбное ѣстъ, тотъ полный, но рыхлый.

Кто яды пилъ, у того тѣло при пораненіи гноится,— раны медленно заживаютъ.

Если ломота въ членахъ, то надо старшему покусать заболѣвшее мѣсто—пройдетъ.

Не сцы на щепки, чертъ не будетъ лыкъ драть (задираніе кожи на рукахъ).

Если ступишь ногою, гдѣ ведро пустое стояло, ноги будутъ болѣть.

Корни лопуха—отъ простуды.

65 псаломъ—отъ простуды.

Отъ порѣза, чтобы уменьшить кровь, прикладываютъ влажную землю.

Порѣзанное мѣсто надо обвернуть паутиной, чтобъ прекратить кровь.

Порѣзъ на новолуніе долго не заживаетъ.

Отъ укуса собаки надо взять ея шерсти, пережечь и посыпать рану, рана скоро заживетъ.

Раны отъ укуса собаки загниваютъ.

Пораненіе отъ собаки нельзя показывать, въ противномъ случаѣ не скоро заживетъ рана.

Во время цвѣтенія ячменя дѣти заболѣваютъ поносомъ.

Отъ поноса—настой изъ листьевъ розы пить вмѣсто чая.

Крушину употребляютъ отъ запора (лошадь, корова).

Цапиное (козлиное) мясо причиняетъ разстройство желудка.

Огуречный разсолъ—слабительное.

36 псаломъ отъ холеры.

Если что обожжешь, то прикладывать сырую картошку.

Отъ обжога надо прикладывать квасную гущу къ обожженному мѣсту.

Отъ грыжи носятъ мужчины серьгу серебряную, купленную безъ торга, и надѣваютъ ее на старомъ мѣсяцѣ.

Если на крестины кто изъ званныхъ придетъ нечистымъ и плохо убраннымъ, то ребенокъ будетъ страдать отъ нечисти (ческа).

Лимонъ—отъ сыпи на тѣлѣ (пить и мазать).

Душа съ Богомъ разговариваетъ (икота).

Если ноготь прибьешь, надо для уничтоженія боли поскречь ножикомъ.

Отъ замораживанія лучшее средство — заячій жиръ (смазывать).

Если днемъ сказать „добраго вечера"—лишай пройдетъ.

Ванифатію (19 декабря) надо служить молебенъ отъ пьянства.

Отъ отравленія алкоголемъ (водкою), когда пьяный въ безчувствіи, надо залить отравленному въ ротъ конское гавно.

Для того, чтобъ перестать водку пить, надо дать на похмѣлье выпить въ водкѣ гавно отъ черной собаки.

Больного надо купать въ маѣ въ материнкѣ.(?)

Отъ испуга: у заболѣвшихъ дѣтей обрѣзаютъ ногти на рукахъ и на ногахъ, съ головы срѣзаютъ крестообразно волосы и закатываютъ въ воскъ. На высотѣ роста больного въ ушакѣ провертываетъ дыру, вкладываютъ воскъ и забиваютъ осиновымъ коломъ (изъ осины троицкой).

Во время трудныхъ родовъ надо обязательно отворить царскія врата.

Отъ сумасшествія надо на крестъ отслужить молебенъ.

Отъ головной боли—класть на голову лопухъ майскій.

Отъ головной боли употребляется царь-трава (?)

Отъ бѣльма надо столочь бѣлый инбирь и засыпать больной глазъ.

Если собака на дворъ ходитъ, нельзя смотрѣть,—ячмень на глазу будетъ.

Глаза лѣчатъ промываніемъ настоемъ чая.

Отъ простуды горла—потнымъ съ ноги снятымъ шерстянымъ чулкомъ обвернуть горло на ночь.

Отъ кашля—пережженный сахаръ въ деревянномъ маслѣ.

Отъ кашля—отваръ изъ вѣтокъ ивы.

Отъ кашля надо нюхать послѣдній дымокъ отъ потухшей восковой свѣчи, которою зажигаютъ лампадку.

Если насморкъ, то надо написать о немъ и бросить его на дорогу. Кто подыметъ, тотъ получитъ насморкъ.

Отъ насморка надо присмалить хвостъ кошки и понюхать.

Отъ насморка надо пить молоко послѣ питья кошкою.

Отъ насморка надо насыпать горчицы въ чулки на ночь или ходить въ нихъ.

Нельзя сморкаться до умыванія, будетъ насморокъ.

Отъ зубной боли надо безъ отдышки прочесть „Отче нашъ"; сдѣлать это требуется три раза.

Отъ зубной боли—нюхательный табакъ.

Отъ зубной боли—вощина отъ осъ. Сжигая, дымъ глотать, золою этою зубы помазать и затѣмъ промыть зубы.

57 псаломъ отъ зубной боли.

Отъ зубной боли: если увидишь молодикъ, стать въ обратную сторону и прочесть „Отче нашъ"; зубы перестанутъ болѣть.

Саломъ отъ ежа мазать ту скотину, которая боится или страдаетъ отъ укуса мухъ.

Сало отъ ежа употребляется для мазки шеи у быковъ, когда они подпарятъ ее.

Вшей нельзя считать, а то будетъ много.

Гниду не снимай съ волоса (?), а то они будутъ сѣчься.

в) Смерть.

Если звѣзда падаетъ съ W на E и обратно, то умеръ кто-либо.
Съ голоду не помрешь, пока смерть не придетъ.
Богъ не дастъ смерти, не возьмутъ и черти.
Какъ нибудь до смерти доживемъ.
Послѣ смерти воротья не бываетъ.
Якъ умрется, такъ и менется.
Если звѣзда упадетъ съ неба, то кто-нибудь въ это время умеръ (душа улетѣла).
Умеръ, пошла душа въ рай, ажъ камышь затрещалъ.
Если паукъ спустится на порогѣ, къ умершему.
Нельзя класть аршинъ на постель, покойникъ будетъ.
Если мальчикъ похожъ на отца, скоро умретъ.
Если дочь на мать похожа, скоро умретъ.
Если кто молодую не увидитъ, тотъ скоро умретъ.
Крошки падаютъ изо рта, къ смерти.
Если мыши сгрызутъ обувь и платье—къ смерти.
На Новый годъ надо въ ложкѣ заморозить воду; если будутъ пузыри—къ долголѣтію, если ямка—къ смерти.
Если кто изъ дѣтей убьетъ лягушку, у того мать умретъ.
Если дѣвка, выйдя замужъ, будетъ 12 понедѣльниковъ къ ряду чесать волосы свои, мужъ умретъ.
Если женишься, то во время ѣды не ходи кругомъ стола—жена умретъ вскорѣ.
По смерти покойника надо погрѣть руки въ печи, чтобъ не занести смерти.
На смерть и родины нема годины.
Какъ бы не хворала, лишь бы хорошо умерла.
Передъ смертью икаешь.
Если вспомнишь кого-либо изъ живыхъ и невзначай скажешь „царство небесное ему“, тотъ вскорѣ умретъ.
Больной, если проситъ меду, къ смерти.
Если во снѣ видишь выпаденіе зубовъ—къ смерти родственника.
При жизни отца и матери ходить съ одной ногой обутой а другой босой, къ смерти одного изъ родителей.
Подъ Рождество и Крещенье, послѣ вечери, кладутъ въ чашку кутью и медъ, затѣмъ кладутъ каждый свою ложку углубленіемъ внизъ, кладутъ поверхъ пирогъ и накрываютъ скатертью. Утромъ, придя изъ церкви, смотрятъ: чья ложка перевернулась, тотъ умретъ.
Если, умирая, человѣкъ страшно мучается, то надо стемо (потолокъ) взломать.
Всяку страву двичи не варятъ, иначе двичи умирать.
Если на морѣ два раза погибалъ, въ третій разъ непремѣнно погибнетъ (примѣта моряковъ).
Отвелъ отъ дурной смерти.
Кто остается на ночь съ покойникомъ, тому надо давать вечерять (лапшу, узваръ).
Если шьешь кому рубаху, и нитка сама закручивается (завязы-

вается), предвѣщаетъ — тотъ человѣкъ не умретъ, пока рубаху не сноситъ.

Кто померъ, такой ему поминъ.

Какъ мертвый бздитъ.

Еще на томъ свѣтѣ надоѣстъ въ темнотѣ.

г) Личнаго характера.

Это прьродой (наслѣдственностью) беретъ.

Надѣюсь на родительское благословеніе да на себя.

Сонъ кой-когда и не брешетъ.

Славна бриxенька, да коротенька.

Цыганъ родился (при общемъ молчаніи).

Кто идетъ, размахивая руками, тотъ болтливъ.

Берегись козла спереди, лошадь сзади, а лихого человѣка отовсюду.

Рыжій, красный—человѣкъ опасный.

Бойся собаки, которая изъ-подтишка бросается.

Усы честь, а борода и у козла есть.

Онъ одинъ разъ только въ году самъ себя любитъ.

Въ Новый годъ выстрѣлилъ удачно, то круглый годъ въ этотъ день будетъ удача (т. е. если новый годъ—понедѣльникъ или вторникъ и т. д., то въ эти дни будетъ удача).

Если на Новый годъ кто чихаетъ, то къ своему благополучію, будетъ весь годъ счастливымъ.

Если муха попадетъ въ кушанье, къ счастью.

Если паутина во время лѣта (осенью) прицѣпится къ человѣку, тотъ станетъ богатымъ.

Если плюнешь и невзначай плевокъ попадетъ на тебя, получишь подарокъ.

Если видишь во снѣ вши въ головѣ—къ деньгамъ (къ получкѣ денегъ).

Кто кусочекъ мяса заячьяго съѣстъ, будетъ красавцемъ.

Если папироса тухнетъ, кто-либо вспоминаетъ.

Кто въ пятницу плачетъ, тотъ въ воскресенье скачетъ.

Кто ѣстъ безъ соли, того никто не любитъ.

Кто солоно ѣстъ, тотъ влюбленъ.

Если икаешь, значитъ что-либо укралъ.

Если найдешь подкову или половину ея, къ счастью; тогда ее надо вбить на порогѣ.

Если себя увидишь во снѣ обмараннымъ своими испражненіями, къ счастью, къ деньгамъ.

Если рука чешется, то надо для того, чтобъ деньги водились, почесать (потереть) этою рукою обратную сторону доски стола.

Если подаришь кому-либо иголку, то возьми съ него копейку.

Если крестъ кто найдетъ, горе будетъ.

Дарить черезъ порогъ нельзя—несчастье.

Кто даритъ книгу, непремѣнно поссорится съ получившимъ подарокъ.

Если встрѣтишь шпильку или булавку—къ несчастью.

Если каша изъ горшка вытекаетъ—къ несчастью.

Чесаться въ гостяхъ нельзя—непріятность будетъ.

Разсмѣялся—не передъ добромъ.

Щеки чешутся—плакать.

Если снятся красныя ягоды, къ слезамъ.

Если голова чешется, то быть обруганнымъ.

Купить иголку въ понедѣльникъ и съ ниткой воткнуть въ грудь сорочки, чтобы не быть опороченнымъ.

108 псаломъ—противъ обижающихъ.

Положить шапку на столъ, къ ссорѣ.

Въ гостяхъ не обрѣзай ногтей, ссора будетъ.

Взять иголку—ссора.

Взять иглу въ заемъ безъ нитки, будетъ ссора.

122 псаломъ отъ гордаго человѣка.

Ни тоди мини писки (губы) лижи, якъ они солодки, а якъ гирьки.

Иголку нельзя давать невѣстѣ, жениху или сосѣду, чтобы не быть голымъ, т. е. бѣднымъ.

Если во снѣ пьешь сладкій напитокъ или купилъ дешево, то предпринятое дѣло у тебя не удастся.

Не начинай работу подъ воскресенье, а то забудешь все.

Если, когда обоснешь ночью, придетъ кто, и если три раза не отзовется, тотъ врагъ.

Обычай—не клѣтка, не переставишь.

Добраго утра (привѣтствіе вставшему отъ сна).

Когда приходятъ вечеромъ, обыкновенно говорятъ: „добрый вечеръ".

Доброй ночи (привѣтствіе уходящему ко сну).

Спокойной ночи, пріятнаго сна.

Богъ помочь (на помочь)—привѣтствіе работающимъ.

Если войдешь въ хату и застанешь хозяевъ за ѣдой, надо сказать: „хлѣбъ да соль!"—въ отвѣтъ получаешь: милости просимъ сидать за столъ.

Здорово (здравствуй). Это привѣтствіе при встрѣчѣ выходитъ изъ употребленія среди крестьянъ нашей мѣстности. Лѣтъ 25 тому назадъ, какъ ввелся обычай при встрѣчѣ подавать руки другъ другу.

Спасибо.—Не стоитъ благодарности.

Прощайте.—Счастливо.

Ни гнивайтесь (говоритъ хозяйка гостямъ, когда обѣдъ конченъ).

Звиняйте, пожалуйста (произносится, когда съ гостями прощаются).

Ни гнивайтесь (произносится въ видѣ отказа, когда приходитъ нищій).

Налупился, ажъ свитъ помутился.

До чертиковъ нажрался (напился).

Нализался, какъ сатана.

Пьянъ, какъ сукинъ-сынъ.

Что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста полоскаютъ зубы, т. е. пьютъ водку.

Утопить горе въ винѣ.

Съ холоду да съ горя выпьемъ.

Выпьемъ по полной, вѣкъ нашъ не долгій.

„Здравствуйте!"—Мое почтенье.—„Ваша водка, наше угощенье!"

Твоя водка, моя закуска.

Пьемъ за всѣхъ плѣнныхъ, за нашихъ военныхъ.

Литила пташка и сила на гвоздь, якъ выпье хозяинъ, такъ и гость.

Промѣняли копыцю на бычъ, оце и могорычъ.

По одной не закусываютъ.

По сибирски—разомъ двѣ, а третьей закусываютъ.

Возъ о четырехъ колесахъ (приглашеніе къ четвертой рюмкѣ).

Безъ тройцы домъ не строится (приглашеніе къ третьей рюмкѣ).

Четвертая Богородица (приглашеніе къ четвертой рюмкѣ).

Пятый Спасъ (приглашеніе къ пятой рюмкѣ)

Отецъ Терентій любитъ по третьей.

Блаженный Феодоритъ любитъ повторить.

На лады (могорычъ) наскочили.

Подошвы чешутся, къ дорогѣ.

Если чесаться и оставить пасму волосъ—къ дорогѣ.

Если чхнешь три раза или болѣе, то зачуялъ дорогу въ дальній путь.

Чешется подъ колѣномъ, къ дорогѣ.

Если во снѣ видѣть кровь, къ встрѣчѣ съ родственниками.

Если два человѣка скажутъ разомъ, то общій знакомый будетъ неожиданно.

Ночью никогда не отзывайся (не здравствуй) въ пути, лучше буде (скинь только шапку).

Если зацѣпишься за что, выходя, то значитъ, кто то торопится.

Книгу дарить на память, никогда не встрѣчаться.

Не смотри шо порвати рукава, а ухватка-то какова.

По этой части мы сами доки.

Огрицовативъ. Отливъ пулю.

Не такой еще галочки заспиваешь.

Мордсо спрягаютъ. (?)

Бить-бы, бить-бы да обивки въ задницу вопхнуть.

Я въ йому зноту ны знаю.

Всякій на свій маниръ куевдитъ.

Очи, якъ картохи, а ни бачутъ ни трохи.

Возьми коваленьку, да выпрями помаленьку.

Дума кнурь да индыкъ.

На вѣтеръ хвостомъ повернулъ.

Раззявъ продаетъ.

Пропалъ не за цапову душу.

Кажется—мажется, оказалось—вяжется.

Ранняя птичка носокъ набива, а поздняя очи протира.

У меня ни копья (копѣйки) нѣтъ.

Въ долгу, какъ въ шелку.

Котъ наплакавъ.

Если душа чистая, то прямо смотрятъ глаза.

Если мягкій и тонкій волосъ, то человѣкъ будетъ ретивъ на работу и не сердитъ.

Если волосъ жесткій, то на работу не ретивъ и сердитъ.

При передачѣ искусства ворожбы, старшій передаетъ младшему, но не наоборотъ, тогда старшій не лишается способности ворожить, въ противномъ случаѣ лишается.

У кого срослись брови, тотъ колдунъ.

Если молодикъ увидишь, войди въ домъ и, молча, слушай, что будутъ говорить, то и сбудется.

Вечеромъ нельзя много говорить, иначе собаки или вѣдьмы будутъ кусать.

Глазливый человѣкъ тотъ, который смотритъ изъ-подъ лобья во время выноса чаши.

Не ходи—хапунъ ухватитъ.

Яковлевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Частушки крестьянъ с. Васильевскаго и Михайловскаго и деревень Орудово и Яковлево Тверского уѣзда, Тверской губ.

Лѣтомъ 1905 г. во время этнографической поѣздки по Тверской губерніи я записалъ небольшую серію прибаутокъ или частушекъ въ селахъ Васильевскомъ и Михайловскомъ и деревняхъ Орудово и Яковлево.

Населенье этихъ селъ великорусское и, по словамъ стариковъ, они были привезены одновременно болѣе 200 лѣтъ тому назадъ своимъ помѣщикомъ частью изъ Пензенской губерніи, а частью изъ Прибалтійскаго края и образовали три селенія: Васильевское, Михайловское и Яковлево, которыя получили свое названіе отъ именъ первыхъ своихъ старостъ. Деревня же Орудово образовалась изъ излишка прироста населенія первыхъ трехъ селеній. Что-же касается происхожденія названія деревни Орудово, то мнѣ не удалось этого выяснить.

Населенье четырехъ этихъ селъ почти слилось и вслѣдствіе этого почти невозможно найти характернаго различія какъ въ говорѣ, такъ и въ содержаніи прибаутокъ, выкрикиваемыхъ парнями и дѣвушками той или другой деревни. Поэтому я не датирую каждую въ отдѣльности изъ этихъ прибаутокъ, а соединяю ихъ подъ общимъ заголовкомъ.

Записаны онѣ со словъ грамотнаго парня 19 лѣтъ изъ села Васильевскаго, вслѣдствіе чего особенность говора этихъ селеній не могла быть передана въ прибауткахъ въ той полнотѣ и точности, которая была бы желательна, тогда какъ эту особенность можно еше услышать во всей чистотѣ у стариковъ и главнымъ образомъ у старухъ.

№ 1. Вы скажите нашимъ:
На дѣдушкѣ пашемъ;
А бабушку бережемъ—
Завтра въ соху запряжемъ.

№ 2. Извините, господа,
Что я перемарался:
Моя маменька растрепа,
Я въ нее задался.

№ 3. Извините, господа,
Что я вышла черна:
На Морозовой жила—
Машинушки терла.

№ 4. Гармонщику—разъ,
Балалайшику—два разъ,
Я за то ему два разъ—
Онъ подмахивать горазлъ.

№ 5. Кошка, брысь,
На порогѣ не ложись,
Моя барыня пройдетъ—
Спотыкнется, упадетъ.

№ 6. Милашка-свѣтъ,
Не ѣстся хлѣбъ,
Не пьется вода,
Погулять не бѣда.

№ 7. Пойду плясать
Поперекъ бревна—
Пускай люди говорятъ,
Что я дочь одна.

№ 8. Пойду плясать
По соломушкѣ,
Раздайся народъ
По сторонушкѣ.

№ 9. У тетушки,
У Варварушки
Обгорѣли пироги—
Самы краюшки.

№ 10. У нашей у барыни
Погорѣли ва́лины,
У нашей госпожи
Всѣ сгорѣли сапоги.

№ 11. Учила меня мать,
Какъ ленъ подымать:
Вотъ какъ дочка
Сюды комелечкомъ.

№ 12. Я подъ бариномъ вертѣлась:
Мнѣ подъ барина хотѣлось.
Кабы барину дала,
Я бы барыня была.

№ 13. Я по̀ дѣдушкѣ кнутомъ:
Люби бабушку путемъ.
У насъ дѣдушка старъ—
Любить бабушку не сталъ.

№ 14. Миленка сдали и угнали,
И одна я устаюсь.
Черезъ подлую Японію
Съ залеткой разстаюсь.

№ 15. Мы таку войну устроемъ—
Всю Японію разроемъ,
Англичанинъ нипочемъ—
Закидаемъ кирпичемъ.

№ 16. Время тяжкое настало:
Сталъ японецъ воевать,
Съ англичанкой сталъ знакомый,
Хочетъ онъ Россію взять.

№ 17. Вставайте, братцы, подружнѣй,
Подсучайте рукава,
А японскіимъ солдатамъ
Мы нашпокаемъ бока

№ 18. Не ругайте, демократы,
За любовь насъ никогда:
Сочинитель Максимъ Горькій
Приказалъ любить всегда.

№ 19. Я съ миленочкомъ стояла—
Рѣчи были ароматъ,
А теперича узнала,
Говорятъ, онъ демократъ.

№ 20. Не ходите вы, дѣвченки,
Съ демократами на балъ:
Демократы вамъ насуютъ
Прокламаціи въ карманъ.

№ 21. По улицѣ дѣвка шла,
Прокламацію нашла,
Не пилось, не ѣлось—
Прочитать хотѣлось.

№ 22. Не ходите вы, дѣвченки,
Съ демократами гулять:
Демократы васъ научатъ
Прокламаціи читать.

№ 23. Я съ милашечкой прощался
При дорожкѣ, при пути:
Ты прощай, моя милая,
Мнѣ пора домой итти.

№ 24. Милъ на ножку наступаетъ
Мой карахтеръ узнаетъ:
Взялъ бы, взялъ бы тебя замужъ,
Только батька не беретъ.

№ 25. Ахъ ребятъ какая туча,
Выбирай, который лучше.
Лучше нѣту никово
Окромя милово мово.

№ 26. Я гуляю съ интересомъ,
Кто любовь мою прозналъ?
Вѣрно миленькій хорошенькій
Товарищу сказалъ.

№ 27. Какой большой ты, некрасивый—
Только вѣники ломать;
У тебя рыло косое—
Только кошекъ цѣловать

№ 28. Какъ у Васькиной гармошки
Уборвалося ушко,
Какъ у Васькиной милашки
Прибавляется брюшко.

№ 29. Какъ во каждой во недѣлькѣ
Бываетъ середа,
Знаетъ Богъ и добры люди,
Что я горька сирота.

№ 30. Милочка, ты, милочка,
Несчастная судьбиночка,
Безъ меня останешься,
Скажи, кому достанешься?

№ 31. Изъ-за горочки бѣлѣется—
Хорошая идетъ,
Она полныя ведерочки
Воды на чай несетъ.

№ 32. Пойду съ горя въ чисто поле,
Я о камень расколюсь.
Никто не знаетъ мово горя—
Я съ милашкой разстаюсь.

№ 33. На часовенкѣ два голубя,
Голубку хотятъ бить.
Посовѣтуйте, товарищи,
Которую любить.

№ 34. Пою я пѣсенки веселы
И пою я весело.
Ребята думаютъ—мнѣ весело,
Мнѣ горе велико.

№ 35. Милая Лизаночка,
Послѣдняя минуточка,
Прощай, моя забавница,
Съ послѣднея свиданьица.

№ 36. Всѣ я рѣки и болота
Понаполнила слезамъ:
Долголь, долголь мнѣ, дѣвченочкѣ,
Шататься по лѣсамъ?

№ 37. Папиросочка съ духами
Сама закурилась,
Чернобровая милашка,
Ты сама влюбилась.

№ 38. Всѣ дешевые гуляютъ,
Дорогово мово нѣтъ,
Я за это не виню—
Дорога дальняя ему.

№ 39. Милашка, бѣленькій платочекъ,
У воротъ со мной постой,
Я скажу тебѣ словечко:
Остаюсь я холостой.

№ 40. Я косила—косила,
Подъ кустикъ косу бросила,
Грабельки—на елочку,
Сама пошла къ миленочку.

№ 41. Сяду я на камушекъ,
Пересчитаю Ванюшекъ:
Ванюша разъ, Ванюша два,
Ванюша ягода моя.

№ 42. Маменька не родная—
Похлебочка холодная,
Кабы родная была,
Щей холодныхъ налила.

№ 43. Дутки, дутки по болоту—
Идетъ Ванька на работу,
Нашелъ банку миндалю,
Сказалъ: милашкѣ подарю.

№ 44. Ванька сватался—катался,
Онъ къ милашкѣ наровлялся,
Новы сани изломалъ,
А милашки не видалъ.

№ 45. Вышелъ съ горя солдатъ въ поле
И фуражка на боку,
Самъ согнулся, плугъ воткнулся,
Помираю со смѣху.

№ 46. Купи, тятенька, калоши,
Я годокъ потопаю,
Толе, толе [1]) у васъ, тятька,
У васъ я не работаю.

№ 47. Меня никто не пожалѣетъ
Во родной семейкѣ:
Моя маминька зарыта
Во сырой земелькѣ.

№ 48. Ты, милашечка, не пой:
Я теперича не твой—
Мои русыя кудерышки
Достанутся другой.

№ 49. Какіе люди рóдятся,
По любови сходятся.
Рѣдко такъ случается,
Которы обвѣнчаются.

№ 50. Ахъ, милашечка, насъ парочка,
Намъ родину не жаль;
Повѣнчаемся, милашечка,
Уѣдемъ въ чужой край.

№ 51. Сколько разъ я зарекался
Подъ гармошку пѣсни пѣть,
Какъ взыграетъ мой товарищъ,
Маму сердцу не стерпѣть.

№ 52. Моя милашка захворала
Въ темномъ лѣсѣ на бревнѣ,
Руки къ сердцу приложила,
Отказала брюки мнѣ.

---

[1]) Толе—развѣ.

№ 53. У насъ домикъ не высокій,
Вокругъ домика садокъ.
Я повѣкъ такая буду,
Мой веселый голосокъ.

№ 54. Сяду, сяду на машину,
Развяжу головушку.
Ты вези, вези, машинушка,
На чужу сторонушку!

№ 55. Погасите эту лампочку —
Ясно очень горитъ,
Разведите эту парочку —
Безсовѣстно сидитъ.

№ 55. Я косила у пруда,
Не даетъ косить вода.
Платочкомъ бѣленькимъ махнула:
Подойди, милой, сюда.

№ 56. Мово товарища избили,
А мнѣ надо возвращать,
Своимъ я новымъ кинжаломъ
Буду брюху розрязать.

№ 57. По Васильевску иду—
Самъ собой не дорожу:
Мою голову проломятъ,
А я къ фершалу пойду.

№ 58. Ахъ, милашка, дай бумашки,
Живописецъ буду я:
Я срисую твои глазки,
Расхорошая моя.

№ 59. Послѣдній листъ бумаги трачу,
Во слезахъ письмо пишу,
Отъ тебя, моя милая,
Никакъ сердца не утѣшу.

№ 60. Тятенька и маменька,
Я теперь не маленька:
Мнѣ семнадцатый годокъ,
Купи калоши и платокъ.

№ 61. Полюбуйся, моя косынка,
Во розовыхъ бантахъ;
Полюбуйся, моя маменька,
Въ молоденькихъ годкахъ.

№ 62. У Ванюхи косой воротъ,
Не пойдишь ли ты въ городъ?
Купи зыбацку загибацку
Кацать ау, ау.

№ 63. Полно, милая, сердиться,
Полно губы надувать,
Не пора - ли намъ мириться—
За бутылкой посылать?

№ 64. Послѣдне времячко гуляю,
Молодой мальчишка, я:
Послѣ Крещенья повѣнчаютъ,
Кончится гульба моя.

№ 65. Безъ меня меня женили:
Я на мельници билъ.
Пріѣзжаю я домой—
Меня подчуютъ женой [1])

№ 66. Моя ненаглядная
Лежитъ въ гробу нарядная,
На подушкѣ два орла,
Отъ любови померла.

№ 67. Что ты, бѣлая береза,
Въ чистомъ полѣ не шумишь?
Что ты, бѣлая хороша,
Со мной дѣла не рѣшишь?

№ 68. Кто-то, кто-то дрова колитъ?
Кто-то колышки сѣчетъ?
Милашка въ бѣленькомъ платочкѣ—
Ее солнышкомъ печетъ.

№ 69. Чтожъ вы, дѣвушки, не всѣ?
А моя милая гдѣ?
Ена, ена, енъ она
Стоитъ у крайняго угла.

№ 70. Я помру, меня положатъ
Во передній уголокъ,
Настоишься, моя радость,
У моехъ холодныхъ ногъ.

№ 71. Моя пилочка не пилетъ,
Мой рубанокъ не беретъ—
Меня батюшка не женитъ,
Мнѣ мать совѣту не даетъ.

№ 72. Я на посидки взашелъ,
Богу помолился,
Моей милашки здѣся нѣтъ,
Назадъ воротился.

№ 73. Бабы хаютъ —я бродяга,
Дѣвки хвалятъ—работяга;
Бабы хаютъ—я подлецъ,
Дѣвки хвалятъ—молодецъ.

---

[1]) Поютъ пріѣзжіе корелы.

№ 74. Какъ на горкѣ, на притычкѣ,
Зайчикъ проситъ у лисичкѣ,
А лисичка не даетъ—
Его лапкой достаетъ.

№ 75. Про меня-ли про мальчишечку—
Все лей да перелей [1]),
А я выйду за ворота
Запою, какъ соловей.

№ 76. У Васильевскихъ у чайныхъ
Фонарики горятъ:
Про меня-ли про мальчишечку
Все худо говорятъ.

№ 77. Погуляй еще годокъ,
Пускай погалится народъ—
Народъ—люди погалятся,
Дѣвчонки погоняются.

№ 78. На рѣкѣ большая лава [2]),
Про меня худая слава,
Этой славы не боюсь—
Никому не поддаюсь.

№ 79. На Морозовой живу,
На Залогину хожу,
Мене милашка обѣщала:
До квартеры провожу.

№ 80. Мой миленокъ очень тонокъ,
Не годится во пріемъ.
Во пріемѣ мнѣ сказали:
Безъ него мы наберемъ.

№ 81. Сколько лѣтъ вина не пилъ,
Милашка приневолила;
Во солдатушки пошелъ —
Бутылку приготовила.

№ 82. Я на кладбище пойду,
Родиму матушку найду:
Родима матушка, вставай,
Меня въ солдаты отдавай.

№ 83. Пойду—выду на мостокъ,
Увижу городъ Бѣлостокъ.
Въ Бѣлостокѣ милый мой
Идетъ съ ученьицы домой.

№ 84. Пойдемъ, дѣвушки, туда,
Куда поѣдутъ некрута,
Въ той деревни будемъ жить,
Гдѣ миленочку служить.

№ 85. Голова моя не такъ,
Что нибудь да думаетъ,
Либо пить, а то кутить,
А то въ солдатушки идтить.

№ 86. Не вино меня шатаетъ,
Меня горюшко беретъ:
Я не самъ иду въ солдаты
Меня батюшка везетъ.

№ 87. Ахъ, милашка, что ты, что ты,
Я солдатъ 4-ой роты,
Не съ ума ли ты сошла—
За меня замужъ пошла?

№ 88. Сколь милашечка глупа
Полюбила некрута,—
Некрутикъ молоденькій,
Его зовутъ Володенькой.

№ 89. Не вали, милашка, древо:
Придетъ время упадетъ,—
Отдадутъ меня въ солдаты
Все гулянье пропадетъ.

№ 90. Листочки вянутъ на дубахъ,
Я гуляю въ некрутахъ;
Листочки съ дубу упадутъ—
Меня въ солдаты отдадутъ.

№ 91. Стали листики валиться,
Стало лѣто проходить,
Перестали лобовые
У насъ по улицѣ ходить.

№ 92. Миленка сдали и угнали,
Съ Покрова будетъ гулять,
Молоденька дѣвченочка
Перестану ужь гулять.

№ 93. Отдадутъ меня въ солдаты—
Вся семеюшка за мной,
А залетка дорогая
Пойдетъ правой стороной.

№ 94. Васильевскіе ребята
Однимъ словомъ—молодцы,
Гдѣ ни ходятъ, ни гуляютъ—
Называютъ подлецы.

Записалъ *А. Баталинъ*.

---

[1]) Все говорятъ да говорятъ.

[2]) Широкая доска, перекинутая черезъ рѣку.

Литовскія суевѣрья и примѣты.

Собранныя въ Шавельскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи.

Сообщилъ **А. Янулайтисъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошлое литовскаго народа еще мало изслѣдовано, на его миѳологію, вѣрованія и всю языческую и языческо-христіанскую культуру почти не обращалось вниманія. Остатки всего этого можно найти въ преданіяхъ, сказкахъ, повѣрьяхъ, гаданіяхъ, пѣсняхъ, которыя постепенно теряютъ свой старинный характеръ, замѣняются новыми, то позаимствованными, то оригинальными, возникшими при новыхъ жизненныхъ условіяхъ. Менѣе всего посчастливилось въ этомъ отношеніи гаданьямъ, суевѣрьямъ и примѣтамъ; кромѣ опубликованныхъ проф. Э. Вольтеромъ („Литовская хрестоматія" Спб. 1901 г.), Довойной-Сильвестровичемъ („Podania Zmujdżkie" t. I i II. Warszawa), Бассановичемъ („Lietuviškos pasakos" t. I. Amerika), въ журналахъ „Wisła, Mitteilungen der litowschen literarischen Gesellschaft и „Ukininkas" (за 1899), да и то въ незначительномъ количествѣ, достигающихъ нѣсколькихъ десятковъ и меньше, крупныхъ же сборниковъ нѣтъ. Это обстоятельство и принудило меня къ собиранію народныхъ примѣтъ суевѣрій.

Уже въ настоящее время собираніе ихъ довольно затруднительно: большинство уже выходитъ изъ употребленія, благодаря росту просвѣщенія, и забываются. Другія повѣрья сообщаются съ трудомъ постороннему человѣку, такъ какъ видятъ въ этомъ грѣхъ.

Въ одни народъ, въ особенности старшее поколѣніе, еще вѣруетъ, другія повѣрья обратились въ шутку. Довольно большого числа гаданій мнѣ самому не приходилось видѣть, и старики и старухи передавали это со словъ другихъ.

Несомнѣнно, большое число примѣтъ, гаданій является остатками чисто-литовской старины, но попадается не малое количество ихъ, введенныхъ христіанскимъ духовенствомъ.

Дѣлать какія либо выводы изъ такого незначительнаго матеріала было бы слишкомъ рано.

При собираніи оказали содѣйствіе г-жи А. Карбовская, С. Якшевичъ, г-да Томкевичъ, Жилинскій и др., за что долженъ выразить имъ мою признательность.

А. Янулайтисъ.

Шавли, Ков. губ.
дер. Малавэны
12--IX—01.

I. Метеорологическія примѣты.

1. Jei Laurino dienoi (kuri pripuola 10. VIII/23. VIII) bus graži, nebus lietaus, tai tais metais degs, o jeigu negraži, tai gaisru mažai bus.

Если въ день св. Лаврентія (который приходится $^{10}/_{23}$ VIII) будетъ стоять хорошая погода, не будетъ дождя, то въ этомъ году будетъ много пожаровъ; а если дурная, то пожаровъ будетъ мало.

2. Jeigu dienoj septyniu broliu miegtanču (10/23 VII) lija, tai tada lis 7 sanvaites [1]).

Если въ день семи братьевъ спящихъ ($^{10}/_{23}$ VII) идетъ дождь, то будетъ дождливая погода въ теченіе семи недѣль [1]).

3. Koks vejas pučia Velyku ryta, toki bus vasara. Jeigu pietu vejas, tai šilta vasara; vakaru—šilta ir lytinga, rytu—sausa ir šalta, žiemiu—šalta.

Какой вѣтеръ дуетъ на Пасху утромъ, таково будетъ лѣто. Если южный вѣтеръ—то жаркое лѣто, западный—жаркое и дождливое, восточный—сухое и холодное, сѣверный холодное.

4. Kad sv. Mártinas su ledu, tai Kaledos su lietu, kad sv. Mártinas su lietu, tai Kaledos su ledu.

Если въ день св. Мартина появился ледъ, то на Рождество будетъ дождь,—если на св. Мартина идетъ дождь, то на Рождество будетъ ледъ.

---

[1]) 7 broliai ir dabar tebeguli Kijeve. Du išeję buvo nusipirkti duonos, o penki sugulo ir sumigo; aniedu paskui pareję vėl, nors vargiai, sugulo ir užmigo. Jie visi tebemiega iki šiai dienai, kadu atsikels, negal žinot.

[1]) 7 братьевъ и теперь еще лежатъ въ Кіевѣ. Двое вышли купить хлѣба, а пятеро легли и заснули; тѣ двое, вернувшись, хотя и съ трудомъ легли и заснули. Они лежатъ и по сей день, когда встанутъ, нельзя знать.

5. Perkunui griaunant ugnies nekurenk: Perkunas trenks [1]).

6. Jeigu lija ir saulė šviečia, tai sako velnias savo pačią mušąs.

7. Perkunui griaunant nestovek prie pečiaus, sienos, lango, po medžiu. Perkunas nutrenks.

II. Paukščiai, gyvoliai ir augalai.

8. Peleda rekianti reiškia nelaimę tam žmogui, kieno sodne ar dažre ji šukauja.

9. Saule verkia, jeigu pamato užmuštą driežą (driežle). Ję galima užmušti, tik reikia įžemes įkasti.

10. Jeigu namuose yra juodas gaidys, ar juodas šuo, kate, tai tuose namuose velnias negigyvens.

11. Kas turi paparčio žiedą, tas žino visas žmoniu mislis.

12. Kad gegute užkukuoja tuom laiku, kaip dar miškas be lapu, tai vagims nesekas; o kaip su lapais, tai tada jiems vedas, nes yra kur pasikavoti.

13. Kučiose par dvilikta valanda negalima vaikščioti į kutes, kuomet gyvoliai šnekasi ir atsiklaupe meldžiasi, nes žmogus numirti gali.

---

[1]) Perkunijai griaunant par keliu verskis, kad netrenktu.

Когда громъ гремитъ, не разводи огня: можетъ поразить [1]).

Если идетъ дождь и солнце свѣтитъ, то говорятъ, что дьяволъ бьетъ свою жену.

Во время грома не стой у печки, стѣнъ, окна, подъ деревомъ—поразитъ громъ.

II. Птицы, животныя и растенія.

Кричащая сова означаетъ несчастье тому лицу, въ чьемъ саду или огородѣ она кричитъ.

Солнце плачетъ, если увидитъ убитую ящерицу. Ее можно убивать, только надо зарыть въ землю.

Если въ домѣ есть черный пѣтухъ или черная собака, кошка, то въ этомъ домѣ чортъ не будетъ жить.

Кто имѣетъ цвѣтокъ папоротника, тотъ знаетъ всѣ мысли людей.

Если кукушка закукуетъ въ то время, когда лѣсъ еще безъ листьевъ, то ворамъ не везетъ; если же покрытъ листьями, то имъ тогда везетъ, такъ какъ есть, гдѣ скрыться.

Въ сочельникъ въ двѣнадцатомъ часу нельзя ходить въ хлѣва, когда скотъ разговариваетъ и, ставъ на колѣни, молиться, ибо человѣкъ можетъ умереть.

---

[1]) Во время грома кувыркайся черезъ дорогу, чтобы не поразилъ.

14. Jeigu šarka ant kiaules atsitupus šerius drasko, tai toki kiaule negera peneti (peno neima).

Если сорова, сѣвъ на свинью, рветъ шерсть, то такая свинья не годится для откармливанья.

15. Jeigu šuo kaukdamas angštyn žiuri, tai gaisras bus, o jeigu į žemę, tai mirs kas norint.

Если собака, воя, смотритъ вверхъ, то будетъ пожаръ, если въ землю, то кто-нибудь умретъ.

16. Kad ligoniui kuningą parveža, ir arklys žemes kasa, tai ligonis nebeišgis.

Если къ больному привозятъ священника, и лошадь роетъ землю, то больной не выздоровѣетъ.

17. Kad arklys meta mešlą, vedant ant turgaus, tai jo neparduosi.

Когда лошадь даетъ твердыя испражненія при веденіи ея на базаръ, то ее не продать.

18. Jeigu prieš kieno namus peleda rekia („suvystyk! suvystik!“), tai tenai mergaites vyrai įgavo.

Если передъ чьимъ - нибудь домомъ сова кричитъ: „suvystyk, suvystyk!“ (спеленай, спеленай), то тамъ дѣвицъ парни обольстятъ.

19. Jeigu šunes yra juoda deme viduryje panosio, arba tris plaukai pabarzdyje, tai bus piktas.

Если у собаки черное пятно на переносицѣ или три волоса на подбородкѣ, то будетъ злая.

20. Vogtas šuo piktesnis.

Краденая собака злѣе.

21. Kad kate išbega iš namu ir nebegrišta, tai bus ugnele tuose namuose.

Если кошка убѣгаетъ изъ дому и не возвращается, то будетъ пожаръ въ этомъ домѣ.

22. Kad peleda rekia, tai bus krikštynos (v. 18).

Если кричитъ сова, то будутъ крестины (см. 18).

23. Kad gyvoliai subega į kruva, baubia, tai tuose metuose dves gyvoliai.

Если скотъ сбѣгается въ кучу, мычитъ, то въ этомъ году будетъ падежъ скота.

24. Kad višta gieda, tai mirs kas norint tuose namuose.

Если поетъ курица, то кто-нибудь умретъ въ этомъ домѣ.

25 Pirmą kartų užgiridus kukuojant gegute, reikia turet piningu, tai turesi ju visus mesus.

Первый разъ услышавъ, какъ кукуетъ кукушка, нужно имѣть деньги, то будешь имѣть ихъ цѣлый годъ.

26. Šarką pakabina kuteje, kad velniukas arkliu nejodi netu.

Сороку вѣшаютъ въ хлѣву, чтобы—чертъ (домовой) не ѣздилъ на нихъ.

27. Jeigu nori velmniuka numušt, tai reikia eiti sv. Iono vigilijoi į mišką, nusikirsti šermukšnį, už veršunes nusitverus vilkti į namus, tik nereikia atgal žiuret. Bevilkdamas išgirsi, kad kas tavę šaukia vardu, užia, kaukia, tik nesidairyk, kitaip pražusi: tai vejas piktosios dvasios ir nores tavę nužudyti. Parvilkus namo reikia nugeneti ir pasitaisyti lazdą. Jeigu velniukas jodo arklius, tai jį saugoti reikia pastatyti stalelis kuteje, grabnyčia-žvake uždegti ir su puodu privožti; užgirdus velniuka arklius jodant reikia tuojaus puodas atvožti, lazdą tureti už laibgalio ir mušti atgalia ranka skaitydamas: 1, 3, 5, 7, ir t t. Sudavus vieną sikį, velniukas pagriuna ir pavirsta į kiški. Tada gali išmesti, nes jo niekas needa [1]).

Если хочешь убить домового (чорта), то нужно итти наканунѣ Ивана Купала въ лѣсъ, срубить рябину, взявши за верхушку тащить домой, только не надо оглядываться назадъ. Волоча услышишь, что кто-то зоветъ тебя по имени, шумитъ, воетъ, только не оглядывайся, а то пропадешь: это гонятся нечистыя силы и захотятъ погубить тебя. Притащивши домой, нужно обрѣзать сучья и приготовить палку. Если чертеновъ ѣздитъ на лошадяхъ, то нужно его подкараулить, поставить столикъ въ хлѣву, зажечь восковую свѣчу и прикрыть ее горшкомъ; услышавъ, что чертеновъ ѣздитъ на лошадяхъ, надо сейчасъ снять горшокъ, держать палку за тонкій конецъ и бить на отмашь, считая 1, 3, 5, 7 и т. д., послѣ перваго удара, чертеновъ падаетъ и обращается въ зайца. Тогда можешь его вынести, такъ какъ никто его не ѣстъ [1]).

28. Pakol geguže neužkukavo, gyvate labai naudinga kiekvienam daiktui ir kiekvienoj ligoj.

Пока кукушка не закуковала, змѣя очень полезна при всякомъ случаѣ и во всякой болѣзни.

29. Kad varnai žųsiukų nelestu, kų tik isperinno reikia jie leisti par vyru nudevetas kelines: parviena skyle leisti žųsiuka, o par antra—akmeni ir sakyti „Akmo tavo, žųsiukas mano“.

Чтобы вороны не клевали гусятъ, надо только что высиженныхъ пропускать чрезъ поношенныя мужскія брюки: черезъ одно отверстіе пускать гусенка, а чрезъ другое—камень и говорить: „камень твой, гусенокъ мой“.

---

[1]) Tep buvo daryta Noriu sod, Vašku parakv.—Girdejau nuo p. Žilinsko.—A. J.

[1]) Такъ было сдѣлано въ дер. Нори, Константиновскаго прих., Поневѣжскаго уѣзда. *А. Я.*

30. Rudenyje piemenys atbulą (atžagarią) ožką veda 3 sykiuš aplink beržą ar teip apie kokį kulyną, kad žiema greičiau ateitu. O tas piemenims reikalinga: anksciaus nustos bandą ganyti.

Осенью пастухи ведутъ задомъ козу 3 раза вокругъ березы или просто вокругъ какого-нибудь кустарника, чтобы наступила поскорѣе зима. А это пастухамъ необходимо: скорѣе перестанутъ пасти скотъ.

31. Sugauk šikšnosparni, imesk į skruzdelyną ir begk namo ausis užsikišęs, kad negirdetumei balsa, ir neatsigręžk. J trečią dieną nueik prie to skruzdelino, rasi kobiniuką ir lepečikę. Jeigu noresi, tai su kobiniuųku gali kiekviena mergaitę pritraukti, o su lepečuke nemylimaja atstumti.

Поймай летучую мышь, брось въ муравейникъ и бѣги домой, заткнувши уши, чтобы не слышать голосовъ, и не оборачиваться. На третій день зайди къ этому муравейнику, найдешь крючекъ и лопатку. Если захочешь, то этимъ крючкомъ можешь привлечь къ себѣ каждую дѣвицу, а лопаткой нелюбимую оттолкнуть.

32. Jeigu nori uno kurmių atsigynti, tai įkišk į žemę šermukšnio šakelę, laibgaliu į žemę, tai kurmiai nekels toj vietoj.

Если хочешь защититься отъ кротовъ, то всунь въ землю сучекъ рябины, тонкимъ концомъ въ землю, то кроты не будутъ вздымать землю въ томъ мѣстѣ.

33. Ant kieno stogo gandras (gužas) tupi, ten gaisro nebus.

На чьей крышѣ сидитъ аистъ, тамъ не будетъ пожара.

34. Gužas ten tik tetupi ir teperi, kur geri žmonės gyvena, nės jis gerai užuodžia.

Аистъ только тамъ сидитъ и высиживаетъ дѣтей, гдѣ живутъ добрые люди, такъ какъ они (аисты) хорошо могутъ занюхать.

35. Jeigu gužas kur ilgai nebuvo, o paskui atsirado, ten kasnorint ves ar tekės.

Если аистъ гдѣ-нибудь долго не былъ, а затѣмъ появляется, тамъ кто-нибудь оженится или выйдетъ замужъ.

36. J gužlizdį reikia įdeti 5 kapeikas, tadą gužai visuomet sėdės. Lizdas turi buti iš senų akėčių.

Въ гнѣздо аиста надо вложить 5 копѣекъ, тогда всегда будутъ жить. Гнѣздо должно быть изъ старой бороны.

37. Gužas atneša laimę tam žmogui, kieno namuose jis peri; pirmais metais jis išlekdamas

Аистъ приноситъ счастье тому человѣку, въ чьемъ домѣ (владѣніи) онъ сидитъ; первый

palieka padėkavodamas plunksną, antrais kiaušinį, o trečiajrs—vaiką.

38. Jeigu kregždėsperi, tai tam ukininkui viskas gerai klosis, todel negalima jų laukan varyti, ar lizdus griauti, ar jas pačias kušinti (judinti, užkabavoti),

39. Varnas kranksėj ant tvoros—nelaimę rodo, ant viršunės medžų rodo šaltį, o apačioj—šilimą.

40. Jeigu zuikis (kiškis) kelią parbėga, tai atsitiks nelaimė.

годъ улетая, оставляетъ въ знакъ благодарности перо, второй—яйцо, а третій—птенца.

Если ласточка высиживаетъ дѣтей, то тому хозяину во всемъ будетъ удача, поэтому нельзя ихъ выгонять или гнѣздо разрушать, или трогать ихъ самихъ.

Воронъ каркаетъ на заборѣ—показываетъ несчастье, на верхушкѣ дерева — холодъ, внизу—тепло.

Если заяцъ перебѣжитъ черезъ дорогу, то случится несчастье.

III. Laukų ir namų darbai.

a) Sejimas.

41. Linai reikia seti Petronėlės dienoj (31. V./13. VI); jeigu bus geri, tai labai geri; o jeigu blogi, tai visai blodi. Jeigu blogi, tai sako, Petronėlė nuraviant. Linai tą dieną sėti negali buti vidutiniai.

42. Kviečiai reikia sėti saulei nusileidus, kadą mėnesio nėra ant dangaus: jie bus geresni ir nebus kulėti (t. y. nebus kulės).

42[a]. Kanopės reikia sėti saulei nusileidus; žvirbliai nematys ir paskui neles.

43. Par kryžiaunas dieuas negalima miežiu, seti: isikryžiavos (=isklups=sukniubs).

45. Jaunu mėnesiu bulblės negalima seti: su barzdomis palieka.

III. Полевыя и домашнія работы.

а) Посѣвъ.

Ленъ надо сѣять въ день св. Петроніи (31 V/13, VI); если будетъ хорошъ, то очень хорошъ; а если плохъ, то совсѣмъ плохъ. Если ленъ плохъ, то говорятъ, что Петронія спалила. Ленъ, посѣянный въ этотъ день, не можетъ быть посредственнымъ.

Пшеницу надо сѣять послѣ заката солнца, когда нѣтъ мѣсяца на небѣ: будетъ лучше и не будетъ на ней головни.

Коноплю надо сѣять послѣ заката солнца: воробьи не будутъ видѣть и затѣмъ клевать.

Во дни Божьяго тѣла нельзя сѣять ячменя: соломинка изломится.

Въ новолунье нельзя сѣять кортофеля: покроется бородками.

46. Rugiai reik seti žiemiu veju; kriminai nekerta.

47. Kada daug skujų yra ant agliu, tais metais bulbės užderes (paaugs) [1]).

48. Parejus iš pagrabo negalima seti: javai nedigs.

49. Kad eina seti ir sutinka kitą einanti sėti, tai grišta atgal ir tą dieną nebeseja, o jeigu seja, tai iš kito galo maišo pradeda grudus semti ir seti.

50. Sėmenas sejant įsideda kianšinų, kad linai geriau augtu.

51. Kopustus sodinant padeda akmenį, kad tokios didelės galvos užaugtu, kaip tas akmuo.

52. Kaip bulbių eina sodinti; tai žiuri, kad butu dangus kelmuotas; bulbės bus didelės; o einant linu sėti, žiuri. kad dangus butu ružuotas: linai bus dideli.

53. Einant sėti neskuta barzdos, kad iavai želtu.

54. Panedėlis sunki diena, todėl neverta koki norint darbą pradeti.

55. Linai reikia sėti Magdelenos dienoj (22. VII/4. VIII), kad pluokštas butu ilgas, kaip jos kasos (v. 41).

56. Zirniai reikia seti su žiemiu arba nors pirmą saują rei-

[1]) Jeigu daug yra ant apušu pupeliu, vas bus laimo ant avižu (ir ant viso tasarojaus).

Рожь надо сѣять при сѣверномъ вѣтрѣ: черваки не ѣдятъ.

Когда много шишекъ на еляхъ, въ этомъ году уродится картофель [1]).

Вернувшись съ похоронъ нельзя сѣять: зерно не дастъ ростка.

Когда, идя сѣять, встрѣчаютъ другого, идущаго сѣять, то возвращаются обратно и въ этотъ день не сѣютъ, а если сѣютъ, то начинаютъ брать зерно съ другого конца мѣшка и сѣять.

Посѣвая ленъ, берутъ съ собою яйцо, чтобы уродился ленъ получше.

Сѣя капусту, кладутъ камень, чтобы выросли такіе большіе кочаны, какъ этотъ камень.

Когда идутъ сѣять картофель, то смотрятъ, чтобы небо было покрыто барашками: картофель будетъ крупный; идя сѣять ленъ, смотрятъ, чтобы было покрыто перистыми облаками: ленъ будетъ высокій.

Идя сѣять, не брѣютъ бороды, чтобы хлѣба уродились.

Понедѣльникъ тяжелый день, поэтому не стоитъ начинать какую-нибудь работу.

Ленъ нужно сѣять въ день св. Магдалины (22 VII/4 VIII), чтобы волокна были длинны, какъ ея косы (см. 41).

Горохъ нужно сѣять при сѣверномъ вѣтрѣ или хоть пер-

[1]) Если на осинѣ много сережекъ, то уродится хорошо овесъ (и вообще всѣ яровые хлѣба).

kia paberti priež žiemius, tadą žirniai suvirsę.

57. Pavasari pirm sejant reikia visa šeimyna ir vaikai sustatyti prieš duris, ir gaspadorius beria į juos visu javų po saują, kas ko daugiaus sugaus, ant to dalies tu javu ir seia: tas laimingesnis ir javai bus laimesni.

58. Einanti linu sěti žmogų gaspadyně turi pamylěti, kad gerai sektusis. Jšalkęs negali eiti į lauką.

59. Kanapěs reikia sěti arba prieš saulěs tekejima arba jau nusileidus: žvirbliai neles, něs jie miega ir nematys sejant. (v. 42).

60. Rugiai reikia sěti žiemiu veju: kirminai nekirs.

b) Gyvolių ir paukščių auginimas.

61. Kad gerai rankotusis, reikia nunešti šv. Jurgiui aukas, tiktai negyvolių: surių, kiaušinių, duonos, javų ir t. t.

62. Kad gerai sektusis žųsu auginimas, reikia paimti žusiną ir paaukanti ant bažnyčios.

63. Kužiuose [1]), kur yra šv. Martino altorius ir to šventojo

вую горсть нужно посыпать къ сѣверу, тогда горохъ хорошо варится.

Весной передъ посѣвомъ нужно поставить передъ дверьми всю челядь и дѣтей, и хозяинъ сыплетъ на нихъ по горсти всякаго зерна, кто какого побольше поймаетъ, на долю того этихъ хлѣбовъ и сѣютъ: тотъ счастливѣе, и хлѣба лучше уродятся.

Человѣка, идущаго сѣять ленъ, хозяйка должна угостить, чтобы была удача. Голодный не можетъ итти въ поле.

Коноплю надо сѣять или до восхода солнца или послѣ заката: воробьи не будутъ клевать, такъ какъ они спятъ и не будутъ видѣть, что сѣютъ (см. 42).

Рожь надо сѣять при сѣверномъ вѣтрѣ: червяки не будутъ ѣсть.

b) Ското-и птицеводство.

Чтобы была удача, нужно занести св. Георгію пожертвованія, только не изъ животныхъ: сыръ, яйца, хлѣбъ, зерно и пр.

Чтобы была удача въ разведеніи гусей, нужно взять гусака и пожертвовать на храмъ Божій.

Въ Курахъ [1]), гдѣ имѣется алтарь св. Мартина и церков-

[1]) Kužiu miestelis Šianliu pav., kauno redybos.

atlaidai, neša po žusi šv. Martinui, kad žusys geriaus sektusis.

ный праздникъ въ честь этого святого, несутъ гуся св. Мартину, чтобы гуси лучше росли.

64. Viename dvare sugedo pienas, jis pasidarė toksui tįsus. Pamilžo pieną puodynę pastatė vienoj pusej slenksnio, pasėmė pieno su samčiu ir ištempė par slengsnį, o pasku, parkirto su kirviu. Sako, uno to pienas pasitaisęs.

Въ одномъ имѣніи испортилось молоко, оно стало тягучимъ. Надоили молока, горшокъ (съ молокомъ) поставили на одну сторону порога, почерпнули молока черпакомъ, вытянули чрезъ порогъ, а затѣмъ разрубили топоромъ. Говорятъ, отъ этого молоко поправилось.

65. Sugedus karvių pienui, reikia pienas milžti par šliubo žiedą, pečiu pakurti ir visą pieną į pečiu supylti. Tas žmogus, kur karves sugadino, ateis ir prašys ko norint jam duoti, tik jam nieko nereikia duoti ir lydėti par kiemą, kad nepakeltu ko norint.

Если молоко у коровъ испортилось, нужно доить молоко, чрезъ обручальное кольцо, растопить печку и все молоко слить въ печку. Тотъ человѣкъ, который испортилъ коровъ, придетъ и будетъ просить дать ему что-нибудь; только ему нельзя ничего давать, надо провожать по двору, чтобы онъ не поднялъ чего-нибудь.

66. Jeigu nusipirksi šuni, ir jis nenori buti pas naują gaspadorių, tai reikia jam duoti esti kiaušienės iš 3 kiaušinių, keptos ant trijumetinių lašinių.

Если купишь собаку, и она не хочетъ быть у новаго хозяина, то нужно ему дать яичницу изъ трехъ яицъ, испеченную на трехлѣтнемъ салѣ.

67. Piaunant gyvoli nereikia gailetis; ilgiaus kankinas.

Зарѣзывая скотину, не надо жалѣть: дольше мучается.

68. Delčiu męnesiu negalima gyvoliu skersti: lašiniai traukiasi.

Въ послѣдней четверти (луны) нельзя закалывать животныхъ: сало будетъ сжиматься.

69. Šerent (penent) kiaules reikia su nadegoliu maišyti jovalas, kad virių nebutu (arba kad nebutu meitelys virinotas). nuo kuriu mėsa nesveika ir rukšti.

Откармливая свиней, нужно мѣшать кормъ головней, чтобы не было зародышей солитера, отъ котораго мясо не питательно и кисло.

70. Kaip žydai ikala kučioms pirmą basli, reikia tą dieną

Когда евреи для праздника кущей вбиваетъ первый колъ,

įkalti baslį gurbę (kuteje), kur peniasi kiaulės-peniukšlės, tadą jos peną ima gerai.

нужно въ тотъ день вбить колъ въ хлѣвѣ, гдѣ откармливаются на убой свиньи, тогда лучше будутъ брать кормъ.

71. Kad gyvoliai nevyksta, tai pader uno kito tyčioms, tai paskui vyksta.

Если нѣтъ удачи на скотину, то нарочно поторгуютъ (какъ бы для покупки) у другого, тогда послѣ этого будетъ удача.

72. Nuo Kaledų lig Trijų Karalių kailiniu nelopa, kad gereliai nebutn margi.

Отъ Рождества до Богоявленія не кладутъ заплатъ на овчинахъ, чтобы ягнята не были пестрыми.

73. Nuo Kalėdų lig Trijų Karalių vyrai virviu neveja, kad avis vasarą nesirgtų, o moterys dėlto pat neverpia.

Отъ Рождества до Богоявленія мужчины не вьютъ веревокъ, чтобы овцы не болѣли лѣтомъ, а бабы для этого же не прядутъ.

74. Par Kaledas pirmoją dieną važinoja į bažnyčią po du žmoniu, po du stikliuku geria, kad avys po porą turėtų.

Въ первый день Рождества ѣздятъ въ церковь по два человѣка, пьютъ по двѣ рюмки, чтобы овцы давали по парѣ ягнятъ.

75. Kiaulę užmeta penėti sengalyje (delčiuje), kad geriaus penėtusis.

Начинаютъ откармливать свинью въ послѣднюю четверть луны, чтобы лучше откармливалась.

75[a]. Kiaulė reikia skersti delčiuje, kad mėsa butu skalsesne.

Свинью надо рѣзать въ послѣднюю четверть, чтобы мясо было экономнѣе.

76. Turėjus avei, ir kaimynui atėjus ko norint prašyti, nieko jam negalimą duoti.

Если овца только что окотилась, и придетъ сосѣдъ просить чего-нибудь, ему нельзя ничего давать.

77. Jeigu žąsys kam eina, tai tas tenemaino, sako veislę išduosęs, išmainysęs; jei nori, tai gali kas piřkti.

Если кто имѣетъ удачу на гусей, то пусть не мѣняетъ, говорятъ, что отдастъ, вымѣняетъ породу,—если кто хочетъ, то можетъ купить.

78. Kad kiaulę yra jau turejusi, tai šiaudai negalima mesti: nugulės paršinkus.

Если свинья опоросилась, то нельзя бросать солому: раздавитъ поросятъ.

79. Skaitant bažnyčioj ėvangėliią reikia kosyti, kad avys sektusis.

При чтеніи въ церкви евангелія надо кашлять, чтобы была удача въ овцахъ.

80. Antys reikia išleišti ant savo spaliu, kad neitu į svetimus javus.

Утокъ надо выпускать на кострицу, чтобы не шли въ чужіе хлѣба.

81. Kad ožka nešokinėtu į svetimus daržus, reikia jai vuodegą įskelti.

Чтобы коза не прыгала въ чужіе огороды, надо ей вкроить хвостъ.

82. Išperinus žusuikus, viščiukus reikia par stebulę pervaryti: tadą seksis ir gerai augs.

Высижливыхъ гусятъ, цыплятъ надо прогнать ихъ чрезъ ступицу: тогда будетъ удача въ нихъ, и будутъ хорошо рости.

83. Nereikia visčiukų perinti jauname mėnesyje.

Не надо высиживать цыплятъ въ новолунье.

c) bitės.

c) Пчелы.

84. Vaško nereikia mėtyti: bitės nevyks.

Не надо бросать воскъ: пчелы не пойдутъ хорошо.

85. Bites nusprogusias reikia į žemes įkasti: tadą jos vyks.

Умершихъ пчелъ надо закопать въ землю: тогда пойдутъ хорошо.

86. Negalima sakyti apie bites, juog nusprogo, bet numirė, lyginai kaip apie žmogų: nės jos pačiam Dievui su savo vaškinėmis žvakėmis tarnauja.

Нельзя говорить о пчелахъ, что издохли, но умерли, такъ же какъ и о человѣкѣ: ибо онѣ своими восковыми свѣчами служатъ самому Богу.

87. Bičiu vienam negalima turėti, reikia pasidalinti su kuom kitu. Tiedu žmonės vadinasi bičiuliai. Tu bičiu medu dalinasi par pusę. Pirmą spiečiu gauna tas bičluis, kurs gavo bites, o kitus spiečius pasilieka tas, kas davė. Teip priliko pats Dievas, todel teip darant ir bitės vyks.

Пчелъ нельзя имѣть одному; надо подѣлиться съ кѣмъ-нибудь другимъ. Эти двое людей называются бортниками. Медъ этихъ (т. е. своихъ) пчелъ дѣлятъ пополамъ. Первый рой получаетъ тотъ бортникъ, который получилъ пчелъ, а другіе рои оставляютъ себѣ тотъ, кто далъ. Такъ ужъ повелѣлъ Господь Богъ, поэтому такъ поступая, и будетъ удача въ пчелахъ.

88. Bičuilis negali vogti medaus; jeigu jis pavagia, tai be-

Бортникъ не можетъ красть меду; если онъ украдетъ, то

tės padaro kryžiu iš vaško, o pačios paskui numiršta. Paskui ant to kryžiaus numano, kad medus buno vagiamas.

пчелы дѣлаютъ изъ воска крестъ, а сами затѣмъ умираютъ. Потомъ на основанiи этого креста узнаютъ, что медъ былъ краденъ.

89. Kučiu vakarą eina pas kaimyną vogti vadeliu ir su tomis vadelėmis kelia auili į medi, tei ateina bitės.

Въ сочельникъ идутъ къ сосѣду красть вожжей и при помощи этихъ вожжей поднимаютъ улей въ дерево, тогда придутъ пчелы.

90. Jeigu kam rankojasi bitės, tai negalima medaus nei skolinti nei teip duoti, o kolabiausiai ligoniui: bitės gali nunykti ir išmirti. Medu galima tik parduoti.

Если кому везетъ въ пчеловодствѣ, то нельзя ни ссужать или просто давать медъ, въ особенности больному: пчелы могутъ исхудать и умереть. Медъ можно только продавать.

91. Biciuoliai turi tarp savęs gyveuti geruoju, tadą ir bitės bus darbininkės.

Бортники дожны жить между собою въ мирѣ, тогда и пчелы будутъ работящими.

92. Jeigu bičíuliai tarp savęs susipyko, tai bitės užkrauna skylikę pas laktelą ir užtrokšta.

Если бортники поссорились между собою, то пчелы задѣлываютъ отверстiе и задыхаются.

IV. Šeiminiški burtai ir prietarai.

IV. Семейныя суевѣрья и примѣты.

a) Apie neščias moteris.

а) О беременныхъ.

93. Neščía moteris negali nešt skraiste sanšlavu: kudikis bus tinginys.

Беременная женщина не можетъ нести въ передникѣ соръ: ребенокъ будетъ лѣнивъ.

94. Jeigu neščia dirbs ką noriut be žinios vyro, ta vaikas bus vagis.

Если беременная дѣлаетъ что-нибудь безъ вѣдома мужа, то ребенокъ будетъ воромъ.

95. Neščia negali vogti smailiu daiktu, svetimą ką norint negali nė trupinėlio paimti: kitaip vaikas bus „smailus“, „ilganagis“ arba vagis.

Беременная не можетъ красть острыхъ предметовъ, не можетъ брать чего-нибудь чужого ни чуточки: иначе ребенокъ будетъ „пронырой“, съ „длинными когтями“ (т. е. воръ) или воръ.

96. Jeigu neščia moteriškė paspiria su koja kiaulą tai vaikas gims šeriais apaugęs.

97. Neiščia negali dyvyties iš raišų ir ligoniu: vaikas gims toks pat.

98. Kad neščią moteriškę pasveikina kas su kąsneliu burnoje, tai naikas švapliuos.

99. Nesčia negali nieko dėti į kvartuką (prikištė) ar už ančio: vaikas bus vagis.

100. Jeigu neščiai moterei neduosi ko prašo, tai peles tą daiktą sukapos.

101. Neščią negali sėstis ant šulnio, arba neštis ugni po prikište: vaikas prigers ar ugnyj sudegs.

102. Jeigu mažam žvirbleliui ar kitam kokiam paueksteliui ištrauksi liežuvi, tai to žmogaus vaikai bus nebyliai.

103. Neščia moteris, jeigu vogs, tai neturi bijotis, jeigu bįjosis, tai vaikas bus palinkęs ant vogimo.

104. Neščia negali pasidyvyti kokį ligonį: vaikai tokie bus (v. 97).

105. Neščia negali vogti be žinios vyro: vaikas bus vagis [1]).

[1]) Teip sakė ant pamokoslo a. a. kun. Pocevičė, kur budamas Siuluose klebonu pirm 26—28 netu mirė.

Если беременная женщина толкнетъ ногой свинью, то родится ребенокъ, поросшій шерстью.

Беременная не можетъ дивиться хромымъ и больнымъ: ребенокъ родится такимъ-же.

Если кто съ кускомъ во рту, поздоровается, то ребенокъ будетъ шепелявить.

Беременная ничего не можетъ класть въ передникъ или за пазуху: ребенокъ будетъ воромъ.

Если беременной женщинѣ не дать того, чего она проситъ, то мыши съѣдятъ этотъ предметъ.

Беременная не можетъ садиться на колодцѣ или нести огонь подъ передникомъ: ребенокъ или утонетъ или сгоритъ въ огнѣ.

Если маленькому воробышку или какому нибудь другому птенцу кто вырветъ языкъ, то дѣти этого человѣка будутъ нѣмыми.

Если беременная женщина крадетъ, то не должна бояться, а если будетъ бояться, то дѣти будутъ предрасположены къ воровству.

Беременная не должна дивиться какому-нибудь больному: дѣти уродятся такими (см. 97).

Беременная не можетъ красть безъ вѣдома мужа: ребенокъ будетъ воромъ [1]).

[1]) Такъ говорилъ на проповѣди покойный кс. Пацевичъ, который будучи настоятелемъ въ Шавляхъ умеръ 26—28 лѣтъ тому назадъ.

106. Neščia negal par vírvę žergti ar žengti, nės bus sunkus gimdymas [1]).

Беременная не можетъ шагнуть или переступить черезъ веревку, такъ какъ роды будутъ тяжелые [1]).

b) gimimas.

b) Рожденіе.

107. Ką tik gimusi kudiki suvynioja į marškinius; jeigu bus mergičke, tai į tevo, o jeigu sunus, tai i motinos, kad vaikas butu laimingas. Paskui tas vanduo, kuriame juos pirmą kartą mazgoja, reikia teipo suvartoti: jeigu duktě tai apliet visus namu slenksnius — tada butinai ištekes, o ieigu sunus, tai išlieja po pečiumi, kad butu gaspadoriumi. Teip vadinamaję „pirmaję pusę“, jeigu duktě, įkasa po slengsniu, kad lanky tusis jaunikiai, o jeigu sunus,— tai įkasa po pečiumi. Nukritusį (nutrukusi) ir su siulu užristą žarnos galą reikia duoti atristi tam pačiam kudikiui, tik jau paaugusiam, tadą bus gera atmintis.

Новорожденнаго ребенка завертываютъ въ сорочку: если это дѣвочка—то въ отцовскую, а если сынъ—то въ материнскую, чтобы ребенокъ былъ счастливъ; затѣмъ ту воду, въ которой моютъ новорожденныхъ въ первый разъ, нужно такъ употребить: если дочь, то облить всѣ пороги дома,—тогда обязательно выйдетъ замужъ,—а если сынъ, то выливать подъ печкой, чтобы былъ хозяиномъ. Такъ называемую „первую половину“, если дочь, закапываютъ подъ порогомъ, чтобы навѣщали парни, а если сынъ, то закапываютъ подъ печкой. Оторванный и ниткой перевязанный конецъ кишки надо дать развязать тому самому ребенку, только подросшему, тогда будетъ хорошая память.

108. Kad gimsta dukte, tai isveda arklius is staines: greitai ištekės ir už turtingo.

Когда родится дочь, то выводятъ лошадей изъ конюшни: скоро выйдетъ замужъ и за богатаго.

109. Kad sunus gimsta, paded ant knigos ir ję ikerpa, kad butu mokslus.

Когда родится сынъ, кладутъ на книгу и на ней дѣлаютъ нарѣзъ, чтобы былъ способнымъ.

---

[1]) Jeigu neščia padavus karvems esti kratinis atemo nuo vienos kavvės ir paduada kitai, tai vaikui atima kalbą.

[1]) Если беременная, подавъ корма для коровъ, беретъ затѣмъ отъ одной и даетъ другой коровѣ, то отнимаетъ у ребенка языкъ (рѣчь).

110. Kad gimsta dukte, tai suvyniojąją i vyriškus marški uius, o kad vaikas tai į moteriskus delto, kad mergaites myletu bernniką, o bernnikai mergaitę.

Когда родится дочь, то свертываютъ ее въ мужскую сорочку, а если мальчикъ—то въ женскую для того, чтобы дѣвушки любили парня, а парни дочку.

c) Vaiku auginimas ir gydymas.

c) Воспитаніе и лѣченіе дѣтей.

111. Vaikui issigandus, reikia jį suvynioti i drobulę (paklodą) ir smilkyti šventintomis žolemis, o ko geriausei vainikeliu buvunsiu ant monstrancijos.

Если ребенокъ испугается, надо его покрыть простыней и кадить священными травами, а лучше всего вѣнкомъ бывшимъ на монстранціи.

112. Jeigu vaikas išsi gando tai reikia jį nuvesi pas kuningą, kad atskaitytu egzortą. Tik ne kiekvienas kuningas gali jas skaityti ir ne uno kiekvieno išeina egzortos ant gero [1]).

Если ребенокъ испугается, то надо его отвести къ священнику, чтобы прочелъ экзорцизмы. Только не каждый священникъ можетъ читать ихъ, и не отъ каждаго идутъ они въ прокъ [1]).

113. Pasirodžius pirmą kartą kraujams motina privalo rodydama sukruvinką paklodę ar marskinius sudnoti par veidą, sakydama: „Ką tu padarei? Kas čia?“ Mergaitė nieko nežinodama ir nesuprasdama nusimins, susigedys ir iškais. Jeigu teipatsitiks, taigalima bus tikėtis, kad gerai išrodys, bus balta—raudona.

По появленіи первыхъ менструацій, мать должна, показывая на окровавленную простыню или сорочку, ударить въ лицо, говоря: „Что ты надѣлала? Что это?“ Дѣвушка, ничего не зная и не понимая, испугается, сконфузится и покраснѣетъ. Если такъ случится, то можно будетъ надѣяться, что будетъ хорошо выглядѣть, будетъ хороша собой.

114. Kad mažas vaikas šlapinas patale, tai reikia ant slenksnio paguldyti ir su viedro pasaitu išlupti, tai parein.

Если маленькій ребенокъ мочится въ постелѣ, надо положить его на порогѣ и высѣчь плетеной дужкой отъ ведра, то это пройдетъ.

---

[1]) Šiauliuose skaite a. a. kun. Kontrimas, kuris mirė.

[1]) Въ Шавляхъ читалъ покойный кс. Контримъ, который умеръ.

115. Kučiu vakare motina beri kviėčiu aut vaiku, ant katro daugiaus užbirs, tai tas bus turtingesnis.

Въ сочельникъ мать сыплетъ пшеницу на дѣтей, на котораго больше упадетъ, тотъ будетъ богаче.

116. Par skersą lopši kad paduada ranką, tai tas vaikas mirs.

Если поперекъ колыбели подаютъ руку, то этотъ ребенокъ умретъ.

117. Kad mažas vaikas verkia, tai deda į kubilą, palaiko tenai ir nustoja verkti.

Если маленькій ребенокъ плачетъ, то кладутъ въ бочку, подержатъ тамъ, и перестаетъ плакать.

118. Mažas vaikas reikia gobti su šilkinia skepeta (skara), tai vaikas bus išmintingas.

Маленькому ребенку надо покрывать голову шелковымъ платкомъ, чтобы ребенокъ былъ умнымъ.

d) Krikštyimas ir krikštynos.

д) Крещеніе и крестины.

119. Par krikštynas kumai privalo greta sėdeti, kad kudikis turėtu tankius dantis. O jeigu sėdės tolí vienas uno kito, tai turės retus dantis.

На крестинахъ кумовья должны сидѣть рядомъ, чтобы ребенокъ имѣлъ густые зубы, а если будутъ сидѣть далеко другъ отъ друга, то рѣдкіе зубы.

120. Kumai važuodami prie krikšto turi daug tarp savęs kalbėti, kad kudíkis butu šnekus.

Кумовья, крадучи на крещеніе, должны много между собою говорить, чтобы ребенокъ былъ разговорчивымъ.

121. Jei kudikis verkia krikštijant, tai augs (gyvens), kad tyli—tai mirs.

Если ребенокъ во время обряда крещенія кричитъ, то будетъ рости, а если молчитъ,— умретъ.

122. Par krikštynas kumams nereikia pasigerti: vaikas bus girtuoklis.

На крестинахъ не надо кумовьямъ упиваться: ребенокъ будетъ пьяницей.

123. Kumai par krikstynas negali gerti poviena, kad vaikas nebutu šlubas.

Кумовья на крестинахъ не могутъ пить по одной (т. е. рюмки или стакану), чтобы ребенокъ не былъ хромымъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе Географич. Отдѣленія Имп. Общества Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. 1906 г. Книжка I—II. Подъ ред. *Д. Н. Анучина.* М. 1906.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ настоящей книжкѣ „Землевѣдѣнія", вниманіе этнографа привлекаетъ дневникъ члена-естествоиспытателя Нелькано-Аянской экспедиціи Ир. Мих. Щеголева — главнымъ образомъ, сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ о произведенныхъ экспедиціей работахъ. Изъ дневника и особенно изъ предисловія къ нему начальника экспедиціи инженера В. Е. Попова мы узнаемъ, что въ задачи экспедиціи, состоявшейся въ 1903 г., входило, кромѣ техническаго изысканія пути между сел. Нельканъ и Аяномъ, также изслѣдованіе края въ естественно-историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, въ связи съ изслѣдованіемъ экономическихъ условій жизни, приведшихъ населяющихъ край тунгусовъ къ обнищанію и постепенному вымиранію. Къ сожалѣнію, кромѣ указанной статьи г. Щеголева да краткихъ отчетовъ членовъ-этнографовъ экспедиціи, В. М. Іонова и Э. К. Пекарскаго [1]), другихъ работъ, имѣющихъ этнографическій интересъ, въ печати, насколько намъ извѣстно, еще не появлялось. Между прочимъ, попутное собираніе этнографическихъ данныхъ взялъ на себя и членъ экспедиціи П. Ф. Тепловъ. Желательно было бы скорѣйшее опубликованіе работъ названныхъ изслѣдователей-этнографовъ, тѣмъ болѣе, что онѣ касаются края, совершенно необслѣдованнаго въ этнографическомъ отношеніи: о жизни тунгусовъ, живущихъ по рр. Алдану,

---

[1]) См. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Каз. Унив.", Т. XX, вып. 4 и 5. Казань. 1904 г.

Маѣ (притоку Алдана) и по рѣкамъ и рѣчкамъ, впадающимъ въ Охотское море, мы знаемъ гораздо меньше, чѣмъ о жизни любого изъ африканскихъ племенъ. Нагляднымъ дополненіемъ къ описанію жизни кочевыхъ и бродячихъ тунгусовъ изслѣдованнаго пути могли бы служить собранныя гг. Іоновымъ и Пекарскимъ, по порученію Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III, этнографическія коллекціи, которыя въ Отдѣлъ были своевременно доставлены и въ настоящее время, какъ намъ извѣстно, регистрируются однимъ изъ собирателей.

Статья г. Щеголева снабжена рисунками, довольно хорошо исполненными по очень удачнымъ фотографическимъ снимкамъ разныхъ видовъ, жилищъ и ихъ обитателей-тунгусовъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя рисунокъ (стр. 112), изображающій „жертву духу умершаго тунгуса“ въ видѣ устроеннаго въ тѣни высокихъ елей помоста на четырехъ столбахъ, на которомъ „сложено имущество недавно умершаго тунгуса: двѣ берестяныя вьючныя оленьи сумы, обтянутыя ровдугой и раскрашенныя по бортамъ; оленье верховое сѣдло и вьючное сѣдло, расшитыя кумачомъ и бисеромъ; узелъ, завернутый въ оленью шкуру, изъ которой виднѣются ровдужные штаны, ситцевая рубаха и др. принадлежности костюма умершаго. Рядомъ лежитъ огромный убитый олень въ красиво расшитой сукномъ и кумачомъ ременной уздечкѣ — это любимый олень покойника. Все это закрыто еловыми вѣтвями“. Самое тѣло тунгуса похоронено на общемъ кладбищѣ. Такимъ образомъ, въ этомъ глухомъ уголкѣ (средина пути между Нельканомъ и Аяномъ) сохранился еще древній тунгусскій обычай погребенія. Сохранилось тамъ, несомнѣнно, много и другихъ любопытныхъ пережитковъ старины, слѣдовъ которыхъ тщетно будетъ искать изслѣдователь въ болѣе культурныхъ пунктахъ далекой окраины.

Не лишне исправить двѣ допущенныя авторомъ неточности. Якуты не „многихъ насѣкомыхъ“ называютъ „червякомъ“ (стр. 108, выноска), а, наоборотъ, червяка, какъ и жука, называютъ „насѣкомымъ“ (юён), и появляющійся въ апрѣлѣ на снѣгу прыгающій жучокъ наз. по-якутски хар юёня, т.-е. снѣговое насѣкомое, а не „ядъ снѣга“. Вторая неточность въ выноскѣ слѣд. страницы: надо писать Сыгынах (а не Сагыннахъ), что̀ значитъ просто вывороченный пень, а не „мѣсто, покрытое вывороченными пнями“, которое по-якутски называлось бы Сыгынахтах.

П.

Костромская Старина. Изд. Костромской губернской ученой Архивной Комиссіи. Вып. VI. Кострома. 1906. 284 стр.

Послѣ долгаго промежутка (около 6 лѣтъ) вышелъ, наконецъ, шестой томъ „Костромской Старины“. Объ общенаучномъ достоинствѣ этого изданія я надѣюсь поговорить въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же отмѣчу лишь интересъ его для этнографіи. Не смотря на то, что по программѣ (напечатанной на первой страницѣ) III отд. долженъ быть посвященъ этнографіи, а IV народной словесности,—этого рода матеріаловъ въ сборникѣ весьма мало. Даже *В. А. Андрониковъ* (единственный, кажется, мѣстный этнографъ) на этотъ разъ занялся біографіей Н. Ѳ. Грамотина (издавшаго впрочемъ въ 1823 г.

„Слово о полку Игоревѣ," съ буквальнымъ переводомъ и примѣчаніями, а въ 1809 г. защитившаго диссертацію — „О древней русской словесности"). Первая статья сборника посвящена „Памяти Н. Н. Селифонтова", умершаго руководителя и вдохновителя коммиссіи. Статья принадлежитъ *П. Илинскому*; здѣсь приведены библіографическія данныя о работахъ Селифонтова, описавшаго между прочимъ до 2000 рукописей (документовъ) частныхъ архивовъ. На стр. 77 — 79 свящ. *І. Капацинскій* описываетъ „Праздникъ 16 іюня въ с. Михайловицѣ Ветлужскаго уѣзда. (Преданія о преп. Тихонѣ и обычай купанья дѣтей въ рѣкѣ.). Любопытенъ рисунокъ древней деревянной церкви, приложенный къ ст. свящ. *В. Соколова* — „О церкви въ с. Спасъ-Вежи" Костр. у. Всю вторую половину книги занимаетъ описаніе рукописей (документовъ) Шаховскаго архива (*П. Илинскаго*), представляющихъ значительный бытовой интересъ. Еще въ сборникѣ есть статья *И. Баженова*. „Костромской кремль. Историко - археологическій очеркъ", и перепечатка изъ Трудовъ Вятск. Ком. „О наружномъ видѣ св. муч. Христофора". Редакція сборника и техническая сторона оставляютъ желать много лучшаго.

Н. В—въ.

Ушаковъ Н. Путеводитель по губ. гор. Владиміру и его древнѣйшимъ уѣзднымъ городамъ—Суздалю, Мурому, Переславлю, Юрьеву и Александрову, съ указаніемъ достопримѣчательностей этихъ городовъ въ историческо-археологическомъ отношеніи. Владиміръ. 1906. 16°, 51 стр.

Ближайшимъ поводомъ къ появленію этой книжки послужилъ 3-й Областной Археологическій Съѣздъ, назначенный въ г. Владимірѣ. Въ виду этого событія Владимірской Ученой Архивной Коммисіей и было поручено г. Н. Ушакову составить для пріѣзжихъ гостей „краткій путеводитель" при обозрѣніи достопримѣчательностей и древностей, какъ г. Владиміра, такъ другихъ, указанныхъ въ заглавіи городовъ. Въ этомъ Путеводителѣ авторъ вездѣ придерживается одного и того же порядка: сначала кратко говоритъ о мѣстоположеніи города, ведетъ небольшую рѣчь объ его историческомъ прошломъ, перечисляетъ древнія святыни и указываетъ всѣ болѣе или менѣе достойныя вниманія древности и достопримѣчательности. Видно, что авторъ серьезно отнесся къ своей работѣ и далъ толково и съ знаніемъ дѣла составленный указатель всего важнаго, съ историко-археологической точки зрѣнія, въ краѣ. Можно лишь привѣтствовать появленіе такихъ, крайне необходимыхъ для всѣхъ почти пособій, и пожелать, чтобы и къ слѣдующему Областному Археологическому съѣзду, назначенному въ Костромѣ, Костромская Ученая Архивная Коммисія издала подобный же „указатель-путеводитель".

Н. В—въ.

Mikkola I. Ladoga Laatokka. Helsingfors 1905. 12 стр. (Extrait du Journal de la société Finno-Ougrienne).

Авторъ объясняетъ названіе города *Ладоги*, по имени котораго названо и озеро „Нево" (теперешнее Ладожское), изъ *Aldeigia*

(скандинав. *Aldeigaburg*)—названіе самаго нижняго притока Волхова. Это названіе возникло въ свою очередь изъ финскаго *alode-joki* „низко-находящаяся рѣка“.

Г. И.

Латышевъ, В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Томъ II. Латинскіе писатели. В. 2. Съ географической картой. Спб. 1906.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1893 г.), въ приложеніи къ „Запискамъ Имп. Археологическаго О-ва“ вышелъ первый выпускъ этого огромнаго труда. Настоящимъ вторымъ выпускомъ второго тома заканчивается все изданіе. Въ первый томъ вошли извѣстія о Скиѳіи и Кавказѣ—греческихъ писателей, во второй—латинскихъ. Подборъ текстовъ сдѣланъ по лучшимъ критическимъ изданіямъ авторовъ и снабженъ переводомъ, за достоинства котораго ручается уже самое имя В. В. Латышева; къ переводу присоединены необходимыя примѣчанія. Каждый томъ снабженъ картами, сравнительными таблицами мѣръ и вѣса, указателями—именъ, предметовъ и библіографическимъ. Издатель тщательно собиралъ всякія (даже въ нѣсколько строчекъ) извѣстія и замѣчанія о Скиѳіи и Кавказѣ, благодаря чему, оказывается, что уже до IV в. по Р. X, высказались по данному вопросу свыше 200 только латинскихъ писателей. Потребность въ такого рода изданіи, необходимомъ какъ для этнографа и историка, такъ и для филолога чувствовалась давно, и была высказана еще въ программѣ VI археологическаго съѣзда (1884 г.). Въ 1890 г. Московскимъ Археологическимъ О-вомъ эта тема была предложена на соисканіе преміи. Но не смотря на это, рѣшеніе этой задачи вполнѣ удовлетворительно исполнено было только въ текущемъ году.

Н. В—въ.

de-Baye, baron. Chez les Tatars de Crimée. Souvenir d'une mission. Paris. 1906. 47 стр.

Хорошій знатокъ Россіи, баронъ де-Бай, выпустилъ новую книжку, содержащую въ себѣ результаты его наблюденій надъ крымскими татарами во время прошлогодней экскурсіи по Крыму. По характеру своего содержанія и изложенія эта книжка ничѣмъ не отличается отъ цѣлой серіи другихъ работъ того же автора, посвященныхъ описанію различныхъ мѣстностей Россіи. Книжка написана живо и предназначена, очевидно, для широкой публики. Баронъ де-Бай описываетъ различныя мѣстности, памятники, достопримѣчательности Крыма и попутно знакомитъ своихъ читателей съ бытомъ, нравами, обычаями и преданіями татаръ. Между прочимъ, и онъ обратилъ вниманіе на характерное различіе между татарами сѣверной и южной части Крыма. Въ то время, какъ первые являются чистокровными монголами,—у вторыхъ очень мало ясно выраженныхъ чертъ монгольской расы. Вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей, обращавшихъ вниманіе на это явленіе, баронъ де-Бай считаетъ горныхъ татаръ потомками народовъ арійской расы, (готовъ, итальянцевъ, грековъ и др.), покоренныхъ татарами и, съ теченіемъ времени, вынужденныхъ отатариться — принять мусульманскую религію и татарскій

языкъ. (Срвн.—*Смирновъ*, *В*. Крымское ханство подъ владычествомъ Оттоманской Порты.).

Н. В—въ.

von Dechy, **M**. Kaucasus. Reisen und Forschungen im Kaucasischen Hochgebirge... Zwei Bänden. Berlin. 1905, 4°.

Въ этомъ сочинени венгерца М. фонъ-Деши, несмотря на спеціальныя цѣли его экскурсій по горамъ Кавказа, приводится цѣлый рядъ свѣдѣній и по этнографіи. Авторъ былъ въ Сванетіи, Чечнѣ, Кабардѣ, Хевсуретіи, Дагестанѣ и др. областяхъ. Къ книгѣ приложены карты и указатели. Всѣ рисунки выполнены прекрасно. Въ третьемъ томѣ авторъ обѣщаетъ изложить научные результаты своихъ путешествій.

N.

Осокинъ, **Г**. На границѣ Монголіи. Очерки и матеріалы къ этнографіи юго-западнаго Забайкалья. Съ рисунками. Спб. 1906. 8°. 304 стр.

Нѣкоторые изъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ этой книги, уже были напечатаны въ Трудахъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурск. Отд. И. Р. Г. О-ва (съ 1892 г.). Въ настоящемъ изданіи они являются объединенными, значительно переработанными и дополненными. Авторъ, хорошо ознакомленный съ указанной въ заглавіи областью, даетъ рядъ новыхъ и притомъ цѣнныхъ свѣдѣній по этнографіи обитателей края — русскихъ, бурятъ и монголовъ. Этому вопросу посвящены $^4/_5$ всей книги (съ 63 стр. до конца). Въ началѣ—кратко разсказана исторія края, и сдѣлано описаніе Кяхты, Троицкосавска и Маймачина съ ихъ обитателями. Въ концѣ приложены—словарь мѣстныхъ словъ и перечень различныхъ средствъ, употребляемыхъ въ качествѣ лѣкарствъ.

Н. В—въ.

Паткановъ, **С**. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири, на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ. (Съ приложеніемъ къ II ч. трехъ племенныхъ картъ). Часть I, выпуски 1-ый и 2-ой. Тунгусы собственно. Спб. 1906. Стр. XII + 26 + 175 + 283. („Записки Императорскаго Русск. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи". Т. XXXI, ч. I, вып. 1 и 2, подъ ред. *Н. И. Веселовскаго*).

Новая монографія г. Патканова, посвященная географіи и статистикѣ тунгусскихъ племенъ Сибири, есть только часть предпринятаго авторомъ обширнаго труда, который „долженъ состоять изъ шести томовъ, сообразно шести болѣе важнымъ племеннымъ группамъ Сибири (палэазіаты, тунгусы, тюрки, монголы, финны и самоѣды, русскіе и прочіе)". Въ этомъ трудѣ „имѣютъ быть изложены свѣдѣнія касательно распредѣленія каждой племенной группы и отдѣльныхъ ея вѣтвей по всей территоріи, гдѣ онѣ обитаютъ, данныя о численности ихъ въ отдѣльныхъ районахъ и рѣчныхъ бассейнахъ и въ цѣлой странѣ въ нынѣшнее время, и выводы изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ таковыми за прежнее время, выводы, которые могутъ пролить свѣтъ на характеръ прироста, на

вопросъ о вымираніи и на другія явленія, способствующія измѣненію численности отдѣльныхъ племенъ, каковы эмиграція, ассимиляція и т. д. Кромѣ того, въ каждомъ томѣ труда будутъ приведены интересныя и совершенно новыя данныя касательно численности представителей разныхъ языковъ, религій, сословій у отдѣльныхъ племенъ съ распредѣленіемъ ихъ по территоріи Сибири, а также списки родовъ бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ съ показаніемъ ихъ численности и мѣстъ обитанія. Для полноты изложенія въ немъ будутъ приведены и самыя краткія свѣдѣнія о занятіяхъ, образѣ жизни и обычаяхъ каждой народности. Чтобы географическія свѣдѣнія, изложенныя въ этомъ трудѣ, сдѣлать болѣе наглядными, къ каждому тому будетъ приложена племенная карта (или ихъ нѣсколько), на которой будутъ нанесены мѣста обитанія разсматриваемыхъ народностей и цѣлыхъ племенныхъ группъ“ (Предисловіе, IX—X).

Изъ приведенной цитаты читатель можетъ усмотрѣть, насколько богаты содержаніемъ имѣютъ быть предположенныя авторомъ изслѣдованія. Имя автора служитъ порукою тому, что начертанный въ предисловіи планъ будетъ имъ строго выдержанъ на протяженіи всего обширнаго труда. Въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ составлены и лежащіе предъ нами первые выпуски монографіи о тунгусахъ.

Задуманный авторомъ „первый опытъ изслѣдованія въ области географіи и статистики туземныхъ племенъ Сибири“ представляетъ собою, въ свою очередь, часть цѣлой серіи другъ друга пополняющихъ трудовъ, въ которую должны войти еще: „полные списки населенныхъ мѣстъ Сибири, въ которыхъ обитаютъ инородцы, съ показаніемъ численности въ нихъ представителей отдѣльныхъ народностей“ и „подробная племенная карта Сибири съ обстоятельными къ ней объясненіями“ (Предисловіе, IX).

Главнымъ источникомъ для указанныхъ трудовъ служилъ подлинный переписной матеріалъ, детально разработанный авторомъ для достиженія поставленной имъ себѣ спеціальной цѣли. Благодаря этому, авторъ можетъ внести массу поправокъ въ наши географическо-статистическія и этнографическія свѣдѣнія о разныхъ сибирскихъ народностяхъ.

Если позволитъ въ будущемъ время и мѣсто, мы еще вернемся къ капитальному труду г. Патканова, дающему немало и чисто-этнографическаго матеріала. Пока же отмѣтимъ допущенную авторомъ неточность (стр. 177 вып. 2-го), будто въ Якутскомъ округѣ тунгусское населеніе „почти вполнѣ сохранило *родной* языкъ“. Какъ на исключеніе, авторъ указываетъ, со словъ г. Майнова, на Кангаласцевъ западнаго берега Лены, у которыхъ „въ настоящее время уже господствуетъ якутскій языкъ“, вытѣсняющій и по восточному ея берегу тунгусскій „не только въ качествѣ разговорнаго, но и домашняго языка“. По словамъ автора, „владѣютъ якутскимъ языкомъ въ качествѣ разговорнаго и всѣ кочевые Майскіе тунгусы и многіе другіе“. На основаніи моихъ личнымъ распросовъ, я долженъ сдѣлать здѣсь существенную поправку: именно кочевые Майскіе тунгусы не только „владѣютъ якутскимъ языкомъ“, но послѣдній сдѣлался ихъ роднымъ языкомъ, такъ какъ свой, тунгус-

скій, они давно забыли и сами про себя говорятъ, что они „только по названію тунгусы, а въ дѣйствительности они настоящіе якуты“ какъ по языку, такъ и по образу жизни. Въ подверждені е сказаннаго могу сослаться на отчетъ моего товарища по Нелькано-Аянской экспедиціи, В. М. Іонова, который сообщаетъ слѣдующее:

„Всѣ тунгусы по Маѣ подверглись въ большей или меньшей степени сильному вліянію якутовъ (объякучиванію), какъ въ матеріальной обстановкѣ, такъ и въ языкѣ. По верхнему теченію Маи можно встрѣтить тунгусовъ, плохо говорящихъ по-якутски, но ближе къ Алдану они уже давно забыли свой родной языкъ и говорятъ только по-якутски. Здѣсь вся матеріальная обстановка до того чисто якутская, что въ юртѣ такого тунгуса совершенно забываешь, что находишься среди тунгусовъ“ („Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Каз. Унив.“ Т. XX, вып. 4 и 5, Каз. 1904: Поѣздка къ майскимъ тунгусамъ *В. М. Іонова,* стр. 166).

Странно, что въ переписной матеріалъ могла вкрасться столь крупная ошибка въ опредѣленіи языка, который долженъ быть признанъ роднымъ для нѣсколькихъ кочевыхъ родовъ Майскихъ тунгусовъ.

Что касается бродячихъ Майскихъ тунгусовъ, то относительно ихъ дѣйствительно можно сказать, что они вполнѣ сохранили свой родной языкъ, хотя и владѣютъ всѣ, за исключеніемъ немногихъ женщинъ, якутскимъ языкомъ, играющимъ роль международнаго при сношеніяхъ съ разными народностями Якутскаго края.

Эд. Пекарскій.

Марконъ, И. Ю. Славянскія глоссы у Исаака-бенъ-Моисея изъ Вѣны въ его сочиненіи Оръ-Заруа. Спб. 1906 г. (Отд. отт. изъ сборника „Статьи по славяновѣдѣнію“ II.) 7 стр.

Въ этой маленькой, но весьма цѣнной статьѣ авторъ приводитъ болѣе 20 славянскихъ глоссъ, встрѣчающихся у еврейскаго комментатора Талмуда Исаака-бенъ-Моисея, жившаго въ XIII в. и происходившаго изъ Саксоніи, которая въ то время была еще славянской по населенію. Нѣкоторыя изъ этихъ глоссъ были уже приведены Гаркави въ его статьѣ: „О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей“. (Труды Вост. отд. Импер. Археолог. Общества за 1865 г.), но оставлены были безъ объясненія. Въ настоящей статьѣ г. Марконъ не безъ остроумія коментируетъ ихъ и, кромѣ того, приводитъ цѣлый рядъ новыхъ.

Г. И.

Извѣстия на семинара по славенска филология при университета въ София за 1904—1905 год. Печатано подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на семинара. София. 1905. XVI + 463 стр.

Этотъ объемистый томъ состоитъ изъ студенческихъ рефератовъ, читанныхъ въ 1904—1905 гг. въ славянскомъ семинаріи Софійскаго университета. Первое, что бросается въ немъ въ глаза, это довольно односторонній подборъ темъ: хотя семинарій преслѣдуетъ цѣли

изученія славянства вообще, всѣ изданные рефераты вращаются въ сферѣ исключительно болгарской литературы и языка, точно сборникъ вышелъ изъ среды болгарскаго семинарія, а не славянскаго. Это обстоятельство, конечно, нисколько не умаляетъ научной цѣнности его статей; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что подъ ними охотно поставилъ бы свое имя и изслѣдователь, болѣе опытный въ своемъ дѣлѣ. Такова, напр., статья *Ст. М. Романскаю* „Болгарская литература въ Румыніи и одно ея произведеніе" (стр. 1—100), занимающая въ сборникѣ первое мѣсто и по внутреннему содержанію. Въ ней двѣ части. Въ первой авторъ разсматриваетъ судьбы влахо-болгарской литературы вообще и ея языкъ. Между прочимъ, онъ высказывается противъ дакійской теоріи происхожденія румынъ, примыкая къ менѣе односторонней точкѣ зрѣнія румынскаго слависта Денсушяну. Относительно языка влахоболгарской литературы г. Романскій раздѣляетъ мнѣніе Милетича, что онъ отражаетъ въ себѣ не искусственный языкъ румынскихъ писцовъ, а живой говоръ валашскихъ болгаръ, еще не вполнѣ подвергшихся румынизаціи. Во второй части г. Романскій подробно анализируетъ составъ и языкъ самаго типичнаго и оригинальнаго произведенія валашско-болгарской литературы—„Слова наказательныя воеводы валашскаго Іоанна Нѣгоя къ сыну Ѳеодосію" (изд. въ 1904 г. проф. П. А. Лавровымъ въ памятникахъ др. письм. и искусства CLII).—Изъ другихъ статей сборника мы укажемъ только тѣ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ этнографіи. Сюда относится прежде всего статья *Ст. Младенова* „О пограничныхъ говорахъ въ восточной Сербіи" (стр. 100—116), которые авторъ опредѣляетъ, какъ болгарскіе „со многими сербизмами". Въ статьѣ „Арнауты и мерваки въ с. Брациговѣ" (стр. 117—140) г. *Георіевъ* описываетъ бытъ македонцевъ, переселившихся въ XVIII ст. въ с. Брацигово изъ Костура и до сихъ поръ сохраняющихъ въ большой чистотѣ свой языкъ, и даже носовыя гласныя въ нѣкоторыхъ словахъ. Но стр. 141—172 г-жа *Марія Маждракова* даетъ весьма обстоятельный „Библіографическій обзоръ опубликованныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по болгарской діалектологіи", съ краткой, но точной ихъ критической оцѣнкой. Минуя двѣ статьи объ удареніи: „Вторичное удареніе въ Разложскомъ говорѣ" *Д. Молерова* (стр. 173—182) и „Удареніе Горно-Джумайскаго говора" *Х. Стоилова* (стр. 183—216), встрѣчаемъ два этюда *В. Наумова* „Уменьшительные и увеличительные суффиксы въ новоболгарскомъ языкѣ" (стр. 217—230) и „Употребленіе уменьшительныхъ и увеличительныхъ суффиксовъ въ болгарскомъ языкѣ" (стр. 231—250), цѣнные, главнымъ образомъ, своимъ матеріаломъ, собраннымъ по первоисточникамъ. *А. Д. Пиронковъ* въ статьѣ „Ласточка въ нашей народной поэзіи" (стр. 250—262) излагаетъ легенды болгарскаго простолюдина о ласточкѣ. Діалектологическій интересъ имѣетъ, главнымъ образомъ, ст. *Лазаря Дмитрова* „Краткіе этнографическіе замѣтки о Дебрѣ" (стр. 263—274). Много сочиненій по болгарской этнографіи указано въ ст. *Ст. Романскаго* „Библіографія славянской филологіи въ болгарской печати съ 1901 до 1905 г." (стр. 381—414).

Кромѣ этихъ статей, въ сборникѣ помѣщены и другія, но и

перечисленныхъ достаточно, чтобы показать, какъ богато его содержаніе. Было бы очень желательно, чтобы подобные сборники вошли въ научный обычай въ славянскихъ семинаріяхъ и русскихъ университетовъ, въ частности С.-Петербургскаго.

Г. Ильинскій.

Бобчевъ, С. С. Къмъ българската правна история и обичното право. София. 1906. (Отд. отт. изъ IV кн. „Юрид. Прѣгледъ". 1906.).

Статья состоитъ изъ двухъ этюдовъ. Въ первомъ: „Законодательная организація семейной задруги"—г. Бобчевъ указываетъ на необходимость, чтобы современное болгарское законодательство прислушивалось къ голосу народнаго правосознанія и, въ частности, оберегало отъ разрушенія институтъ семейной задруги. Въ другомъ этюдѣ авторъ характеризуетъ значеніе древнеболгарскихъ хризовуловъ (т. е. златопечатныхъ грамотъ) для исторіи болгарскаго права.

Г. И.

Бобчевъ, С. С. Придъ (Загырлыкъ)—болгарская кладка. Спб. 1906. 21 стр. (Отд. отт. изъ „Статей по славяновѣдѣнію, II").

Рѣчь идетъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ явленій болгарскаго обычнаго права—о денежномъ выкупѣ невѣсты женихомъ у ея родителей. Авторъ сопоставляетъ это явленіе съ русск. „кладкой" и видитъ въ немъ видоизмѣненіе старинной формы брака—купли невѣстъ. „Придъ смягченная или обрядовая форма платы за невѣстъ".

Г. И.

Národopisný Věstník česko-slovanský. Vydává společnost národopisného Musea česko-slovanského Redakční komise Jan Jakubec, A. Kraus, I. Polivka. V Praze. 1906. Leden—Duben.

Недавно закончена первая серія „Národnopisného Sborníku československého" (sv. I—X), научная цѣнность котораго не разъ была отмѣчена въ чешской и иностранной печати. Теперь этнографическое чешско-славянское общество предприняло новое изданіе—журналъ, который будетъ имѣть такое же отношеніе къ „Сборнику", какъ „Живая Старина" къ „Запискамъ" географич. общ-ва или „Этнографическое Обозрѣніе" къ „Трудамъ" общ-ва любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ ун-тѣ.

Первые номера чешскаго „Этнографическаго Вѣстника" заставляютъ думать, что журналъ будетъ имѣть солидное значеніе; онъ выходитъ 10 разъ въ годъ книжками по 2 печатныхъ листа плотнаго набора, иногда съ рисунками; годовая цѣна для членовъ общества—всего 6 кронъ. Отвѣтственный редакторъ—проф. Юрій Поливка, много поработавшій въ области сравнительнаго изученія славянскихъ сказокъ и другихъ родовъ фольклора.

Адресъ конторы журнала — канцелярія Общества Этнографическаго Музея, чешско-славянскаго na Smíchově, Zahrada Kinských. Таковы внѣшнія данныя журнала.

Первыя книжки составлены толково и разнообразно. За преди-

словіемъ-введеніемъ общаго характера В. Тилле, въ первомъ номерѣ идетъ разборъ, съ массой статистическихъ данныхъ, книги проф. нѣмецкаго у-та въ Прагѣ Индриха Раухберга „Der nationale Besitzstand in Böhmen“ (Лейпцигъ, 1905) Т. Живанскаго и очеркъ А. Несвадбиковой о Выставкѣ народныхъ тканей и вышивокъ въ Бернѣ. Изъ статей, помѣщенныхъ въ слѣдующихъ номерахъ, укажемъ наиболѣе крупныя: „Происхожденіе искусства по статьямъ и новымъ теоріямъ. I. Искусства тоническія, II. Искусства пластическія“ А. Яцимирскаго, „Церово“ К. Хотека, „Символическій военный танецъ у Черногорцевъ“ С. Трояновича; „Собраніе вышивокъ, принадлежащее фр. Кретцѣ“ В. Гавелковой, „Этнографическій Музей Императора Александра III“ А. Яцимирскаго и др. Хорошо поставленъ библіографическій отдѣлъ, въ которомъ русскія книги и изданія по этнографіи занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Вполнѣ научныя и содержательныя рецензіи-рефераты и рецензіи критическія занимаютъ болѣе половины журнала, а второй отдѣлъ библіографіи посвященъ одному перечню новыхъ книгъ и журналовъ по этнографіи на разныхъ языкахъ. Уже одно имя проф. Поливки говоритъ, насколько хорошо представлена здѣсь славянская и особенно русская части. Въ концѣ каждой книжки помѣщается этнографическая хроника: о дѣятельности этнографическихъ обществъ, новыхъ пріобрѣтеніяхъ музеевъ, выставкахъ, командировкахъ, новыхъ описаніяхъ музеевъ и выставокъ, наконецъ, мелкія библіографическія замѣтки и сообщенія. Все это дѣлаетъ „Народописный Вѣстникъ“ не этнографическимъ альманахомъ, во что у насъ обыкновенно превращаются спеціальные журналы, а органомъ живымъ и вполнѣ интереснымъ.

А. И. Яцимирскій.

Štrekelj, Karl. Zur slavischen Lehnwörterkunde. Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, philos-histor. Klasse. Band 50 (1904). 4°. 90 стр.— Съ особымъ удовольствіемъ мы привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ этихъ обширныхъ „Beiträge“ къ этимологическому словарю славянскихъ языковъ; въ трудѣ Штрекеля впервые, кажется, со временъ появленія Etym. Wörterb. Миклошича, обращено должное вниманіе на соприкосновеніе двухъ мало извѣстныхъ среди славистовъ языковъ—албанскаго и, въ особенности, средне-греческаго, съ южно-славянскимиязыками. Въ виду этого трудъ Штрекеля особенно интересенъ для тѣхъ, кто занимается изученіемъ балканскихъ этимологическихъ вопросовъ, основываясь на изслѣдованіи славянскихъ нарѣчій. Нѣкоторые недостатки дѣйствительно могутъ быть отмѣчены въ настоящемъ этимологическомъ изслѣдованіи: слишкомъ широки разсужденія относительно, напр., серб. *стасати*, которое правильно возводится къ греческому φθάνω (точнѣе ср-греч. φτάνω, причемъ относ. φθ > φτ см. Dieterich, Untersuchungen 99 sq.) и объясняется народно-этимологическимъ прислоненіемъ (volksetymologische Anlehnung) къ глаг. *стати* (стр. 60). Не вполнѣ убѣдительны выводы автора относительно словъ въ родѣ слов. *čoder*, Zotte, Flocke, Locke (стр. 15),—неубѣдительными потому, что имъ не изслѣдована исторія каринтск.—нѣм. *tschüder*, *tschonder*. Уже въ виду č (припомнимъ нѣм. Petschaft, Peitsche и т. д.), это слово должно быть

признано заимствованнымъ изъ того же источника, что и словинское, источникомъ этого послѣдняго мы считаемъ румынское *tˢ undră*, Kleid aus Wolle, mit herabhängenden Lotten см. Malinowski, Rozprawy Akad. Umiejętności, XVII, 7,—Кайкавско-хорватск. *boca* „Ganskeule, Bügel" заимствовано не изъ мадьярск. *buc* бедро. (стр. 7); это сомнительно не только въ виду различія окончаній, но и въ виду необъясненнаго Штрекелемъ „соотвѣтствія" мад. *u*—слав. *o*,—а съ греч. μπότςα (boca); значенія слова указаны G. Meyer'омъ, Neugr. St. II, 85 sq. III, 17 sq. Кайкавск.—хорв. *cobor* „соболь" правильно выводится изъ мадьярск. *coboly*, но безъ всякихъ основаній сопоставляется съ понтійскимъ ζέπορος, которое G. Meyer, Neugr. Stud. II, 28 неудачно выводитъ изъ русск. *соболь*. Въ виду того, что употребленіе греческаго слова замѣчено только въ окрестностяхъ Трапезунда, славянское происхожденіе его должно быть признано крайне сомнительнымъ.—Безъ сомнѣнія источникомъ каринтск.—нѣм. *Zickerl* „гостинцы" слѣдуетъ признать слов. *cik* „Leckerbissen" (стр. 10). Это послѣднее должно быть отнесено къ числу дѣтскихъ словъ, особенно распространенныхъ въ балканскихъ языкахъ. Въ греческомъ языкѣ, кромѣ случаевъ, указанныхъ G. Meyer'омъ, Neugr. St. II, 89, намъ извѣстно понтійск. τσιτσίν Трапезундъ, Syllogos XVIII, 128, вѣроятно мы имѣемъ дѣло съ исконными словами, какъ и алб. θιθε см. G. Meyer, Alb. Wb. 90.—Slov. *haja* (Štr. 23) „глупая баба „сопоставляется авторомъ съ баварск. der *Heïey*, die Heigeigen, происхожденіе котораго уже не изслѣдуется. Скорѣе, на нашъ взглядъ, источникомъ слова является греч. ἅγια (литер. ἁγία) „святая", произн. *ája*. Начальное *h* могло появиться подъ вліяніемъ южн.-нѣм. *hailije*.—Вопреки мнѣнію Штрекеля (29) слов. *kokora* „Haarlocke" не находится въ связи съ болг. *качула* „головная повязка". Это послѣднее опять заимствована съ греческаго κατσοῦλα 1) шляпа, шапка, 2) капюшонъ 3) плащъ,—въ свою очередь восходящаго къ лат. *casula*. см. G. Meyer, Neugr. Stud., III, 29.—Къ словинскому *kokora* Штрекель (29) опять таки ошибочно присоединяетъ серб. *кукуљица* Кос́; слово это также заимствовано изъ греч. κουκούλλι 1) шляпа, шапка, 2) коконъ шелковичнаго червя и проч.=лат. *cucullа*. Къ тому же греческому источнику восходитъ наше *кукла*, см. G. Meyer, Neugr. Stud. III, 33.

Слов. *kortenina* „бумажная матерія" восходитъ не прямо къ итальянск. *cotone*, какъ утверждаетъ Штрекель 33, а представляетъ собой контаминацію двухъ итальянскихъ словъ: *cotone*+*cortina* „занавѣсъ" — Истрочакавск. *пиѳàра*—„Salula in qua messam depsunt" (Штр. 47) я возвожу къ ср-греч. *πιθάρα, которое я считаю аугментативнымъ образованіемъ къ уменьшительному πιθάρι, по образцу σταμνί: στάμνα, λανάρι: λανάρα и проч. см. Hatzidakis, Einleitung in die neugr. Grammatik 93 и 363 sq; Kretschmer, Byzant Zeitschr. X, 584). Принимая во вниманіе женскій родъ чакавской формы, мы должны признать попытку Штрекеля 47 объяснить слово изъ романскихъ языковъ—довольно неудачной.—Сербо-хорв., слов. *gumb* „пуговица" безъ сомнѣнія восходитъ къ н-греч. κουμβί—κομβίν—др.—гр. κόμβος, какъ утверждаетъ авторъ (22); мадьярск. *gomb*, слѣдовательно, заимствовано у славянъ; но, что касается словъ *gomb*, *gomba* (ibid.), то мы не находимъ нужнымъ предположить вмѣстѣ съ нашимъ этимологомъ обратное ихъ заимствованіе съ мадьярскаго,

именно потому, что начальные глухіе согласные въ средне-греческомъ языкѣ подъ вліяніемъ конечнаго—ν предшествующаго члена измѣняются въ соотв. звонкіе (см. Foy, Lautsystem der griechischen Vulgärsprache 24 sq.), — прямое заимствованіе этихъ словъ съ греческаго должно быть признано весьма вѣроятнымъ. Если же у автора имѣлись какіе-либо факты, требующіе признанія мадьярскаго посредства, то ему не мѣшало бы объ этомъ распространиться.

Сербъ-хорв. *мачуга* „дубина“ безъ сомнѣнія восходитъ прежде всего къ греч. ματσούκα (см. G. Meyer, Neugr. Stud. IV, 51), а не прямо къ итал. *mazoca*, какъ полагаетъ авторъ (37). Въ виду č (см. Thumb: Handbuch der neugr. Volkssprache 20 sq.) и *u* (о чемъ Kretschmer, Byz. Zeitschr. X, 584—586) необходимо предположить, что слово занесено къ славянамъ греками.—*Mesidžija* „посредникъ“ несомнѣнно заимствовано съ греч. μεσίτης (хотя ближе турецк. **mesidži*, восходящее къ тому же источнику) см. Штр. 39; G. Meyer, Alb. Wb. 275 s. v. *mes*.). Что касается оконч.—*ja*, то оно у южныхъ славянъ является постоянно, какъ присоединеніе къ иноязычнымъ словамъ съ оконч.—ι, см. Коршъ, Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь проф. Дринова, 58.

Болг. *спуза* справедливо выводится изъ греч. σποδιά (59); точнѣе, на нашъ взглядъ, было бы указать діалектическое σποτζιά, распространенное въ локридскихъ, цаконскихъ и др. говорахъ, гдѣ наблюдается измѣненіе среднеязычнаго δ въ τζ, см. Foy, Lautsystem 55.— Форма *пирун* должна быть признана общесербской (см. Вук. Стефан. Караџић, Српски рјечник 518), поэтому слѣдуетъ предположить греческое вліяніе см. Штрекель 47 и 82: гр. πηρούνι. Только такимъ образомъ, вѣдь, и можетъ быть объяснено—*ун* славянской формы (см. Kretschmer, B. Z. X, 584 sq.), необъяснимое, если согласиться съ авторомъ.—Серб., болг. попадија справедливо признается заимствованнымъ съ греческаго (48). Ближе къ славянской формѣ, чѣмъ ср-греч. παπαδιά стоитъ діалектическое ποπαδιά, отмѣченное напр. въ Понтѣ, Ophis, Syllogos XVIII, 159.—Въ нашей рецензіи противорѣчію отведено главное мѣсто, но, указывая на возможность иного толкованія нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ въ прекрасной работѣ Штрекеля, мы старались показать, какъ живо мы лично интересуемся изслѣдованіемъ романско-славянскихъ и греко-славянскихъ отношеній. Штрекель самъ (1) считаетъ себя болѣе компетентнымъ въ оцѣнкѣ первыхъ; тѣмъ болѣе слѣдуетъ удивляться остроумію нашего этимолога, разъ онъ, безъ спеціальныхъ занятій, приходитъ къ такимъ глубокимъ наблюденіямъ относительно словъ „юго-восточнаго происхожденія“ какъ *порняла* (48), ка̀рика (26), комарнак (31) и проч.

М. Фасмеръ.

La Revue Slave. Paris. 1906. Tome I, № 1.

По злой ироніи судьбы, единственный среди общеславянскихъ и самый солидный среди остальныхъ филологическихъ журналовъ, посвященныхъ разработкѣ разныхъ дисциплинъ славяновѣдѣнія,— издается въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Быть можетъ по той же ироніи, въ Парижѣ и на французскомъ языкѣ съ нынѣшняго года

выходитъ общеславянскій политическій, какъ органъ Славянскаго Союза, и отчасти научный журналъ La Revue Slave. Очевидно, по мнѣнію организаторовъ Союза, а также членовъ редакціи, вопросъ о языкѣ журнала стоитъ на главномъ мѣстѣ,—и новый органъ долженъ издаваться на одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ языковъ съ цѣлью знакомить съ славянской идеей не столько самихъ славянъ, сколько другіе „міры“ Европы—романскій и англо-германскій. Съ этой точки зрѣнія, судя даже по первымъ номерамъ, журналъ обѣщаетъ быть интереснымъ и авторитетнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что у насъ было сдѣлано до сихъ поръ по этой части? Во первыхъ, существовало около пяти журналовъ на русскомъ языкѣ, журналовъ яко-бы славянофильскихъ, а на самомъ дѣлѣ только руссо-фильскихъ и глубоко реакціонныхъ, а потому въ основѣ своей или явно враждебныхъ славянамъ не православнымъ, или же замалчивавшихъ объ нихъ. Журналы эти издавались обыкновенно присяжными учеными—славистами, не всегда даже виднаго разбора, или людьми малограмотными въ смыслѣ опытности по части редакторства, — и, проволочивъ печальный свой бѣгъ на пространствѣ 2—3 лѣтъ, журналы погибали, такъ какъ немногіе десятки подписчиковъ въ концѣ концовъ пресыщались кликушествомъ „тоже славянофиловъ“ и отказывались отъ полученія журнала. Во вторыхъ, мы имѣли и имѣемъ почти столько же журналовъ, разрабатывающихъ славянскую идею и издающихся на разныхъ славянскихъ языкахъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ безспорно „Slovanský Přehled“, издающійся въ Прагѣ Адольфомъ Чернымъ, присяжнымъ журналистомъ, опытнымъ редакторомъ, живымъ и отзывчивымъ публицистомъ, человѣкомъ прежде всего свѣдущимъ и неподкупнымъ. Несмотря на скромные размѣры журнала и на 10 тетрадокъ въ годъ, этотъ журналъ даетъ очень много; съ его мнѣніемъ волей-неволей считаются и враги славянства; его матеріалами необходимо пользоваться славистамъ; редакція удѣляетъ одинаковое вниманіе всѣмъ славянамъ (впрочемъ, съ нѣсколько полонофильской окраской, хотя въ результатѣ и это пристрастіе редактора не вредитъ общему характеру органа и находитъ оправданія съ точки зрѣнія высокой польской культуры) и т. д. Но на общеевропейское значеніе онъ не можетъ претендовать уже потому, что издается онъ на чешскомъ языкѣ, кажется, менѣе всѣхъ популярномъ среди остальныхъ славянъ. Почему мы лично и увѣрены, что журналъ г. Чернаго имѣлъ бы выдающійся успѣхъ, если бы выходилъ на болѣе распространенномъ языкѣ.

Такимъ образомъ, „La Revue Slave“ находится въ выгодномъ положеніи съ точки зрѣнія обоихъ указанныхъ условій. Идея, легшая въ основу новаго Славянскаго Союза, сама уже по себѣ не только вноситъ оживленіе въ разрѣшеніе стараго спора, но она и обновляетъ все, что въ прежнихъ „славянофильскихъ“ органахъ выходило захватаннымъ и скучнымъ; а французскій языкъ можетъ обезпечить журналу широкое распространеніе не въ одной Европѣ. Если и встрѣтятся въ будущемъ новыя препятствія для успѣха журнала, то во всякомъ случаѣ они будутъ выходить за предѣлы намѣченныхъ нами условій.

Не будемъ останавливаться на томъ, что даетъ „La Revue Slave“

для славянской политики, такъ какъ это сдѣлаютъ рецензенты другихъ органовъ. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что въ первомъ же номерѣ помѣщена статья по этнографіи. Это—очеркъ Ивана Коряка о сербскихъ эпическихъ пѣсняхъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ, съ французскимъ переводомъ нѣсколькихъ пѣсенъ. Остальныя статьи перваго номера слѣдующія: редакціи *Revue Slave* „Préface", *V. Svatkovsky-Nestor* „L'Union Slave", J. *du Pontcray* „Sienkievicz et la littérature polonaise", *Ian Vanicek* „La Bohême et le suffrage universel", *Mita Dimitrievitch* „L'Architecture, religieuse en Vieille-Serbie", *P. P. de Sokolovitch* „Alexandre Ivanovitch Nélidow", *Vladimir Pléménine* „La Skoupchtina monténégrine", *H. F.* „La Bulgarie à l'Exposition de Liège", *Dr. Zwonimirovitch* „La Croatie avant les élections", *D. S. Popovitch* „L'Instruction publique en Serbie", *Ivan Koriak* „Chants Bosniaques-Herzégoviniens", *** „La Douma d'Empire", *M.* „La Conférence Internationale de Londres", Bibliographie, Chronique Économique et Financière (Russie, Serbie, Bulgarie), Théâtre.

Можно надѣяться, что и въ будущемъ журналъ будетъ касаться самыхъ разнообразныхъ сторонъ славянской дѣйствительности, въ томъ числѣ быта и фольклора.

А. И. Яцимирскій.

Jochelson-Brodsky, Dina. Zur Topographie des weiblichen Körpers nordostsibirischen Völker... (Къ топографіи женскаго тѣла сѣверо-восточно-сибирскихъ народовъ). Braunschweig. 1906. Mit 4 Tafeln, 14 Abbildungen und 1 Karte. 63 стр. 4°.

Предлагаемая вниманію читателей работа представляетъ диссертацію на степень доктора медицины Цюрихскаго Университета. Авторъ, наша соотечественница, уроженка г. Керчи, принимала участіе въ путешествіи своего мужа В. Іохельсона, члена „The Jesup North Pacific Expedition", ведшаго сибирскій отдѣлъ этой экспедиціи, въ теченіе 1900—1902 гг.

Въ предисловіи своемъ авторъ указываетъ, что измѣреніямъ, послужившимъ матеріаломъ для названной работы, подвергались особы: мужчины въ возрастѣ 20—60 л., женщины 18—50 л. Обработано 1150 листовъ измѣреній (Messungslisten). Изъ всего числа измѣренныхъ особъ, лично авторомъ измѣрено 30 тунгусокъ, 32 юкагирки и 66 якутокъ. Тунгуски и якутки выбирались чистаго типа, безъ примѣси чуждой крови, чего нельзя сказать объ юкагиркахъ, такъ какъ юкагиры въ настоящее время представляютъ народность смѣшанную и преимущественно съ тунгусами; поэтому, въ рубрикѣ „юкагиры" помѣщены не только собственно юкагиры, но и объюкагирившіеся тунгусы и ламуты, поселившіеся среди юкагировъ и вступившіе съ послѣдними въ родственныя связи. Нужно замѣтить, что авторъ не признаетъ ламутовъ за особое племя, какъ это утверждали нѣкоторые антропологи, но считаетъ это имя за мѣстное названіе нѣкоторыхъ тунгусскихъ племенъ.

Текстъ снабженъ массою тщательно обработанныхъ таблицъ. Весь трудъ раздѣленъ на семнадцать главъ. Для ознакомленія съ содержаніемъ книжки приведемъ краткія выдержки изъ нѣкоторыхъ главъ.

Въ первой главѣ заключены данныя измѣреній роста (Körper-

grösse). „Самый маленькій ростъ—у тунгусовъ и гижигинскихъ коряковъ, у камчадаловъ же, камчатскихъ коряковъ, чукчей и азіатскихъ эскимосовъ—средній... Средній ростъ женщины меньше таковаго у мужчины, и разница эта подвержена сильнымъ колебаніямъ. У полярныхъ народовъ Стараго Свѣта, по мѣрѣ приближенія къ Тихому Океану, ростъ крупнѣе, у эскимосовъ—наоборотъ: самые высокіе на Аляскѣ“...

Во 2 и 3 главахъ приведены головные указатели и данныя наибольшей длины и ширины головы; руководствуясь классификаціей проф. Мартина, авторъ относитъ коряковъ, камчадаловъ, тунгусовъ и юкагировъ къ долихоцефаламъ, азіатскихъ эскимосовъ—къ мезоцефаламъ, а чукчей и якутовъ—къ брахицефаламъ. „Разница между мужчинами и женщинами только у азіатскихъ эскимосовъ и камчадаловъ достигаетъ значительной степени... Среди якутокъ и чукчей преобладаютъ короткоголовыя, у остальныхъ—среднеголовыя“.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, что завело бы насъ слишкомъ далеко, укажемъ лишь, что IV, V, VI и VII главы обнимаютъ измѣренія лица, скулъ, ушей и носа; VIII—высоту и ширину плечъ, IX—XIII—измѣренія груди и вообще туловища, XIV—таза, XV и XVII—нижнихъ конечностей, XVI—верхнихъ конечностей.

Приведемъ заключительныя слова самого автора, чѣмъ и окончимъ обзоръ содержанія книжки:

I. Относительно соматологической группировки изслѣдованныхъ народностей надо замѣтить слѣдующее:

1) Якутки, измѣренныя авторомъ, не отличаются отъ другихъ турецко-монгольскихъ народовъ. 2) Тунгусы, какъ женщины, такъ и мужчины, отличаются отъ многихъ тунгусскихъ племенъ мезоцефальностью и меньшимъ ростомъ. 3) Между изслѣдованными народностями палеазіатской группы юкагиры, коряки, камчадалы и чукчи отличаются: юкагиры наименьшимъ ростомъ, камчадалы наименьшимъ головнымъ указателемъ и чукчи, географически близко стоящіе къ индѣйцамъ,—наибольшимъ ростомъ и наибольшей шириной головы. 4) Азіатскіе эскимосы имѣютъ меньшій ростъ, чѣмъ эскимосы Аляски, но нѣсколько большій, чѣмъ у чукчей. Ихъ головной указатель почти равенъ таковому же у эскимосовъ Аляски. Ихъ ширина скулъ (Jochbogenbreite) по отношенію къ наибольшей ширинѣ головы много меньше, чѣмъ у восточныхъ эскимосовъ, но все же нѣсколько больше, чѣмъ у ихъ сосѣдей чукчей.

II. Относительно половой разницы изъ главнѣйшихъ измѣреній (Hauptmessungen) вытекаетъ слѣдующее: 1) Всѣ абсолютныя данныя у женщины меньше, чѣмъ у мужчины, и между прочимъ: a) ростъ отъ 90 до 138 mm.; при этомъ разница меньше у маленькихъ народовъ и больше — у большихъ; b) наибольшая длина головы 3,6—3,7 mm.; c) наибольшая ширина головы 1,2—6,2 mm., и d) ширина скулъ 6,7—8,3 mm. 2) Также и относительныя данныя у многихъ народовъ для женщинъ нѣсколько меньше, чѣмъ для мужчинъ, между прочимъ, какъ головной указатель, такъ и анатомическій показатель лица (der anatomische Gesichts-Index), относительная длина руки (Armlänge) и величина стопы (Spannweite). 3) Только относительный показатель длины-высоты (Längen-Höhen-Index) у женщинъ, большею частью, выше, чѣмъ у мужчинъ.

III. Относительно спеціально женскихъ измѣреній (Frauenmessungen) мы находимъ: 1) Относительная высота сосковъ (Brustwarzenhöhe) измѣренныхъ женщинъ такая же, какъ у европейскихъ женщинъ. 2) Позвоночникъ (Rumpf) у маленькихъ народовъ относительно длиннѣе, чѣмъ у большихъ народовъ. 3) Размѣры таза (Beckendistanzen) остаются почти всегда постоянными въ отношеніи къ росту.

Эта работа заключаетъ въ себѣ массу цѣннаго антропологическаго матеріала, а по нѣкоторымъ вопросамъ и много совершенно новаго, какъ, напр., антропометрическія данныя о корякахъ, камчадалахъ, юкагирахъ и азіатскихъ эскимосахъ.

А. Афанасьевъ.

Ritters geographisch-statistisches Lexicon... Band 1. A — K. Leipzig.

Несмотря на заявленіе, что новое, 9-ое изданіе этого словаря является совершенно переработаннымъ по свѣжимъ даннымъ, всѣ данныя, касающіяся Россіи, отличаются или своею устарѣлостью, или совершенной вздорностью.

V.

Журналы за 1905—1906 г.г.

Былое, № 6 [1]. Автобіографія *М. П. Драгоманова;* стр. 182—213.

Землевѣдѣніе, кн. 1—2. *Щеголевъ, Ир.* Черезъ Становой хребетъ. Изысканіе Нельканъ-Аянскаго тракта. Экспедиція 1903 г. (Рядъ этнографическихъ свѣдѣній о тунгусахъ; рисунки). *Д. А.* Переселенія въ Соединенные Штаты въ прежнее и въ настоящее время. *Рецензіи* на: „Записки Кавказск. Отд. И. Р. Г. О-ва", 1905, кн. 1—4; Извѣстія Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О-ва, кн. XV—XIX; С. В. Мартынова. Печорскій Край; Н. И. Березина. Пѣшкомъ къ Карельскимъ водопадамъ; М. А. Круковскаго. Олонецкій край (указана литература); К. Д. Носилова. У Вогуловъ; С. Чичериной. У приволжскихъ инородцевъ; Г. М. Осокина. На границѣ Монголіи; Ritters geographisch-statistisches Lexicon; Partsch, F. Mitteleuropa; Löffler, E. Danemarks Natur und Volk; Lespagnol, S. L'evolution de la terre et de l'homme; Народы Россіи—художественно-этнографическій альбомъ, подъ ред. Н. А. Янчука

Извѣстія Имп. Р. Г. О-ва, вып. 1. *Крапоткинъ, кн., П. А.* Элизе Реклю. (Некрологъ. Перев. съ англійск. *Л. Б.*). Съ портретомъ. *Бергъ, Л.* Библіографія русской географической литературы (съ 1 сент. по 1 дек. 1905 г.). Здѣсь отдѣлы: Этнографія, Археологія, Статистика. *Географическая* литература по даннымъ библіотеки И. Р. Г. О-ва (сент.—декабрь 1905 г.). Здѣсь: ...б) Этнографія, исторія, археологія; в) Статистика.

Извѣстія Отдѣл. Русскаго яз. и Словесности И. А. Н, 1905, кн. 1-я. *Сизовъ, В.* Миніатюры Кенигсбергской лѣтописи. Археологическій этюдъ (Иллюстраціи представляютъ матеріалъ для изученія русскаго быта). *Перетцъ, В.* Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. (Нѣсколько интермедій XVII—XVIII столѣтій). I—VII. *Державинъ, Н.* Замѣтка о болгарскомъ говорѣ с. Терновки Мелитопольск. у., Таврической губ. *Истоминъ, К.* Къ вопросу о редакціяхъ Толковой Палеи. *Георгіевскій, Г.* Двѣ драмы Петровскаго времени. (Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Дѣйствіе объ Эсфири. Отрывокъ изъ неизвѣстнаго дѣйствія. Отрывокъ изъ неизвѣстнаго дѣйствія о Фониліадѣ и Фелдегмерѣ.) *Соболевскій, А.* Древне-кіевскій говоръ. I—III. *Рязановъ, В.* Изъ исторіи русской драмы. „Актъ о Калеандрѣ и Неонилдѣ". К н и ж к а 2-я. *Никольскій, А.* Сказаніе объ обрѣтеніи честныхъ мощей святителя Никиты Новгородскаго чудотворца. *Успенскій, М.* Старообрядческое сочиненіе XVIII столѣтія объ одеждѣ. *Некрасовъ, Н.* О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ русскомъ языкѣ. *Меліоранскій, П.* Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ" (Отвѣтъ Ѳ. Е. Коршу). *Зеленинъ, Д.* Усень-Ивановскій говоръ. *Соболевскій, А.* Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей. *Вилинскій, С.* Вопросъ объ авторѣ „Многословнаго Посланія". *Васильевъ, Л.* Къ исторіи звука ѣ въ московскомъ говорѣ въ XIV—XVII в. Главы I и II. *Виноградовъ, Н.* Народная драма „Царь Максемьянъ и непокорный сынъ его Одольфъ". *Ончуковъ, Н.* Печорская старина (окончаніе въ 3 кн.). *Чернышевъ, В.* Нѣсколько свѣдѣній о бытѣ и говорѣ „шуваликовъ" Верейскаго уѣзда. Рецензіи: *С. Булича* на—А. Погодинъ. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ. Варш. 1903. *Д. Зеленина* на—проф. А. Погодинъ. Сѣверно-русскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка. („Варш. Унив. Изв." 1904). К н и ж к а 3-я. *Погодинъ, А.* Изъ исторіи сношеній финновъ съ индоевропейцами. 1. Когда русскіе столкнулись съ финнами. 2. Русское коврига. 3. Финно-угорское названіе раба. *Яцимирскій, А.* Изъ лингвистическихъ и палеографическихъ наблюденій надъ славянскими надписями румынскаго происхожденія. *Лоренцъ, Ф.* О померельскомъ (древне-кашубскомъ) языкѣ до половины XV столѣтія. (Продолженіе). *Бодуэн-де-Куртене, И.* Нѣсколько случаев психическаго и морфологическаго уподобленія или уподображенія въ терско-славянских говорах сѣверо-восточной Италіи. *Ильинскій, Г.* Средне-болгарскіе листки Ундольскаго XII—XIII в. *Васильевъ, Л.* Богдановскій Златоустъ XVI в. *Виноградовъ, Н.* Ве-

[1] Журналы безъ обозначенія года—1906 г.

ликорусскій вертепъ I—II. Рецензіи: *П. Заболотскаго* на — Literatura česká devatenactého století... *Его-же* на—Dějiny české literatury... *А. Степовича*, на— Новые практическіе славянскіе словари. *В. Перетца* — Замѣтка по поводу изданія „Русскія повѣсти XVII—XVIII вв." I, 1905. Подъ ред. В. В. Сиповскаго. Книжка 4-я *Соболевскій, А.* Нѣсколько рѣдкихъ молитвъ изъ русскаго сборника XIII в. I—VIII. *Китерманъ, Б.* Къ вопросу о длительности звуковъ въ русскомъ яз. *Меліоранскій, П.* Заимствованныя восточныя слова въ русской письменности до-монгольскаго времени. *Истринъ, В.* Редакціи толковой палеи. *Ильинскій, Г.* Софійскій октоихъ XIII в. *Будде, Е.* Къ какому изъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ говоръ современныхъ жителей Брянскаго уѣзда Орловской губ.? *Н. Виноградовъ.* Великорусскій вертепъ. (Описаніе двухъ вертеповъ и библіографія вертепной драмы).

Кіевская Старина, № 1. Воспоминанія и автобіографія одесскаго протоіерея *Н. И. Соколова* (много разнообразныхъ свѣдѣній этнографическаго характера; см. №№ 1—6).—*Левицкій, Ор.* Сговоръ малолѣтнихъ. (Страница изъ исторіи брачнаго права на Украйнѣ XVI в.).—*Абрамовъ, Ив.* О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губ.—Заговоръ отъ бешыхы, записанъ въ д. Ново-Александровкѣ Бахмутск. у., Екатеринославск. г. **№ 2.** *Науменко, В.* Памяти В. Л. Беренштама (съ портретомъ).—*Рклицкій, С.* Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ.—*Даниловъ, Владиміръ.* Народныя картинки на темы изъ украинской жизни.

№ 3 — 4. *Каминскій, Вячеславъ.* Праздникъ Пасхи въ с. Косаревѣ, Дубенск. у., Волынск. губ. (обряды, пѣсни игорныя и хоровыя—всего 20 №№)—*Даниловъ, Владиміръ.* Землякъ и предтеча Гоголя (на стр. 296—297 отмѣченъ этнографическій элементъ и перечислены народн. сцены, вошедшія въ произведенія Нарѣжнаго). — *Барацъ, Г.* Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношенія къ евреямъ и еврейству,—*Свириденко, С.* Памяти И. Я. Рудченка (извѣстнаго въ украинск. этнографіи цѣнными собр. сказокъ и пѣсенъ). Очеркъ. — *Каманинъ, И.* Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ. *Библіографич. замѣтки*—о 2 вып. Описанія рукоп. и бумагъ О-ва Ист. и Древн. Росс. и о Трудахъ Полтавск. ученой архивн. комиссіи. (вып. 2).

№ 5—6. Отчетъ о присужденіи преміи Н. И. Костомарова. *Владиміръ Даниловъ*, рецензія на „Украинске весилля. (Зъ голосами.). Записавъ *Ив. Демченко*". *Вячеславъ Каминскій.* Къ народной демонологіи. *В. Яблоновскій.* Маленькі додатки до матеріалів, записаних в с. Отаках. *Н. Сумцовъ, проф.* Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ харьковскомъ университетѣ. *В. Перетцъ, проф.* Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1—2 (двойной). *Орловъ, А.* Исторія объ Азовскомъ взятіи и осадномъ сидѣніи отъ турскаго царя Брагима.—*Соболевскій, А.* Замѣтка о вятскомъ говорѣ.—*Поливка, Ю.* На всѣхъ не угодишь. Притча А. Сумарокова и ея параллели. — *Ветуховъ, А. В.* Заговоры, заклинанья, обереги и т. п. (продолженіе).

Сообщенія Имп. Правосл. Палестинск. Общ., т. XVII, в. 3. *Соловьевъ, В.* Народныя поговорки о мѣсяцахъ и временахъ года въ Сиріи и Палестинѣ; стр. 378—388.

Ученыя Записки Юрьевскаго Университета, № 1. *Лаппо, И. проф.* Современное состояніе науки Русской Исторіи и задача ея университетскаго преподаванія.

Н. В.

Новости этнографической литературы.

Аракчіевъ, Д. Музыкально-Этнографическіе очерки о грузинской народной музыкѣ. Съ нотами. (Отт. изъ Труд. Музыкально-Этногр. Коммисіи, т I.). М. 123 стр.

Ахелисъ, Т. Соціологія. Популярное изложеніе. Перев. съ нѣмецк. М. Э. Гюнсбурга. 2 изд. Спб.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. (изд.) Латинско-итальянско-славянскій помянальникъ XV—XVI столѣтія, составленный въ области терскихъ славянъ. Спб.

Гельмольтъ, Г. д-ръ. Исторія человѣчества. Т. II. Восточная Азія и Океанія. Индійскій океанъ. Составили

М. Брандъ, проф. К. Вейле, проф. Э. Шмидтъ и д-ръ Г. Шурцъ. Переводъ съ нѣмецк. Б. Ф. Адлера. Е. Л. Петри, Е. М. Романовой и Л. Я. Штернберга, подъ редакцію академика В. В. Радлова. Отдѣльныя приложенія: 10 географическихъ картъ, 6 хромолитографій и 16 гравюръ и автотипій. Спб.

Гнатюк, Володимир. Коломийки, т. II. (XVI-й т. «Этнограф. Збірн.» Наунов. Т-ва імени Шевченка). У Львові. 312 стр.

Грибовская, М. А. Римъ и его окрестности. (Путеводитель). Спб.

Грушевскій, Мих., проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изд. 2-е дополн. Спб.

Его-же. Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. (Глава изъ предъидущ. соч.). Спб.

Гусевъ, П. Практическій путеводитель по Финляндіи. Съ прилож. плановъ, иллюстрацій и карты. Спб.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Подъ ред. проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Т. III, вып. XXII. Спб.

Деличъ, Ф. Библія и Вавилонъ. Перев. съ нѣмецк. бар. А. А. Нольде. Съ 27 рис. Спб.

Диваевъ, А. Этнографическіе матеріалы. Вып. X. Ташкентъ.

Записки Имп. Харьковскаго Университета. Кн. I. 24+130+24+96++32 стр.

Ивановъ, Г. Начальный курсъ географіи. Ч. 2-я. Азія, Африка, Америка, Австралія. (съ рис.) Спб. 132 стр. + 6 картъ.

Качаровъ, Е. Е. Религіи древняго Египта. Спб.

Козловъ, П. К. Монголія и Камъ. Труды экспедиціи И. Р. Г. О-ва, совершенной въ 1899—1901 гг. Т. I, ч. 1—2. Спб.

Костромская Старина. Изд. Костр. учен. Архивн. ком. В. VI. Костр. 284 стр.

Крассовскій, С. О языкахъ и нравахъ. О душевныхъ ощущеніяхъ, связанныхъ съ членораздѣльными звуками. Вып. I. Спб. Стр. 64.

Крымскій, А. Исторія Персіи, ея литературы и дервишской теософіи. Ч. II. Изд. 2-е (предварительное), стр. 6+259. Ч. III. (изд. предварит.), стр. 4+368. М.

Его-же. Арабская поэзія въ очеркахъ и образцахъ, съ прилож. арабск. текста части переведенныхъ образцовъ. Лекціи. М. III+V+346+24 стр.

Его-же. Источники для исторіи Мохаммеда и литература о немъ. Отд. III. Арабскій текстъ избранныхъ главъ изъ ибн-Хишâма. М. 24 стр.

Марръ, Н., проф. Исторія Грузіи. (Культурно-историч. набросокъ). Спб.

Менделѣевъ, Д. Къ познанію Россіи. Съ прилож. карты Россіи. Спб.

Писцовая книга Великаго Новгорода, 1583—1584 г. Съ предисл. *П. Л. Гусева.* В. 1. Спб.

Поликарповъ, Ѳ. Бытовыя черты изъ жизни крестьянъ села Истобнаго, Нижнедѣвицк. у., Воронежской губ. (Изъ „Памятн. кн. Воронежск. г. на 1906 г.“). Воронежъ. 30 стр.

Правила XIV Археологическаго съѣзда въ Черниговѣ въ 1908 г. Протоколы засѣданій Предварит. Комитета 7—9 февр. 1906 г. М. 43 стр.

Пругавинъ, А. С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1896—1899 г. М.

Рудинскій, Николай. Записки земскаго врача. Спб. 198 стр.

Рѣдинъ, Е. К. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ 30-ти-лѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьк.

Сопиковъ, В. С. Опытъ Россійской библіографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указат. *В. Н. Рогожина.* Ч. V. Спб.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Витебской губ. Подъ ред. *А. П. Сапунова.* Витебскъ. 4°. LXXVIII+450 стр. + карта.

Сѣверная морская экспедиція министерства пут. сообщ. на р. Енисей въ 1905 г. (Съ картой и 17 рис.). Спб.

Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочиненіе временъ апостоловъ. Перев. съ греч. проф. *К. Д. Попова.* Изд. 2. М.

Флетчеръ. О государствѣ русскомъ. Изд. 3-е. А. С. Суворина. Спб. 319 стр.

Хащабъ, А. Ѳ. Русско-персидскій словарь. Съ кратк. этимологіей персидскаго языка. Спб.

Щепотьевъ, Левъ. Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, какъ культурный политическій дѣятель XVII вѣка. Спб.

Янчукъ, Н. Князь В. Ѳ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи русской церковной и народной музыки. Съ 3 рис. (Отт. изъ „Труд. Музык.-Этнограф. Ком.“, т. I). М. 19 стр.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О цуканахъ деревни Евфросимовки, Рогозецкой волости, Тимскаго уѣзда, Курской губ. [1]).

Мои свѣдѣнія о цуканахъ деревни Евфросимовки или, по мѣстному произношенію, Апросимовки, Тимскаго уѣзда, Курской губерніи, очень кратки: они касаются одного извѣстнаго мнѣ обычая цукановъ, вопроса объ одеждѣ ихъ и отношенія къ нимъ крестьянъ села Верхнихъ Опочекъ той же губерніи, уѣзда и волости.

Привожу воспоминаніе о фактѣ, имѣвшемъ мѣсто не позже какъ 10—12 лѣтъ назадъ. При погребальномъ звонѣ церковныхъ колоколовъ, я услышалъ издали доносившуюся голосьбу нѣсколькихъ женщинъ,—несли покойника въ церковь. По мѣрѣ приближенія процессіи къ церкви голосьба усиливалась. Со входомъ въ церковь она затихла. Послѣ отпѣванія, погребенія и поминовенія я услышалъ раздавшіяся у церкви веселыя пѣсни, по мелодіи похожія на тѣ, которыя не разъ я слышалъ въ Опочкахъ въ свадебныхъ поѣздахъ. Пѣсни удалялись отъ церкви. Необычайность явленія меня заинтересовала, такъ какъ опоченскія дѣвушки и женщины „играть", по ихъ выраженію, т. е. пѣть пѣсни, у церкви сочли бы грѣхомъ. Мое недоумѣніе разрѣшилъ мнѣ крестьянинъ, старожилъ села Опочекъ, давшій такое объясненіе пѣснямъ: „это поютъ апросимовскіе цуканы. Они, когда несутъ покойника хоронить, то голосятъ на все село; а какъ только похоронятъ, то у церкви же начинаютъ пѣть пѣсни и съ пѣснями возвращаются домой". Теперь, вспоминая о тѣхъ голосахъ, я думаю, что группа женщинъ была довольно значительная и что могли хоронить дѣвушку, такъ какъ въ опоченскомъ приходѣ, въ случаѣ смерти дѣвушки принято приглашать въ носильщицы именно дѣвушекъ. и только въ виду труднаго пути, по причинѣ грязи или сильной стужи, несутъ мужчины. Былъ ли этотъ обычай при всякомъ погребеніи и сохраняется ли онъ теперь,—говорить объ этомъ я не имѣю дан-

---

[1]) Сообщеніе, сдѣланное въ собраніи Географическаго Общества въ Спб. 5 мая 1906 года.

ныхъ, но полагаю, что онъ вымираетъ, какъ въ виду неодобренія его со стороны духовенства, такъ и въ виду несоотвѣтствія обычаямъ опоченскихъ прихожанъ.

Я не представляю себѣ никакихъ отличій въ одеждѣ цукановъ, и думаю, что ихъ нѣтъ вовсе; по крайней мѣрѣ особыхъ одеждъ, съ особыми названіями, у евфросимовскихъ цукановъ я не видѣлъ. Но мнѣ вспоминается не разъ слышанное выраженіе: „подпоясался, какъ цуканъ“ и подобныя. Этотъ способъ опоясыванья состоитъ въ томъ, что поясъ лежитъ большею частью очень свободно и, главное, такъ низко что туловище человѣка кажется непропорціонально большимъ, сравнительно съ нижней частью тѣла. Самъ я не замѣчалъ такого отличія у цукановъ сравнительно съ опоченскими крестьянами—„мужиками“, какъ они называютъ себя, въ отличіе отъ цукановъ; но выраженіе даетъ основаніе предполагать, если не о настоящемъ, то по крайней мѣрѣ о недавно бывшемъ отличіи цукановъ въ манерѣ одѣваться.

Не разъ я слышалъ у опоченскихъ крестьянъ бранныя слова: „цуканъ“, „цуканиха“, „цуканенокъ“, за которыя каждый изъ опоченскихъ крестьянъ почувствовалъ бы большую обиду. Къ характеристикѣ отношеній „мужиковъ“ села Опочекъ къ „цуканамъ“ деревни Евфросимовки мнѣ вспоминается сообщеніе о томъ, какъ опоченская дѣвушка, Татьяна Звонарева, была выдана замужъ за евфросимовскаго цукана: „плакала бѣдная: шла къ цуканамъ да еще въ большую семью“. „Итти къ цуканамъ“ связано съ представленіемъ: „итти къ чужимъ, къ грубымъ, *темнымъ*“, только нужда, бѣдность и сиротство заставили дѣвушку согласиться на предложеніе цукана, въ иномъ положеніи она воспротивилась бы желанію родныхъ. Отъ опоченскихъ крестьянъ я слышалъ далеко не лестные отзывы о цуканахъ; мнѣ говорили объ ихъ воровствѣ, какъ будто обычномъ въ ихъ жизни. Но возможно, что такія отношенія касаются главнымъ образомъ ихъ бывшихъ господъ, не забывающихъ старыхъ временъ и съ неохотою признающихъ свободу крестьянъ. Личныя отношенія могли создавать неуваженіе къ собственности.

Евфросимовка расположена при пересѣченіи двухъ широкихъ шляховъ: Курскъ—Воронежъ и Ливны—Старый Осколъ, съ продолженіемъ на югъ. До проведенія окрестныхъ желѣзныхъ дорогъ, 10—15 лѣтъ назадъ, это было бойкое мѣсто по проѣзду преимущественно хлѣбныхъ обозовъ.

Грамотныхъ среди цукановъ мало: въ деревнѣ изъ 30—40 дворовъ школы нѣтъ, а ближайшія сельскія школы, опоченскія и рогозецкія, находятся на разстояніи 4—5 верстъ.

Въ разстояніи 6 — 7 верстъ отъ Евфросимовки есть село Городище, Курской же губерніи. И тамъ есть цуканы, и тоже бывшіе крѣпостные. О нихъ я не имѣю свѣдѣній кромѣ того, что они какъ будто предпріимчивѣе опоченскихъ мужиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются приготовленіемъ крестьянскихъ земледѣльческихъ орудій, другіе стараются увеличить свои земельные надѣлы покупкою земли у крестьянъ-частновладѣльцевъ. При поверхностномъ знакомствѣ казалось, что у нихъ меньше проявленій пьянства, чѣмъ это замѣтно у крестьянъ села Опочекъ.

Къ сожалѣнію, мое знакомство съ цуканами Курской губерніи не руководилось побужденіями изслѣдователя. Питаю надежду, что о всякомъ наблюденіи, касающемся мало извѣстной въ наукѣ группы среднерусскаго населенія, буду имѣть возможность сообщить дополнительно.

Андрей Сидоровъ.

Цѣлебныя деревья въ Бѣлоруссіи.

Деревья съ цѣлебными дырами не рѣдки въ восточной части Игуменскаго уѣзда. Такъ, въ мѣстности около села Капланцевъ, Погостской волости, на разстояніи 3 — 5 верстъ одно отъ другого находятся три такихъ дерева. Впрочемъ, одно изъ нихъ — по дорогѣ изъ м. Березино въ с. Капланцы—сожжено молніей, а когда-то, когда оно еще было цѣло, оно пользовалось большою славою. Около него въ извѣстные дни года устраивались настоящія празднества: съѣзжались крестьяне изъ окрестныхъ деревень, тутъ происходилъ кирмашъ...

Такъ говорили крестьяне, разсказывавшіе про это дерево. Теперь въ этой мѣстности осталось два дерева съ цѣлебными дырами. Одно на открытомъ берегу рѣки Клевы противъ с. Капланцевъ—могучая липа съ дырою, прогнившею и обожженною, на высотѣ полуаршина надъ землею. Другое находится въ одной верстѣ отъ деревни Милостовъ, на опушкѣ большого болотистаго лѣса. Это послѣднее пользуется бо́льшей цѣлебной славой, чѣмъ первое. Его знаютъ всѣ, но чужаку не особенно охотно показываютъ. Изъ разспросовъ мѣстныхъ крестьянъ выяснилось, что оно исцѣляетъ отъ психическихъ недуговъ: отъ „пирапу́га", отъ „гля́за", „радзи́мчика" и т. под. Оно помогаетъ безъ различія и дѣтямъ, и старикамъ, и мужчинамъ, и женщинамъ. Лѣчатся такимъ образомъ: больной приходитъ или его приносятъ (если малолѣтенъ или слабъ) къ дереву и затѣмъ онъ или самъ пролѣзаетъ въ дыру, или его протаскиваютъ сквозь нее. Послѣ этого онъ разрываетъ на себѣ ту часть одежды, которая находится на больномъ мѣстѣ тѣла. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ — это рубашка, такъ какъ душа, по мнѣнію бѣлорусса, находится въ груди, а отъ „души́" онъ и лечится деревомъ. Но случается, что разрывается шапка или чепчикъ. Разорванную часть одежды бросаютъ около дерева и надѣваютъ новую, взятую спеціально для этого съ собою. Народное повѣріе гласитъ, что взявшій разорванную одежду около дерева заболѣетъ тою именно болѣзнью, которою былъ боленъ ея прежній обладатель.

Не безынтересно, что иногда цѣлебныя дыры въ деревьяхъ постепенно продѣлываются самими крестьянами. Такъ, по дорогѣ изъ с. Капланцевъ въ д. Милостовъ, въ лѣсу, около самой дороги, есть дерево, въ которомъ на высотѣ 1 аршина отъ земли есть уже довольно большое выжженное углубленіе, которое современемъ перейдетъ въ дыру, и толпы бѣлоруссовъ потянутся къ нему за исцѣленіемъ.

В. Костко.

Пельмени и колдуны.

Въ издающемся теперь (3-мъ изданіемъ) „Толковомъ Словарѣ живого великорусскаго языка *Владиміра Даля*“, подъ редакціею проф. *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ*, подъ словомъ „колтуны“ (т. II, столб. 362), мы прочитали слѣдующее замѣчаніе редактора словаря: „пельмени подаются въ супѣ, т. е. вмѣстѣ съ водою, въ которой готовились, а колдуны безъ нея“. Не знаемъ, насколько вѣрно такое замѣчаніе для гор. С.-Петербурга, но если имѣть въ виду родину пельменей, т. е. Уральскій край, а равно и весь сѣверо-востокъ Европейской Россіи вмѣстѣ съ Сибирью, то замѣчаніе это будетъ совершенно невѣрнымъ. Въ указанныхъ мѣстностяхъ пельменей никогда не подаютъ въ супѣ. Даже напротивъ, почти исключительно для пельменей имѣется на востокѣ Россіи особый видъ ложки (носящій татарское имя *кашикъ*) съ отверстіями, чтобы можно было вынуть сварившіеся пельмени изъ кастрюльки безъ воды. Ѣдятъ пельмени съ уксусомъ и перцемъ.[1])

Заговоривъ о новомъ изданіи знаменитаго словаря В. И. Даля, мы позволимъ себѣ, попутно сдѣлать нѣсколько замѣчаній по адресу редакціи этого новаго изданія.

Какъ извѣстно, въ новое изданіе входятъ также и всѣ тѣ слова изъ „Опыта Областного Словаря“ и изъ „Дополненія“ къ этому „Опыту“. За такое нововведеніе можно только благодарить редакцію. Но можно удивляться, почему къ заимствуемымъ изъ названныхъ источниковъ словамъ редакція не примѣняетъ той системы значковъ, которая примѣняется къ содержанію самаго словаря Даля. Въ виду мы имѣемъ восклицательные знаки, которыми редакція отмѣчаетъ сомнительныя слова.

Изъ „Дополненія къ Опыту Обл. Сл.“ взято, напримѣръ, слово *кады́къ* въ значеніи „брюхо“. Значеніе крайне сомнительное, тѣмъ болѣе, что приведенная въ оправданіе его фраза „набилъ-бы ты кадыкъ-то щамъ“ нисколько его не подтверждаетъ: *кадыкъ* здѣсь легко можетъ имѣть обычное бранное значеніе „горло“. Приведенная фраза сказана была, вѣроятно, во время обѣда какому-либо многоглаголивому субъекту и означала: „замолчалъ-бы ты лучше!“ Если же понимать слово *кадыкъ* въ смыслѣ „брюхо“, то получается безсмыслица.

Другой случай. Изъ „Опыта Обл. Сл.“ взято опущенное Далемъ совсѣмъ слово *камо́жка* „болотистое мѣсто; грязная лужа“ (причемъ изъ трехъ губерній, которыми помѣчено это слово въ „Опытѣ“ названа почему-то только одна). Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ невѣрно прочитаннымъ сло-

---

[1]) По собраннымъ нами отъ разныхъ лицъ свѣдѣніямъ, пельмени, какъ въ Сибири Западной, такъ и во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи подаются вмѣстѣ съ водою, въ которой они варились. Перецъ и уксусъ для большинства крестьянъ недоступны. А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ объ нихъ даже не знаютъ, какъ о приправѣ къ кушаньямъ. *Н. В.*

вомъ (или опечаткой?): *калюжка*. Послѣднее слово весьма распространенное (уменьшительное къ *калюга*—то же, что калуга [1]). —На нашъ взглядъ, подобныя слова лучше было-бы совсѣмъ опускать, чтобы не вводить въ заблужденіе читателя. Тѣмъ болѣе, что пропуски въ такихъ случаяхъ (не знаемъ: намѣренные или не намѣренные) въ новомъ изданіи все-же встрѣчаются. Такъ, изъ „Дополненія къ Опыту" не внесено слово (пермское) *Калу́па* „изсохшая кора дерева" [2]).

„Опытъ Обл. Словаря" печатался еще въ то время, когда нынѣшняя Уфимская губернія входила, какъ часть, въ губернію Оренбургскую. Въ виду этого въ „Опытѣ" мы встрѣчаемъ иногда отмѣтку: „*Оренб. Уфим.*", чтó нужно понимать: Оренбургской губерніи Уфимскій уѣздъ. Въ словарѣ Даля уѣздъ не отмѣчается, а только губернія. Приведенную отмѣтку „Опыта" редакція 3-го изданія вноситъ въ словарь въ видѣ: „Оренб.", т. е. Оренбургск. губ. (напр. s. v. *казёнка*). Читатель опять введенъ въ заблужденіе.

Д. Зеленинъ.

Къ вопросу о происхожденіи и значеніи имени „тунгусъ". Въ статьѣ г. *Ир. Щеголева* „Черезъ становой хребетъ" (см. „Землевѣдѣніе", 1906 г., кн. I и II, стр. 81) есть нѣсколько строчекъ по данному вопросу. „На вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „тунгусъ",—Трубачевъ (родомъ тунгусъ),—разсказалъ... цѣлую исторію. Тунгусовъ стали называть этимъ именемъ со времени крещенія. Крестили ихъ цѣлыми толпами. Священники и казаки, снявши съ нихъ рубахи, производили обрядъ крещенія. Ни священники, ни казаки (по словамъ разсказчика) ни по-тунгузски, ни по-якутски не знали. Какъ-то во время крещенія въ избу вбѣжали дѣти и, держа въ рукахъ бѣлку, попавшую въ „черканъ", кричали: „тонг-мутъ", что значитъ „замерзшій", такъ какъ бѣлка дѣйствительно успѣла замерзнуть. Съ тѣхъ поръ русскіе стали называть тунгусовъ этимъ именемъ (сравн. Этнограф. Обозр. 1905, кн. 4).

Въ Челябинскомъ у. Оренбургской губ., близь станицы Печенкиной (Мордвиновка) есть урочище **Тунгузлы**,—огромное (ок. 30 кв. вер). высохшее озеро. („Землевѣдѣніе", 1906, I—II, стр. 25, статья г. *Ипп. Крашенинникова*). *V.*

Игры дѣтей въ С.-Петербургѣ [3]).

Уличныя дѣти играютъ теперь не въ войну, а въ убійство. Г-жа Лухманова воспроизвела такую игру въ „Пет. Газ." „съ стенографи-

---

[1]) Подобная же исторія случилась съ словомъ *калитка* (Жив. Стар. 1895 г., стр. 378: напечатано *каметка*).

[2]) Во II т. третьяго изд. „Словаря" В. Даля, столб. 362, напечатано: „*Колупа ж, прм.* содранная и засохшая кора древесная". (1 и 2 строк снизу). *Н. В.*

[3]) Срвн. „Жив. Ст.", 1-й вып. текущаго года, отд. „Смѣси".

ческою точностью". Заранѣе распредѣляются роли: кому быть буржуазнымъ обывателемъ, кому хулиганомъ, кому городовымъ.

Дѣвочка (символизировавшая очевидно идеалъ буржуазнаго благополучія), семеня ножками и прижимая къ груди скомканный подолъ платья, долженствовавшій изображать мѣшочекъ, пошла на встрѣчу хулиганамъ.

Когда Васька поровнялся съ ней, онъ вдругъ схватилъ ее за горло и, крикнувъ:—отдай деньги!—началъ трясти ее.

Дѣвочка отчаянно завизжала и стала отбиваться.

Васька нагнулся, сдѣлалъ видъ, что достаетъ изъ-за голенища ножъ, занесъ руку сверху внизъ, ударилъ ее въ грудь.

Дѣвчонка съ крикомъ:—убили! убили!—покатилась въ канаву и оттуда вполголоса кричала другому мальчугану: —Федька, Федька, кричи: Городовой! Женщину убили! кричи!

— Зеньсцину убили! Зеньсцину убили! Голодовой!

Толстый Ванька опустилъ глаза и зашагалъ къ жертвѣ, лежавшей въ канавѣ.

— А вы теперь всѣ его ножемъ, ножемъ, — шипѣла дѣвчонка.

Ванька нагнулся „къ трупу", но тутъ на него налетѣли „хулиганъ" и „мастеровщина", руки поднимались и опускались, изъ груди дѣтей вырывались дикіе, свирѣпые крики, и городовой въ свою очередь растянулся у канавы... „Айда! бѣжимъ, братцы!" — крикнулъ Васька и преступники, какъ воробьи, разлетѣлись по дворамъ. За ними съ веселымъ визгомъ помчались и оба убитые...

V.

Курьезное дѣло. Въ 1888 году въ бывшемъ для разбора прежнихъ дѣлъ и нынче уже упраздненномъ V департаментѣ сената между прочимъ разсматривалось дѣло о томъ, какъ одна женщина, будучи вѣдьмой, вылетѣла на метлѣ въ трубу, что было засвидѣтельствовано 30-ю свидѣтелями, видѣвшими это событіе собственными глазами. По разсмотрѣніи этого дѣла, оренбургская соединенная палата гражданскаго и уголовнаго суда примѣнила къ обвиняемой статью закона о колдовствѣ. Сенатъ же, пересмотрѣвъ это дѣло, рѣшилъ, что въ данномъ случаѣ должно быть примѣнено наказаніе не за колдовство, а за недозволенное администраціей театральное представленіе.

N.

Хроника.

Пятидесятилѣтній юбилей служебной дѣятельности Д. Ѳ. Кобеко. 4 іюня исполнилось пятидесятилѣтіе службы директора Императорской Публичной библіотеки, члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Дмитрія Ѳомича Кобеко. Онъ родился въ 1837 г., воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и, по окончаніи курса въ 1856 г., поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Въ 1902 г., по смерти Н. К. Шильдера, онъ былъ назначенъ директоромъ Публичной библіотеки. Несмотря на обширность и сложность служебныхъ занятій, Д. Ѳ. Кобеко посвящалъ все свободное время историческимъ разысканіямъ. Начиная съ 1858 г., труды его появляются въ различныхъ историческихъ и ученыхъ журналахъ: „Русскомъ Архивѣ", „Русской Старинѣ", „Историческомъ Вѣстникѣ", „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія", „Библіографическихъ Запискахъ", „Запискахъ археологическаго общества" и др. Капитальный трудъ Д. Ѳ.: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", удостоенный академіей наукъ Уваровской преміи, выдержалъ три изданія. Всѣ изслѣдованія Д. Ѳ. отличаются новизной матеріаловъ, ихъ тщательнымъ подборомъ и правильнымъ, строго научнымъ освѣщеніемъ. Д. Ѳ. обладаетъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ частныхъ библіотекъ, которую онъ принесъ въ даръ Русскому историческому обществу. Служащіе въ Публичной библіотекѣ испросили разрѣшеніе на помѣщеніе и помѣстили портретъ его въ одной изъ библіотечныхъ залъ. Депутація отъ Александровскаго лицея поднесла юбиляру адресъ съ изложеніемъ его выдающихся заслугъ.

† **Соколовъ, М. И.** Скончавшійся скоропостижно 16 іюня деканъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, славистъ Матвѣй Ивановичъ Соколовъ, занималъ каѳедру русскаго языка и словесности. Покойный ученый родился въ 1854 г. въ Ярославской губ., въ с. Спасскомъ, и первоначальное образованіе получилъ въ ярославской духовной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Будучи студентомъ, написалъ сочиненіе „Изъ древней исторіи болгаръ", за которое былъ удостоенъ золотой медали. По окончаніи курса университета въ 1879 г. со степенью кандидата былъ приглашенъ въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородка для чтенія лекцій по русской словесности. Въ 1886 г. М. И. Соколовъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ юго славянскія земли для изученія мѣст-

ныхъ памятниковъ древней письменности. Результатомъ этой командировки явился трудъ: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“, въ которыхъ впервые изданъ рядъ новыхъ текстовъ и данъ подробный ихъ анализъ. За это сочиненіе М. И. былъ удостоенъ степени магистра славянской филологіи и, кромѣ того, получилъ Уваровскую премію. Въ 1889 г. М. И. Соколовъ перешелъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Московскій университетъ на каѳедру исторіи русской литературы, которую занималъ до самой кончины. Покойный горячо увлекался своимъ предметомъ и постоянно шелъ впередъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. За цѣнныя научныя работы онъ былъ удостоенъ honoris causa степени доктора русской словесности и званія ординарнаго профессора. Въ 1891 г. М. И. напечаталъ неизвѣстное до тѣхъ поръ сочиненіе Ю. Крижанича: „О соединеніи церквей“, издалъ съ научными предисловіями: „Переписныя книги Костромского Ипатьевскаго монастыря, 1595 г.“, „Слава Россійская, комедія 1724 г.“, „Болгарская письменность“, „Стефанъ Душанъ“ и многія другія. М. И. Соколовъ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ славянской комиссіи императорскаго московскаго Археологическаго общества. (Истор. Вѣстн.).

† **Меліоранскій, П. М.** скоропостижно скончался 16 мая 1906 г. Покойный, профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ турецко-татарской словесности, родился въ 1868 г. Первымъ научнымъ трудомъ его, написаннымъ еще на студенческой скамьѣ, были: „Киргизскія пословицы и поговорки съ толкованіями ихъ“. Эта работа явилась результатомъ его командировки въ Тургайскую область. Въ 1899 г. имъ была защищена магистерская диссертація—„Памятники въ честь Кюль-Тагина“, а въ 1901 г.—докторская: „Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ“. Изъ другихъ его работъ слѣдуетъ отмѣтить: „Отрывки изъ сочиненій Абуль-Гази“, „Сказаніе о пророкѣ Салихѣ“, „О кудатку Биликѣ Чингизъ-ханѣ“ и „Турецкіе элементы въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ“. Имъ же была составлена грамматика Киргизскаго языка.

† **Вессель, Николай Христіановичъ** скончался 2-го іюня, 72 лѣтъ отъ роду. Покойный заслужилъ себѣ почетное имя въ журналистикѣ и педагогіи. Въ числѣ прочихъ его работъ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить собранія пѣсенъ, изданныя имъ вмѣстѣ съ Е. К. Альбрехтомъ: „Гусельки“, 128 колыбельныхъ и народныхъ пѣсенъ; „Сборникъ солдатскихъ пѣсенъ“; „Школьныя пѣсни“ (всѣ изданы въ 1888 г.). Вообще это былъ образованный и разносторонній писатель и педагогъ, много поработавшій на пользу образованія народныхъ массъ.

† **Сергѣй Николаевичъ Кривенко** скончался 5 іюня въ пос. Туапсе, Черноморской губерніи. Онъ оставался однимъ изъ послѣднихъ могиканъ народничества и былъ очень близокъ къ Салтыкову, Некрасову, Елисѣеву—вообще кружку, группировавшемуся около „Отечественныхъ Записокъ“. Много занимался журнальной работой. Изъ отдѣльныхъ его работъ болѣе извѣстны очерки „Культурные скиты“ и „Культурныя одиночки“, а также „Сборникъ объ артеляхъ“.

Искренно и глубоко убѣжденный въ правотѣ народныхъ устоевъ: общины, артели, трудового начала и всеобщаго теперь лозунга освободительнаго движенія—„Земля трудящемуся народу", С. Н., не смотря на болѣзнь, не переставалъ работать до конца своей жизни и живо инсересовался событіями послѣдняго времени. Еще въ 1905 г. въ „Русской Мысли" были помѣщены его статьи по крестьянскому вопросу. Покойный былъ очень скроменъ, поэтому большая часть его работъ появлялась безъ подписи. (Его некрологъ см. „Наша Жизнь", 1906, № 465).

† **Н. П. Собко.** Трагически погибшій подъ поѣздомъ, въ „Райволѣ", Николай Петровичъ Собко родился въ 1851 году.

Съ 1892 года Н. П. редактировалъ журналъ „Искусство и художественная промышленность".

Покойнымъ издана масса статей по библіографіи.

Изъ научныхъ трудовъ Н. П. выдѣляются: „Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границей въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ", „Русскіе и славянскіе календари и мѣсяцесловы за 100 лѣтъ (1725—1825)", „Словарь русскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней". Н. П. принадлежитъ масса иллюстрированныхъ каталоговъ художественныхъ выставокъ и между прочимъ, каталогъ всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 года.

† **Проф. А. Калина**, род. 23 мая 1846 г. въ Познанскомъ, умеръ 3 мая 1906 г. во Львовѣ.

Покойный былъ лучшимъ представителемъ немногочисленной группы польскихъ славистовъ и піонеромъ польской этнографіи въ восточной Галичинѣ. Какъ славистъ, онъ отличался той аккуратностью, ясностью и глубиною изслѣдованія, какую даютъ ученымъ нѣмецкая школа и основательное изученіе предмета; какъ этнографъ, онъ—прежде всего любилъ народную массу во всѣхъ проявленіяхъ ея умственной жизни и вѣрилъ въ будущее своей молодой науки. Послѣднія качества галицко-польскаго этнографа приходится намъ потому выдвигать на видное мѣсто, что покойному пришлось бороться противъ многихъ—препятствій, пока основанные имъ во Львовѣ Towarzystwo ludoznawcze и его журналъ Lud (1895 г.) отвоевали себѣ у польскаго общества надлежащее вниманіе. Слѣдуетъ отмѣтить, что польское общество отнеслось къ горсточкѣ этнографовъ, сгруппировавшихся въ Towarzystwie, какъ къ политической партіи chłopoman-овъ (народниковъ) — вродѣ Чарноцкаго-Ходаковскаго, Залѣскаго, Паули. Новизна этнографическихъ занятій, собственно же непривычка относиться къ этнографіи, какъ къ наукѣ, тоже не могла способствовать развитію новооснованнаго во Львовѣ T-wa. Покойный, несмотря на свои учено-профессорскія занятія въ университетѣ и ученыхъ изданіяхъ, все еще успѣвалъ издавать этнографическій органъ Lud, являясь авторомъ, редакторомъ, рецензентомъ и ученымъ корректоромъ этого изданія. Усилія увѣнчались успѣхомъ: Towarzystwo ludoznawcze привлекло, наконецъ, массу членовъ изъ всей Галичины, поляковъ и русиновъ; въ провинціи образовались отдѣленія T-wa; появились и хорошіе сотрудники — и нынѣ судьба T-wa и его органа обезпечена помимо какихъ-либо посторон-

нихъ субсидій. Главное же—Lud является лучшимъ представителемъ польской сравнительной этнографіи.

Ученые труды А. Калины были посвящены изложенію и освѣщенію преимущественно вопросовъ старопольщины и популяризаціи главнѣйшихъ вопросовъ славистики. Получивъ на основаніи докторской диссертаціи „De fontibus apud veteres scriptores, qui ad Sauromatharum rem pertinent“ степень доктора философіи въ Галльскомъ университетѣ, покойный занимался 1873-76 г. въ Прагѣ, Бѣлградѣ и С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ Гебауера, Даничича, Новаковича, Срезневскаго и Ламанскаго чешскимъ, сербскимъ, русскимъ и старославянскимъ языками. Въ то же время онъ знакомился практически съ нарѣчіями и говорами этихъ странъ, странствуя по Чехіи, Моравіи, Силезіи, Словачинѣ, Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ. Больше всего однако дало ему пребываніе въ С.-Петербургѣ. Здѣсь занялся онъ изученіемъ старопольскихъ памятниковъ XV—XVI вв.: Sprawa chędogo o męce Pana chrystusowey, Confessio generalis (ркп. Импер. Публ. Б-ки), Roty przysiąg sądowych—что и было имъ издано въ Ягичевомъ Archiv-ѣ (III, VI) въ статьѣ Anecdota palaeopolonica; въ IV-омъ томѣ Archiv-a далъ онъ статью „Ueber die Schreibung der Nasalvocale in den altpolnischen Denkmälern“.

Въ 1878 г. А. Калина получилъ veniam legendi (право чтенія лекцій въ университетѣ) во Львовѣ. На основаніи габилитаціонной диссертаціи—Rys historyi samogłosek staropolskiego języka w porównaniu z innymi językami. Съ этого времени начинается самый тяжелый періодъ въ жизни покойнаго: безплатная доцентура въ университетѣ цѣлыхъ 10 лѣтъ и рядъ главнѣйшихъ ученыхъ работъ. Сюда принадлежатъ — 1880 г. Rozbiór krytyczny pieśni Bogarodzicy, образовавшейся изъ ряда подходящихъ пѣснопѣній XIV в.; эта работа является одной изъ капитальныхъ предшественницъ розысканій проф. Брикнера и Брухнальскаго; 1882 г.—La langue des Tziganes slovaques; 1883—*Historya języka staropolskiego* (морфологія): послѣ поѣздки въ Болгарію, Румелію и Турцію 1885 г.—*Studya nad historyą języka bułgarskiego* (Rozprawy i Sprawozdania Krak. Akad. Um. XIV и XV т.). Наконецъ, послѣ этихъ работъ получилъ А. Калина экстраординатуру въ 1888 г., ординатуру же только въ 1892 г. Чтобы дать болѣе полное представленіе о работахъ покойнаго, приведемъ еще заглавія нѣкоторыхъ. Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskilj (Prace filolog. II, III); Komedya o mięsopuście XVI w. (ibid II.); Prostych ludzi w wierze nauka—dyalog XVI w. (ibid. III.)—1881 г.; Jana Parum Szulcego słownik języka połabskiego (Rozpr. wydz. filolog. III, VI); Mowa Kaszubska jako narzecze języka polskiego (Prace fil. IV.). Изъ популярно-научныхъ назовемъ: System konjugacyi polskiej (Muzeum V.); O tłumaczeniu pisma św. na język słowiański przez ss. Cyryla i Metodego, O wynalezieniu pisma słowiańskiego przez ss. Cyryla, W sprawie autentycznosci rękopisu Królodworskiego (Przegl. powsz. 1885-87 г.). Сюда принадлежатъ и его главнѣйшія рецензіи — Исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича (Ateneum 1880, II.) и изданія Jana Kochanowskiego pieśni o sobotce (Przegl. powsz. 1885, I.).—Статьи, напечатанныя покойнымъ въ собственномъ органѣ Lud, соединяли его лингвистическіе интересы съ этнографіей: Program badań języka polskiego, о собираніи мате-

ріаловъ по діалектологіи, обзоръ новѣйшихъ изученій „пра"-славянъ.

Основательное знаніе исторіи славянской филологіи, особенно же польской обратило на покойнаго вниманіе какъ польскаго, такъ и славянскаго ученаго міра: онъ былъ избранъ въ члены Краковской Академіи Наукъ, познанскаго Towarzystwa przyjaciół nauk, вѣнскаго центральнаго комитета фольклорнаго общества и редакторы словаря польскихъ нарѣчій послѣ смерти Карловича.

(Библіографія трудовъ А. Калины издана д-ромъ Л. Финклемъ въ Historyi uniwersytetu lwowskiego, II. ст. 273—76; некрологи были напечатаны въ Lud 1906, II и Muzeum 1906, V.).

И. С.

Третій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ (въ гор. Владимірѣ на Клязьмѣ). Въ губернскомъ гор. Владимірѣ въ 20—26 числахъ іюня мѣсяца состоялся третій областной историко-археологическій съѣздъ, предназначавшійся еще на прошлый 1905 годъ. Всего собралось до 158 членовъ: изъ Владиміра (43), С.-Петербурга (23), Москвы (15), Костромы (8), Кіева (6), Твери, Нижняго Новгорода и слободы Мстеры (по 4), Орла, Воронежа, Сергіева посада (по 3), Казани, Харькова, Тулы, Рязани, Симбирска, Мурома, Кашина, Холуя (по 2), Ярославля, Варшавы, Вологды, Екатеринослава, Курска и др. гор. (по 1). Къ членамъ архивныхъ комиссій, функціонирующихъ въ районѣ бывшей Ростово-Суздальской области, участникамъ съѣзда, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, присоединились профессора университетовъ, академій, институтовъ изъ С.-Петербурга и Москвы и многіе дѣятели изъ другихъ губерній, сообщавшіе свои доклады и приносившіе въ сокровищницу науки свои изслѣдованія и работы, а именно: директоръ Археологическаго Института Н. В. Покровскій, ординарный академикъ А. И. Соболевскій, профессора С. Ф. Платоновъ, И. А. Шляпкинъ, Д. И. Абрамовичъ, А. П. Вороновъ, Ф. Н. Витбергъ (С.-Петербургъ), А. П. Голубцовъ, И. М. Громогласовъ, Д. И. Иловайскій (Москва), М. В. Довнаръ-Запольскій, А. А. Дмитріевскій, Г. Г. Павлуцкій (Кіевъ), А. В. Михайловъ (Варшава), В. А. Нарбековъ (Казань), В. Е. Данилевичъ (Харьковъ), А. А. Павловскій (Одесса), М. Н. Бережковъ (Нѣжинъ). Въ съѣздѣ приняли участіе и лица женскаго пола, какъ-то: графиня П. С. Уварова, М. Д. и П. И. Ивановы, Н. С. и В. С. Платоновы, С. В. Никонова, Н. П. Кулаковская, М. А. Холоднякъ и др. Число посѣщавшихъ засѣданія съѣзда простиралось до 200 лицъ обоего пола.

19-го іюня вечеромъ состоялось засѣданіе Организаціоннаго Комитета совмѣстно съ гг. членами съѣзда, прибывшими во Владиміръ. На немъ единогласно избраны—предсѣдателемъ съѣзда Н. В. Покровскій, секретарями: Н. В. Малицкій и В. Г. Добронравовъ; предсѣдателями отдѣловъ: I (Первобытныя древности)—И. А. Ивановъ, II (Областная исторія)—С. Ф. Платоновъ, III (Памятники церковной и гражданской старины)—И. А. Шляпкинъ, IV и V (Живая старина и Областная этнографія)—А. И. Соболевскій, VI (Вопросы архивовѣдѣнія)—А. П. Вороновъ, и VII (Архивныя комиссіи и ихъ современное положеніе)—А. В. Селивановъ.

20 іюня въ 1 часъ дня послѣ молебствія, совершеннаго въ залѣ Дворянскаго собранія епископомъ Александромъ въ присутствіи администраціи и представителей города и земства, вице-губернаторомъ И. Н. Сазоновымъ съѣздъ былъ объявленъ открытымъ. Предсѣдатель Н. В. Покровскій въ своей рѣчи отмѣтилъ, что во Владимірѣ сохранились памятники древнѣйшей церковной архитектуры, живописи и даже эмали. Систематическое изученіе ихъ началось уже со времени перваго археологическаго съѣзда, т. е. съ 1869 г. Настоящій съѣздъ пойдетъ по намѣченному пути, и его задачи сводятся къ тому, чтобы облегчить труды мѣстныхъ дѣятелей и одобрить безкорыстныхъ и скромныхъ тружениковъ на новые подвиги служенія національной наукѣ, указующей прямые пути къ истинѣ, оживить въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ, знаніе которой составляетъ основу истиннаго просвѣщенія и помогаетъ уясненію путей грядущаго. Послѣ рѣчи привѣтствовали съѣздъ Владимірскій городской голова Н. Н. Сомовъ и Нижегородскій А. М. Меморскій, затѣмъ слѣдовали привѣтствія Костромской ученой архивной комиссіи и телеграммы отъ Владимірскаго губернатора И. М. Леонтьева, графини П. С. Уваровой, И. Г. Забѣлина и др. Въ концѣ засѣданія были сообщены некрологи проф. М. И. Соколова и Н. М. Бекаревича. Вечеромъ въ тотъ же день начались засѣданія секцій съѣзда.

Утреннихъ и вечернихъ засѣданій всего было 9, въ теченіе которыхъ прочитано 37 докладовъ, и около 20 за недостаткомъ времени остались не доложенными.

По отдѣлу I-му (Первобытныя древности) заслушаны были доклады П. Ѳ. Симсона, И. А. Тихомірова, А. В. Селиванова. В. Р. Апухтина и В. Н. Мальковскаго. П. Ѳ. Симсонъ въ первомъ своемъ докладѣ познакомилъ членовъ съѣзда съ открытой имъ стоянкой каменнаго вѣка подъ Зубцовымъ Тверск. губ., а во второмъ сообщилъ о найденномъ имъ на берегахъ Волги ниже Ржева молотѣ, который, по мнѣнію референта, принадлежитъ къ боевымъ. И. А. Тихоміровъ, на основаніи разныхъ видовъ похоронной обстановки у древнихъ насельниковъ Руси, пришелъ къ выводу, что Ярославскіе курганы первые насыпали норманны. А. В. Селивановъ по вопросу, къ какому племени относится древнее населеніе приокскаго края, высказалъ, что его слѣдуетъ признать принадлежащимъ къ одному изъ племенъ восточныхъ (м. б. мерянскому). В. Р. Апухтинъ и В. Н. Мальковскій изложили результаты произведенныхъ ими раскопокъ въ Болховск. у. Орловск. губ. и Бѣжецк. у. Тверской губ.

По второму отдѣлу (Областная исторія и древности историческія) особенное вниманіе привлекли къ себѣ доклады Н. И. Троицкаго (Изъ исторіи славянской колонизаціи средняго Поволжья), П. А. Илинскаго (Къ вопросу о судьбѣ и бытѣ женщинъ Костромского края въ XVIII стол. по даннымъ Шаховскаго архива), проф. М. Н. Бережкова (О лѣтописи Владимірской со стороны состава и содержанія) и В. Д. Емельянова (О мѣстѣ крещенія св. Владиміра въ Херсонесѣ). По мнѣнію перваго референта, начавшаяся въ концѣ XVI стол. колонизація средняго Поволжья объясняется взятіемъ Казани, уничтоженіемъ враждебныхъ дѣйствій крымскихъ татаръ, укрѣпленіемъ и обороной окраинъ Московскаго царства. П. А.

Илинскій въ живой картинѣ далъ характеристику воспитанія, семейнаго и общественнаго положенія русской женщины XVIII столѣтія въ Костромскомъ краѣ.

По отдѣлу III-му (Памятники церковной и гражданской старины. Иконопись) съ большимъ интересомъ выслушаны были сообщенія И. А. Тихоміpова (О нѣкоторыхъ Ярославскихъ гербахъ), А. И. Соболевскаго (Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь съ точки зрѣнія исторической), В. Т. Георгіевскаго (Объ иконописи во Владиміро-Суздальскомъ краѣ), А. А. Дмитріевскаго (Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ памятникамъ), проф. И. А. Шляпкина (Замѣтка объ иконографіи св. Александра Невскаго) и Н. Г. Первухипа (Символизмъ старой русской иконописи). И. А. Тихоміровъ подробно разсмотрѣлъ вопросъ о происхожденіи герба собственно Ярославскаго; по его мнѣнію, знакъ для этого герба (медвѣдь) избранъ не случайно: онъ имѣетъ для себя основаніе въ народныхъ преданіяхъ, связанныхъ съ именемъ основателя города князя Ярослава и въ древнихъ до-христіанскихъ народныхъ вѣрованіяхъ. А. И. Соболевскій высказалъ, что по вопросамъ о двуперстіи, сугубой аллилуіи и хожденіи посолонь возникли споры въ Россіи въ концѣ XIV вѣка подъ вліяніемъ оживившихся сношеній съ Греціей и южными славянами. Новые же обряды проникли въ Грецію подъ вліяніемъ Сирійской церкви во время пребыванія патріарха и императора въ Никеѣ. Потомъ усвоили ихъ первыми южные славяне, а отчасти и русскіе. Стоглавый соборъ санкціонируетъ своимъ авторитетомъ такіе обряды (двуперстіе и сугубая аллилуія). Но проф. А. А. Дмитріевскій отрицаетъ вліяніе Сирійской церкви на Греческую. Эти обряды, по его мнѣнію, существовали въ Греціи гораздо ранѣе XIV вѣка. По сообщенію В. Т. Георгіевскаго, изученіе памятниковъ древней иконописи Владиміро-суздальскаго края еще почти не начато. Трудность изученія ихъ обусловливается отсутствіемъ опредѣленнаго метода. Изслѣдователи обращали вниманіе только на иконографію, на письмо, а стиль и техника производства затрагивались мало. Разобравъ критически методы гг. Ровинскаго, Покровскаго, Успенскихъ, референтъ нашелъ въ нихъ многіе недостатки и предложилъ свои обоснованные на стилѣ и техникѣ разныхъ школъ иконописанія. Рефератъ проф. А. А. Дмитріевскаго, ознакомившаго членовъ съѣзда съ прекрасными снимками фресокъ XIV—XV вв., лично имъ изслѣдованныхъ на св. горѣ Аѳонской, и сравнившаго ихъ съ нашими, внесъ отчасти новый взглядъ на взаимныя отношенія фресковой живописи нашей и греческой или, частнѣе, существовавшей на Аѳонской горѣ. Н. Г. Первухинъ въ своемъ докладѣ высказалъ, что иконопись на Руси является самымъ древнимъ и самымъ распространеннымъ искусствомъ. Символы же въ христіанскомъ искусствѣ появились въ самыя первыя времена христіанства и взяты были частью изъ евангелія, а частью изъ язычества. Русская иконопись создавала и свои символическіе образы, напр. ангеловъ, олицетворяющихъ страны свѣта. Широкое развитіе въ нашей иконописи получилъ символизмъ аттрибутовъ, заимствованный въ первыхъ вѣкахъ христіанства изъ языческихъ образцовъ (нимбъ, лавровая вѣтвь). Русская иконопись пополняла ихъ новыми мѣстными фор-

мами, какъ напр. икона Флора и Лавра украшалась изображеніями дугъ и бубенчиковъ. Св. Трифонъ изображался съ бѣлой птичкой на протянутой рукѣ, на иконахъ основателей монастырей появились изображенія монастырскихъ зданій. По мнѣнію референта, дѣломъ особой важности въ цѣляхъ детальнаго изученія русской иконописи является основаніе національной галлереи русской иконописи.

Отдѣлы IV и V (Живая старина и Областная этнографія), къ сожалѣнію, были чрезвычайно бѣдны докладами: ихъ представлено всего три, изъ которыхъ одинъ за отсутствіемъ докладчика (Протоіерей І. І. Вознесенскій—О метрѣ и ритмѣ краткихъ народныхъ изреченій) такъ и остался непрочитаннымъ. М. Е. Соколовъ прочиталъ нѣкоторыя пѣсни изъ составленнаго имъ сборника великорусскихъ весеннихъ и хороводныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ Саратовской губерніи. В. А. Андрониковъ въ своемъ докладѣ: „Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины“ (Лѣчебныя средства, употребляемыя простымъ народомъ въ предѣлахъ Костромской губерніи) обрисовалъ міровоззрѣніе предковъ вообще и въ частности относительно болѣзней и ихъ разновидностей, а также взгляды народа на способы лѣченія и предупрежденія болѣзней. Референтъ привелъ полностью относящіеся къ затронутому имъ вопросу и записанные въ Костромской губерніи легенды и заговоры колдуновъ и знахарокъ, а для иллюстраціи представилъ икону, на которой архистратигъ Михаилъ и преподобный Сисинній копьемъ и мечемъ поражаютъ 12 разноцвѣтныхъ женскихъ фигуръ, а подъ ними подпись: сестры-лихоманки. Докладъ В. А. Андроникова—продолженіе его работъ по живой старинѣ, начатыхъ еще со времени перваго Ярославскаго областного съѣзда, гдѣ онъ сообщилъ результаты обращенія Костромской губернской ученой архивной комиссіи ко всѣмъ интересующимся живой стариной и этнографіей въ предѣлахъ Костромской губерніи.

По отдѣламъ VI и VII (Вопросы архивовѣдѣнія и Положеніе архивныхъ комиссій) было также заслушано нѣсколько докладовъ. Изъ нихъ наиболѣе интересенъ докладъ В. Н. Поливанова о преобразованіи архивныхъ комиссій и пр. Въ виду сложности и трудности затронутыхъ на обѣихъ послѣднихъ секціяхъ вопросовъ, съѣздъ постановилъ просить директора Археологическаго Института Н. В. Покровскаго созвать въ С.-Петербургѣ не позже весны будущаго года спеціальный съѣздъ изъ представителей архивныхъ комиссій для обсужденія ихъ положенія и выработки проекта реформы.

Во второй половинѣ съѣзда устроены были археологическія экскурсіи въ Суздаль и Боголюбово. Въ Суздалѣ, кромѣ осмотра древностей самаго города, члены съѣзда ознакомились съ Покровскимъ женскимъ монастыремъ—мѣстомъ заточенія опальныхъ княгинь и царицъ и съ пріобрѣвшимъ себѣ печальную извѣстность Спасо-Евфиміевымъ мужскимъ монастыремъ (здѣсь съ 1766 г. и до апрѣля мѣсяца настоящаго года существовала тюрьма для духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, заключаемыхъ преимущественно за религіозные проступки). Въ Боголюбовѣ интересъ представляли лишь сѣни и молельная комната князя Андрея, а также знаменитая икона Боголюбской Божіей Матери, написанная на кипарисѣ по повелѣнію князя.

Переходя къ оцѣнкѣ общаго впечатлѣнія отъ съѣзда, нельзя не признать, что прошелъ онъ съ замѣтнымъ успѣхомъ, причемъ по характеру докладовъ до извѣстной степени напоминалъ съѣздъ всероссійскій, почему однимъ изъ членовъ акад. А. И. Соболевскимъ было высказано, чтобы на слѣдующемъ съѣздѣ (намѣченъ въ 1909 г. въ Костромѣ) при скопленіи рефератовъ устранялись тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ отношенія къ исторіи и древностямъ Ростово-Суздальскаго края и близкихъ къ нему областей; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ пожалѣть, что докладовъ по этнографіи и живой старинѣ (безусловно наиболѣе интересныя секціи) оказалось такъ мало (3), въ силу чего выражено пожеланіе, чтобы на Костромскомъ областномъ съѣздѣ эти секціи представлены были возможно большимъ количествомъ докладовъ.

---

26 сентября текущаго года исполнится десять лѣтъ со дня открытія **музея барона Штейнгеля** въ имѣніи Городкѣ, Волынской губ. Этотъ образцово поставленный частный музей владѣетъ очень интересными этнографическими и археологическими коллекціями. Редакція въ слѣдующемъ выпускѣ журнала дастъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ музеѣ.

Русскій музей имени Имп. Александра III въ Москвѣ въ 1905 г. Истекшій годъ былъ особенно выдающимся по количеству и научной цѣнности пріобрѣтеній (особенно даровъ) музея. П. И. Щукинъ подарилъ сюда весь свой музей, состоящій изъ значительнаго количества очень рѣдкихъ и цѣнныхъ предметовъ русской старины. Особенно слѣдуетъ отмѣтить древнія иконы (есть XIV в.) и врядъ ли не лучшее въ Россіи собраніе старинныхъ тканей (парчи, ковры, кушаки и т. д.). Покупкою пріобрѣтено 67 различныхъ предметовъ, изъ которыхъ особенно выдаются: крестъ-складень русской работы (XII—XIII в.) и бронзовая панагія (XIII—XIV в.). Въ отчетномъ же году были закончены пріемъ и разборка собранія древностей и библіотеки А. П. Бахрушина, поступившихъ въ Музей по завѣщанію покойнаго жертвователя. Въ виду значительнаго поступленія новыхъ собраній и отдѣльныхъ предметовъ, помѣщеніе музея расширено. („Отчетъ"... музея за 1905 г. М. 1906).

Кавказскій музей и Тифлисская Публичная Библіотека. Изъ поступленій въ отчетномъ году въ отдѣлъ этнографіи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайно цѣнную и интересную коллекцію Кавказскихъ кустарныхъ издѣлій, составленную на средства Министерства Финансовъ Кавказскимъ комитетомъ для образованія Кавказскаго Отдѣла на Всемірной выставкѣ въ St. Louis, и переданную въ музей съ разрѣшенія Министра Финансовъ. Коллекція эта состоитъ изъ 82 шт. ковровыхъ издѣлій, 177 шт. серебряныхъ издѣлій, 26 образц. кавказскихъ суконъ, 8 войлочныхъ шляпъ, 105 образц. шелковыхъ издѣлій, 18 шт. деревянныхъ издѣлій и 109 шт. гончарныхъ издѣлій. Передача этой коллекціи тѣмъ болѣе важна для музея, что большинство предметовъ, какъ, напр., ковры и серебряныя издѣлія, представляютъ большую денежную цѣн-

ность и музей на свои средства не могъ бы составить подобной коллекціи.

Слѣдующимъ по цѣнности пріобрѣтеніемъ Музея надо поставить пожертвованный Кн. М. С. Аргутинской-Долгоруковой богатый грузинскій женскій нарядъ. Онъ состоитъ изъ шелковаго платья и шитыхъ золотомъ и жемчугомъ по бархату лифа и пояса, украшеннаго жемчугомъ и камнями тасав-крави, золотыхъ запонокъ и булавки съ жемчугомъ. Кромѣ того отъ нея же поступилъ очень старинный вышитый шелковый грузинскій женскій поясъ.

Затѣмъ отъ г. Мыкиртича Заргарова (Геокъ-Тапа Арешск. уѣзда): матеріи для домашняго обихода. Привезено изъ экскурсій: двѣ лопаты для обработки рисовыхъ полей—изъ Ленкорани, пара стремянъ лезгинскихъ, огниво, крючекъ для надѣванія кинжала на поясъ,—изъ Нухинскаго уѣзда. Отъ Ф. Л. Шошина: модель короны грузинскихъ царицъ, модель волокуши для молотьбы (груз.), платокъ для завертыванія тасав-крави. Отъ поручика Монюшко: 32 персидскихъ акварельныхъ рисунка для матерій. Пара тулуховъ, (кожаныхъ мѣшковъ) для возки воды въ Тифлисѣ, и др.

Рѣшено съ 1905 года вновь издавать „Извѣстія Кавказскаго Музея“, прекратившіяся въ 1901 г. послѣ выхода 4 выпуска I тома. Къ концу 1904 года въ Библіотекѣ числилось по каталогамъ—21.074 соч. въ 39.253 томахъ (къ концу 1903 г.—20.422 соч. въ 38.268 томахъ).

За послѣднее время особенное вниманіе обращалось на пополненіе книгами отдѣл. Caucasica et orientalia.

Товариство „Просвіта“. Утвержденъ уставъ новаго Кіевскаго о-ва „Просвіта“, имѣющаго своей цѣлью: „допомогати розвиткові української культури і першим чином просвіті українського народу його рідною мовою... А для того Товариство має: а) видавати книжки, журнали, часописи і т. п. українською мовою, б) заводити свої бібліотеки, музеі, читальні, книгарні і т. п., в) споряжати публичні лекції і видчити, загально-просвітні курси,... вистави і т. п... д) оповищати конкурси і премії за найкращі твори письменства та умілости...

IV Областный Археологическій Съѣздъ назначенъ въ 1909 г. въ Костромѣ. Костромскою ученою Архивною Комиссіею предположено уже съ осени текущаго года избрать организаціонный комитетъ для предварительной подготовки.

Первая южно-русская кустарная выставка, была открыта въ Кіевѣ, въ Историческомъ Музеѣ. Выставлены были такія украинскія народныя издѣлія, которыя имѣютъ значеніе въ художественномъ отношеніи. Сюда вошли: ковры, вышивки, ткани съ узорами, раскрашенная посуда и другія предметы гончарной работы, деревянныя вещи, украшенныя рѣзьбой, писанки и пр. Выставка была организована дирекціей Кіевскаго Историческаго музея, пригласившей на помощь лицъ, имѣющихъ коллекціи, или занимающихся изученіемъ народн. искусства. Изъ этихъ лицъ и образованъ былъ комитетъ по устройству выставки. Почти всѣ члены комитета доставили свои, очень значительныя коллекціи, которыя вмѣстѣ съ огромнымъ матеріаломъ, собраннымъ для Музея директоромъ его, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, и съ вещами, присланными Полтавскимъ земствомъ,—и составили эту выставку. „Кіевская Старина“ обѣщаетъ посвятить выставкѣ особую статью.

Въ началѣ января текущаго года о-вомъ распространенія просвѣщенія въ Якутской области въ г. Якутскѣ былъ устроенъ **спектакль на якутскомъ языкѣ**—„Олон, хо (сказка) въ 3 дѣйствіяхъ. Дѣйствіе I, бой богатырей, происходитъ около лѣтняго жилища (урасы) Богатаго Сабыја, подъ открытымъ небомъ. II дѣйствіе — Воскрешеніе богатыря свѣта. III дѣйств.—Свадебный пиръ по возвращеніи богатыря свѣта. Спектакль прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ. (Подробный пересказъ содержанія редакція дастъ въ IV вып.).

Въ Харьковскій, Одесскій и Кіевскій университеты поступаютъ прошенія **о введеніи въ курсъ университетскаго преподаванія исторіи украинской литературы, языка, этнографіи и обычнаго права**. Любопытныя соображенія по этому поводу высказываются въ докладной запискѣ (въ историко-филологическій факультетъ Харьковск. ун-та) проф. Н. Сумцова и статьѣ проф. В. Перетца. (См. Кіевская Старина 1906, май—іюнь, стр. 37—49).

Премія имени Л. П. Кузнецова. 22 октября текущаго года должно состояться присужденіе преміи имени Л. П. Кузнецова за сочиненія по исторіи Сибири. Премія учреждена при Томскомъ университетѣ на проценты съ 24.441 р. 25 к. и присуждается черезъ каждые два года за лучшія печатныя (на русск. языкѣ) сочиненія, поочередно: одинъ разъ—по исторіи Сибири, другой разъ—по антропологіи и соціологіи Сибири. Премія выдается въ полномъ (1500 р.) или въ половинномъ (700 р.) размѣрѣ. Подробности см. Русск. Антр. Журн., кн. XVII—XVIII.

Экспедиція въ Центральную Азію. Въ настоящее время въ области рѣки Тарима и Китайскомъ Туркестанѣ работаетъ американская экспедиція Баррета и Гунтингтона (Barret & Huntington), изучающая отчасти развалины и остатки прежнихъ, нынѣ покинутыхъ поселеній, отчасти физико-географическія условія образованія пустынь. Открыты многочисленныя развалины брошенныхъ селеній и изслѣдованы съ достаточной полнотой нѣкоторыя изъ извѣстныхъ ранѣе. Есть мѣста, покинутыя около 600, 1100 и даже 1600 лѣтъ тому назадъ. Развалины тѣмъ древнѣе, чѣмъ сѣвернѣе они лежатъ.

Экспедиція Миккельсена. Молодой датскій изслѣдователь Миккельсенъ предпринимаетъ экспедицію въ ту часть Сѣвернаго Ледовитаго океана, которая лежитъ у береговъ Восточной Сибири и граничитъ съ Беринговымъ моремъ. Этою экспедиціею, между прочимъ, надѣются разрѣшить вопросъ о разселеніи эскимосовъ, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, перешли на о-ва Парри по предполагаемой грядѣ острововъ, идущихъ отъ береговъ Сибири. (По „Землевѣдѣнію“, 1906. I—II).

Возвратившійся изъ **этнографической поѣздки** (по порученію Этнографическаго Отдѣла Русск. Музея Имп. Александра III) въ Пинскій уѣздъ Минской губ., Э. К. Пекарскій привезъ: принадлежности крестьянской одежды бѣлорусской и малорусской, деревянную посуду, образцы рукодѣлій и пр., всего до 120 экземпляровъ. Соби-

ратель отмѣчаетъ особенную недовѣрчивость крестьянъ къ новому человѣку.

Для того же учрежденія, Н. Н. Виноградовъ изъ Костромской и Ярославской губ. доставилъ собранія старинныхъ вышивокъ шелками, образцовъ набойки, старинный свадебный костюмъ, свѣтцы, образцы рѣзьбы и издѣлій изъ дерева и глины и пр.

Въ губерніяхъ Уфимской и Вятской **археологическими и этнографическими изслѣдованіями** занимался учит. Г. Ахмаровъ.

Въ только что вышедшей 1 и 2 (двойной) книжкѣ, **„Этнографическаго Обозрѣнія"** находимъ статьи: *И. Сперанскаго.* Курскій лирникъ Т. И. Семеновъ; *С. Кузнецова.* Изъ воспоминаній этнографа; *кн. Н. Трубецкого.* Къ вопросу о „Золотой Бабѣ"; *Е. Елеонской.* Нѣкоторыя замѣчанія о пережиткахъ первобытной культуры въ русск. народн. сказкахъ; *Дм. Успенскаго.* Народныя вѣрованія въ церковной живописи. *В. Харузиной.* Нѣсколько словъ о родильныхъ, крестинныхъ обрядахъ и объ уходѣ за дѣтьми въ Пудожск. уѣздѣ Олонецкой губ. Смѣсь, библіографія и хроника. Въ приложеніи—указатель къ кн. LII—LXII Этнограф. Обозр., за 1902—1904 г. Сост. *I. Куликовскій.*

Академикъ Н. П. Кондаковъ въ настоящее время занятъ приготовленіемъ къ печати 2-го выпуска **„Лицевого иконописнаго подлинника"**. Этотъ фундаментальный трудъ, весьма важный для всѣхъ интересующихся исторіей русской иконописи, предпринятъ попечительствомъ о русской иконописи. Изданіе представляетъ несомнѣнный научный и художественный интересъ.

Скоро выйдетъ въ свѣтъ иллюстрированный **„Путеводитель по публичной библіотекѣ"**. Изданіемъ завѣдуетъ академикъ В. В. Стасовъ. Изящный томикъ будетъ снабженъ снимками съ помѣщеній и достопримѣчательностей публичной библіотеки. Стасовъ, какъ извѣстно, состоитъ хранителемъ отдѣла изящныхъ искусствъ библіотеки. Его стараніями составлена обширная коллекція портретовъ Петра Великаго, гравюръ и лубочныхъ картинъ того времени. Описаніе и воспроизведеніе этой рѣдкой коллекціи составляетъ задачу художественнаго изданія „Галлерея Петра Великаго". Въ настоящее время готовится къ печати 2-й выпускъ.

Въ Львовѣ вышелъ третій томъ **сочиненій М. Драгоманова**, подъ заглавіемъ—„Розвідки... про українську народню словесність і письменство". Зладив. М. Павлик. Изд. товарищества имени Шевченка, т. VII филологической секціи.

Проф. М. Грушевскій выпустилъ пятый томъ своей **„Історії України-Руси"** на малорусскомъ языкѣ. Первый томъ этого труда вышелъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ Лейпцигѣ (изд. Б. Тейбнера). Только въ нынѣшнемъ году разрѣшено обращеніе этого сочиненія въ Россіи.

Миссіонеръ *Спитъ* выпускаетъ большой этнографическій трудъ объ африканскомъ племени Эве.

„Исторія дьявола“, небольшая брошюра бывшаго діакона *Диссельгофа* выдержала пять изданій.

Бывшій губернскій агрономъ *Н. Л. Скалозубовъ* обращается къ редакціямъ газетъ и журналовъ, интересующихся сѣверомъ Россіи съ предложеніемъ услугъ по сообщенію свѣдѣній о Березовскомъ краѣ, и жителяхъ, охотѣ, рыбной ловлѣ, о кустарныхъ промыслахъ инородцевъ; беретъ на себя комиссію по составленію коллекцій предметовъ быта остяковъ и вогуловъ для школъ и музеевъ; имѣетъ и высылаетъ фотографіи типовъ и видовъ Сѣвера.

Съ предложеніями адресоваться въ г. Березовъ, Тобольской губ., Николаю Лукичу Скалозубову. Имѣть въ виду, что почта въ Березовъ приходитъ разъ въ недѣлю и идетъ изъ Петербурга 26 дней.

„Русскіе итальянцы“ появились на улицахъ Петербурга. Старики и часть молодежи составили весьма своеобразный хоръ. Одинъ „маэстро“ весьма не дурно играетъ на стариннѣйшемъ инструментѣ, называемомъ „торбанъ“ въ 25 струнъ. Воспроизводятся древнія русскія пѣсни.

Раскопки на о. Березани. Раскопки на о. Березани, произведенныя въ текущее лѣто проф. Э. Р. Штерномъ, дали крупные результаты. Обнаружены стѣны древняго греческаго поселенія VI вѣка до Р. Х., открыта масса античныхъ колодцевъ, найдено множество древней посуды. Въ настоящее время уже ясно виденъ обозрѣвателю планъ греческаго поселенія по фундаменту, и вполнѣ доступна къ изученію культура того времени. Островъ Березань единственное археологическое мѣсто, гдѣ не было верхнихъ слоевъ заселенія, а потому раскопки обнаруживаютъ первоначальное селеніе въ довольно сохранномъ видѣ.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XV годъ изданія. 1906

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XV годъ изданія. 1906

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XV году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XV годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При послѣднемъ выпускѣ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ: 1) Рукописи, присланныя въ редакцію для помѣщенія въ журналѣ, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію. 2) Авторы, желающіе читать корректуру своихъ статей, благоволятъ дѣлать на рукописи соотвѣтствующую помѣтку и указывать свой точный адресъ.

Редакція.

